

Вестник Института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С. П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л. М. – главный научный сотрудник отделения по изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кругликов Л. Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Оботурова Н. С. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Баламут А. Н. – заместитель начальника психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Букалерева Л. А. – заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки»

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мальшев К. Б. – профессор кафедры социологии Вологодского государственного университета, доктор психологических наук, доцент;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Поздняков В. М. – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

Попова И. Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Пудовочкин Ю. Е. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Сочиков Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Спасенников Б. А. – главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Тимофеева Е. А. – заместитель начальника Самарского юридического института ФСИН России по научной работе, доктор педагогических наук, доцент;

Хатуева В. В. – заведующая кафедрой уголовного-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

**Преступление
Наказание
Исправление**

№ 4 (44)

ISSN 2076-4162 Вологда 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	4	ДЕЧКИН О. М. Криминалистическое значение данных о способах совершения убийств осужденными на территории исправительных учреждений	73
БАБАЯН С. Л., АНФИНОГЕНОВ В. А. Анализ повторной преступности осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества и меры по ее профилактике	4	СМОЛЕВА Е. О., ШИШИГИНА С. Н. Роль семьи и референтных групп в формировании противоправного поведения несовершеннолетних	79
НАГОРНЫХ Р. В. Основные направления развития системы кадрового обеспечения государственной службы в правоохранительных органах зарубежных стран	9	АЛИМПИЕВ А. А. О причинах и условиях совершения массовых беспорядков осужденными в местах лишения свободы	88
ШУКАЕВА Е. С., ПЕНСКОЙ П. К. Особенности договорных отношений в сфере оказания услуг третьими лицами для нужд уголовно-исполнительной системы	16	ЯДРИХИНСКИЙ С. А. К вопросу о либерализации наказания в налоговой сфере	96
СЕРЕДИН А. А. Правовое положение потерпевшего – сотрудника уголовно-исполнительной системы: от состояния к недостаткам	23	БОРОВИКОВ С. А. О конструировании цели наказания в уголовном законе	103
ХРУЛЕВА В. В. Правосудие как функция судебной власти в современной России	29	ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	108
ХРАБРОВА Е. В. Особенности воспитательной работы с осужденными женщинами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, по поддержанию социально полезных связей с их детьми, воспитывающимися в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей	36	ОБОТУРОВА Н. С., ЧИРКОВ А. М. Состояние, актуальные проблемы и перспективы развития методологии психотерапии осужденных	108
АВЕРКИН С. Д. Режимное обеспечение деятельности исправительных учреждений и его значение в расследовании пенитенциарных преступлений	43	МАЛЫШЕВ К. Б., МАЛЫШЕВА О. А. Исследование социальной установки обучающихся в ведомственном вузе к мигрантам	114
ПАВЛУШКОВ А. Р. Особенности оформления правового статуса тюремного храма в современной России	49	БАЛАМУТ А. Н., ПОЗДНЯКОВ В. М. Об ориентирах в оценке степени психологической готовности осужденных с пожизненными сроками отбывания наказания к освобождению	121
МУРКШТИС М. И., САВИНОВА Е. А. Объективные признаки незаконного приобретения и изготовления оружия: теория и практика	56	ШТЕФАН Е. Ф. Смысложизненные ориентации осужденных, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы	127
ЯНЧУК И. А. Особенности личности женщин, осужденных к лишению свободы, и их влияние на индивидуализацию исполнения наказания	61	РАКИТСКАЯ О. Н. Об опыте формирования навыков конструктивного общения с родственниками у осужденных на этапе подготовки к освобождению средствами социально-психологического тренинга	133
ДЗИДЗАРИЯ Б. Ю. Уголовно-правовые меры, противодействующие принуждению к даче показаний, в Республике Абхазии	69	ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	138
		ПАНОВА О. Б., ОХАПКИН С. В. Антикоррупционные личностные качества как цели воспитания: историко-педагогический анализ	138
		СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	145

CONTENT

JURISPRUDENCE	4	DECHKIN O. M. The forensic significance of data on the methods of committing murders by convicts in the territory of correctional institutions	73
BABAYAN S. L. , ANFINOGENOV V. A. Analysis of the re-criminality of convicts sentenced to punishment and criminal law measures without isolation from society and measures for its prevention	4	SMOLEVA E. O., SHISHIGINA S. N. The role of family and reference groups in the formation of the illegal behavior of minors	79
NAGORNYKH R. V. Major trends of development of the staffing system of the civil service in law enforcement agencies of foreign countries	9	ALIMPIEV A. A. On the causes and conditions of mass disorders committed by convicts in places of detention	88
SHUKAYEVA E. S., PENSKOY P. K. Peculiarities of contractual relations in the sphere of rendering services of third parts for the needs of the penal system	16	YADRIKHINSKY S. A. On the issue of liberalization of punishment in the tax area	96
SEREDIN A. A. The legal status of the victim – the employee of the penal system: from state to deficiency.	23	BOROVNIKOV S. A. On the construction of the purpose of punishment in criminal law.	103
KHRULEVA V. V. Justice as a function of judiciary in the modern Russia	29	PSYCHOLOGY	108
KHRABROVA E. V. Features of educational work with convicted women serving sentences in the form of imprisonment, maintaining socially useful ties with their children, who are being brought up in the care centers for children left without parental care.	36	OBOTUROVA N. S., CHIRKOV A. M. State, current problems and prospects for the development of psychotherapy methodology for convicts	108
AVERKIN S. D. Ensuring the regime in the activities of correctional institutions and its importance in the investigation of penal crimes.	43	MALYSHEV K. B., MALYSHEVA O. A. Study of social attitudes towards migrant of students in a departmental university	114
PAVLUSHKOV A. R. Features of the legal status of the prison church in modern Russia	49	BALAMUT A. N., POZDNYAKOV V. M. On the guidelines for assessing psychological readiness for release of convicts with life imprisonment sentences	121
MURKSHTIS M. I., SAVINOVA E. A. Objective signs of the illegal acquisition and manufacture of weapons: theory and practice	56	STEFAN E. F. Life-meaning orientations of convicts serving sentences of life imprisonment	127
YANCHUK I. A. Features of the personality of women sentenced to imprisonment and their influence on the individualization of the execution of punishment.	61	RAKITSKAYA O. N. On the experience of the formation skills of constructive communication with relatives of convicts at the stage of preparation for release by means of socio-psychological training	133
DZIDZARIA B. YU. Criminal law measures counteracting coercion to testify in the Republic of Abkhazia	69	PEDAGOGY	138
		PANOVA O. B., OKHAPKIN S. V. Anti-corruption personal qualities as goals of education: historical and pedagogical analysis	138
		INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.	145

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.85

Анализ повторной преступности осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества и меры по ее профилактике

■ **С. Л. БАБАЯН** – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, старший научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

В. А. АНФИНОГЕНОВ – старший научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

В статье проводится анализ причин совершения осужденными к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества повторных преступлений, а также криминогенного состава лиц указанной категории. С целью укрепления взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с различными государственными органами по своевременному реагированию на нарушения осужденными порядка и условий отбывания наказания, совершение ими административных нарушений и преступлений предлагается создать межведомственную базу данных, в которую будет включена информация от органов внутренних дел, подразделений ФССП, судов и иных правоохранительных органов, военных комиссариатов, для оперативного получения сведений и эффективного исполнения наказаний. К совершению повторных преступлений наиболее склонны осужденные к исправительным работам (9,5 %) и наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (9,35 %), а наименее – осужденные, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания (0,4 %).

Соответственно представителям уголовно-исполнительных инспекций необходимо усилить контроль за осужденными к исправительным работам и лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, укрепить взаимодействие с органами местного самоуправления и органами внутренних дел для повышения эффективности исполнения данных видов наказаний и сокращения рецидива преступлений, совершаемых осужденными.

Ключевые слова: рецидив; повторная преступность; осужденный к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества; уголовно-исполнительная инспекция.

Analysis of the re-criminality of convicts sentenced to punishment and criminal law measures without isolation from society and measures for its prevention

■ **S. L. BABAYAN** – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Senior Researcher of the Research Center-2

of the Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

V. A. ANFINOGENOV – Senior Researcher of the Research Center-2 of the Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

The article analyzes the causes of convicts sentenced to punishment and criminal law measures without isolation from the society of return to crimes, as well as the criminogenic composition of this category of persons. In order to strengthen the interaction of the penitentiary inspections with various state bodies to timely respond to violations by convicts of the order and conditions of serving sentences, committing administrative violations and crimes, it is proposed to create an interdepartmental database, which will include information from the internal affairs bodies, units of the Federal Bailiff Service, courts and other law enforcement agencies, military commissariats in order to promptly obtain information and effective execution of sentences. The analysis of the ratio of the number of persons who committed new crimes to the number of persons who were registered by type of punishment showed that the largest share belongs to the convicted to correctional labor – 9.5 % and convicted to the punishment of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities – 9.35 %, and the smallest share belongs to the convicts who are given a delay in serving the sentence – 0.4 %. Accordingly the representatives of the penitentiary inspections need to strengthen control over convicts to correctional labor and convicted to punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities strengthen cooperation with local authorities and internal affairs bodies to improve the efficiency of the execution of these types of punishments and reduce the relapse of crimes committed by convicts.

Key words: relapse; repeated crime; convicted to punishments and measures of criminal-legal character without isolation from society; penitentiary inspection.

Одной из главных задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой России, является сокращение рецидива преступлений, совершаемых осужденными, за счет эффективной социальной и психологической работы с ними [3]. Указанная задача является комплексной, поэтому на ее решение должны быть направлены усилия не только государства, но и институтов гражданского общества.

Важную роль здесь играет профилактическая работа, проводимая сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России, поскольку на них возложены функции по осуществлению превентивной деятельности в отношении делинквентного (противоправного) поведения подконтрольных лиц и созданию предпосылок для предупреждения совершения ими новых преступлений.

Структура профилактической работы включает различные виды превентивной деятельности. В данном контексте следует применять комплекс мероприятий, объединенных понятием «социальная профилактика». Однако детально такая деятельность до сих пор не урегулирована. Кроме того, современная профилактическая работа с осужденными к наказаниям без изоляции от общества требует своего совершенствования и обобщения положительного опыта. В частности, не решены вопросы о полномо-

чиях сотрудников уголовно-исполнительных инспекций по проведению социально-профилактических мероприятий с осужденными данной категории и о взаимодействии с общественными организациями.

Согласно статистическим данным ФСИН России количество повторных преступлений, совершенных осужденными к наказаниям без изоляции, по сравнению с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, неуклонно растет, что, по нашему мнению, связано с влиянием криминальной субкультуры, действием криминальных факторов как в процессе, так и после отбытия наказания. Получение объективных данных о состоянии и детерминации повторной преступности существенно осложняется ее высокой латентностью. Преступность лиц, отбывающих наказание за пределами исправительных учреждений, обусловлена недостатками социализации, адаптации в обществе, контроля со стороны правоохранительных органов, профилактической работы с ними, а также криминальными факторами социальной среды.

Известно, что проблемы предупреждения преступности всегда волновали общество. С возникновением уголовно-правовых запретов, появилась потребность в применении не только карательных, но и предупредительных мер воздействия на преступность. Изучение преступности, ее причинного ком-

плекса, особенностей личности преступника и жертвы преследует цель выработки эффективной системы мер предупреждения этого негативного явления.

Вместе с тем цель анализа должна состоять не в том, чтобы «добыть» какую-то конкретную цифру, а в том, чтобы определить более или менее устойчивую тенденцию динамики преступности, направление развития, общие темпы и масштабы изменения тех или иных показателей, точки «перелома» тенденций.

Преступность – чрезвычайно сложная система, в которой особое место занимает рецидивная преступность. Это объясняется негативным влиянием рецидивной преступности на воспроизводство первичной преступности, осложнением криминальной ситуации в стране, ростом совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Рецидивист ввиду стойкости его антиобщественных установок негативно воздействует на неустойчивых лиц, что способствует распространению криминальной субкультуры.

Рецидивная преступность – один из видов преступности, представляющий повышенную общественную опасность и отличающийся рядом особенностей, относящихся в том числе к причинам рецидивной преступности, личности преступников-рецидивистов, а также специфике предупреждения преступного рецидива.

В то же время понятие «повторность» включает в себя совершение осужденными неосторожных преступлений, а также совершение условно осужденными умышленных преступлений небольшой тяжести, которые не учитываются при признании рецидива преступлений (ч. 4 ст. 18 УК РФ). В связи с этим в статье используется термин «повторная преступность».

Анализ показывает, что если в 2010–2015 гг. уровень повторной преступности подучетных уголовно-исполнительным инспекциям осужденных снизился с 2,46 до 1,51 %, то есть более чем в полтора раза, то в 2016 г. он повысился до 2,02 %, в 2017 г. тенденция повышения сохранилась и рассматриваемый уровень достиг 2,44 %. Таким образом, уровень повторной преступности в 2017 г. увеличился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 20,96 %.

Возможно, указанное повышение уровня повторной преступности в 2016 и 2017 гг. по сравнению с 2015 г. вызвано введением в действие с 01.07.2015 ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом,

подвергнутым административному наказанию». Кстати, по данным УОИНИО ФСИН России, уровень повторной преступности осужденных по ст. 264 УК РФ в 2017 г. составляет 0,46 % (4520 чел.).

Так, по данным НИИИТ ФСИН России (г. Тверь), в 2015 г. из 853 531 осужденного, состоявшего на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, в отношении 25 084 чел. были возбуждены уголовные дела за совершение повторного или рецидивного преступления после постановки на учет УИИ, что составляет 2,9 % от общего количества осужденных, находившихся на учете в 2015 г. В 2016 г. данный показатель составил 3,1 %, а в 2017 г. – 3,9 %, что также является определенным повышением. Доля состоявших на учете в уголовно-исполнительных инспекциях в 2015 г. осужденных, в отношении которых были возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления до постановки их на учет, составляет 1,06 % от общего количества осужденных, состоявших на учете. В 2016 г. данный показатель повысился и достиг уже 1,36 %, а в 2017 г. несколько снизился и составил 1,31 %.

Среди лиц, в отношении которых были возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления после постановки на учет в УИИ, доля ранее судимых осужденных в 2017 г. составила 21 329 (АППГ – 14 880), или 55,40 %, причем половина из них были ранее судимы. По нашему мнению, это связано с достаточно высокой криминальной зараженностью осужденных, поскольку они склонны к противоправному поведению из-за выраженной криминальной направленности, а также определенной социальной уязвимости [2, с. 76]. Представляется, что деятельность инспекций по осуществлению специального и индивидуального предупреждения преступного поведения лиц, состоящих у них на учете, может быть эффективна только во взаимодействии с органами внутренних дел и другими правоохранительными органами, а также институтами гражданского общества, которые могут оказывать содействие в контроле за данной категорией осужденных. Кроме того, такая деятельность напрямую связана с качественным и своевременным внедрением таких передовых форм и методов работы уголовно-исполнительных инспекций, как электронный мониторинг и слежение за осужденными в период отбывания наказания в виде ограничения свободы [4, с. 211].

Анализ криминогенного состава рассматриваемой категории осужденных свидетельствует о том, что основное количество повторных преступлений в 2017 г. приходилось на условно осужденных и составляло 24 570, то есть повторно совершили преступления 63,8 % от общего количества условно осужденных. Данный показатель в 2016 г. составлял 19 389 чел., или 71,9 %. Таким образом, наблюдается некоторая тенденция к уменьшению числа лиц рассматриваемой категории (по сравнению с АППГ на 8,1 %).

Интересным представляется соотношение количества совершивших новые преступления к числу лиц, прошедших по учетам по видам наказаний. Так, доля лиц, совершивших новые преступления, от общего количества условно осужденных составляет только 4,99 %, от осужденных к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – 9,35 %, от осужденных к обязательным работам – 8,3 %, к исправительным работам – 9,5 %, к ограничению свободы – 0,74 %, от имеющих отсрочку отбывания наказания – 0,4 %. Таким образом, наибольшее количество совершивших новые преступления среди осужденных к исправительным работам и осужденных к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а наименьшее – среди осужденных, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания.

Очевидно, сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций необходимо усилить контроль за осужденными к исправительным работам и наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, укрепить взаимодействие с органами местного самоуправления и органами внутренних дел для повышения эффективности исполнения данных видов наказаний. В связи с этим представляется возможным создать такой общественный орган, как институт общественных инспекторов уголовно-исполнительных инспекций, а также ввести общественный контроль за уголовно-исполнительными инспекциями с наделением его представителей правом рассматривать жалобы, предложения, заявления осужденных и других лиц, которым каким-либо образом стало известно о нарушении прав осужденных. Это потребует изменения Федерального закона от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах при-

нудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» посредством включения в него раздела об общественном контроле за соблюдением прав лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях.

Одним из средств профилактики правонарушений является применение к осужденным поощрительных средств за правопослушное поведение в период отбывания наказания. Уголовно-исполнительные инспекции в отношении осужденных к исправительным работам не применяют никаких мер поощрений, что не соответствует принципу стимулирования правопослушного поведения. Тем не менее более половины опрошенных сотрудников инспекций (61 %) считают возможным и целесообразным использование таких мер. Также следует предусмотреть применение уголовно-исполнительными инспекциями поощрения в виде благодарности (данную идею поддерживают 57,8 % сотрудников) [1, с. 383]. Правом применения мер поощрения должен пользоваться начальник уголовно-исполнительной инспекции или лицо, его замещающее.

Численность лиц, снятых с учета уголовно-исполнительных инспекций в 2017 г. в связи с осуждением за совершение повторного преступления после постановления на учет, составила 15 692 осужденных. Их доля в количестве осужденных, состоявших на учете уголовно-исполнительных инспекций в 2017 г. (989 228 осужденных), составляет 1,59 % (АППГ – 1,22 %), а доля несовершеннолетних осужденных этой категории – 1,17 % (АППГ – 1,12 %). Если с 2010 по 2016 гг. данный показатель имел положительную динамику (уменьшился с 1,73 до 1,22 %, то есть на 0,51 единицу), то в 2017 г. он вырос в сравнении с АППГ на 0,37 %. В данном случае настораживает некоторая тенденция к увеличению количества лиц, снятых с учета уголовно-исполнительных инспекций в связи с осуждением за совершение повторного преступления после постановления на учет, по отношению к общему числу лиц, состоявших на учете УИИ в 2017 г.

Важным представляется проведение анализа осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, исходя из уголовно-правовой характеристики этих лиц. Анализ повторной преступности лиц, приговоренных к наказаниям без изоляции от общества, осуществленный в 2017 г., показал, что с 2010 по 2017 гг. увеличилась доля лиц, совершивших повтор-

ные преступления после постановки на учет в УИИ, осужденных по следующим статьям: ст. 105 УК РФ (с 0,61 до 0,74 %); ст. 157 УК РФ (с 1,25 до 2,21 %); ст. 228–228.4 УК РФ (с 11,92 до 12,78 %); ст. 264 УК РФ (с 0,55 до 6,94 %); прочие (с 20,42 до 32,59 %). Приведенные данные обнаруживают, что значительный рост уровня повторной преступности наблюдается среди лиц, привлеченных к ответственности по ст. 264 УК РФ, и в категории «прочие», где отражены сведения и по ст. 264.1 УК РФ.

За период с 2010 по 2017 гг. уменьшилась доля лиц, осужденных за повторные преступления, совершенные после постановки на учет в УИИ: по ст. 131 УК РФ – с 0,4 до 0,2 %; ст. 158 УК РФ – с 42,29 до 32,05 %; ст. 159 УК РФ – с 2,63 до 1,19 %; ст. 161 УК РФ – с 11,43 до 5,34 %; ст. 162 УК РФ – с 1,85 до 0,86 %; ст. 163 УК РФ – с 0,5 до 0,23 %; ст. 213 УК РФ с 0,31 до 0,05 %. При этом доля осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления в общем количестве лиц, осужденных за повторные преступления, совершенные после постановки на учет в УИИ, уменьшилась в период с 2010 по 2013 гг. с 16,78 до 15,42 %. В 2014 г. данный показатель вырос до 18,56 %, а в 2015–2017 гг. постепенно снижался (18,39, 14,33, 14,13 % соответственно), что может свидетельствовать о положительной тенденции сокращения количества тяжких и особо тяжких преступлений среди подконтрольных осужденных и дальнейшем благоприятном прогнозе.

Одним из важных показателей уровня повторной преступности является социально-криминологическая характеристика совершивших повторные преступления осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества. Согласно статистическим данным ФСИН России из 989 228 осужденных, состоявших на учете в УИИ в 2017 г., 169 947 были ранее судимы за совершение преступлений, что составляет 17,17 % (АППГ – 15,86 %); 211 724 осужденных до осуждения не были заняты трудом или учебой, что составляет 21,40 % (АППГ – 8,96 %). В 2017 г. в отношении 38 461 осужденного были возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления после постановки на учет. При этом из них 21 329 были ранее судимы, что составляет 55,46 % (АППГ – 55,22 %); 21 940 до осуждения не были заняты трудом или учебой, что составляет 57,05 % (АППГ – 53,25 %); 17 889 осужденных ранее при отбывании наказаний и мер уголовно-правового характера допускали

нарушения порядка и условий отбывания наказания, что составляет 45,62 % (АППГ – 51,95 %). В течение последних пяти лет доля данных осужденных по отношению к общему количеству лиц, в отношении которых возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления после постановки на учет уголовно-исполнительных инспекций, существенным образом не менялась.

Если проанализировать виды наказаний, то в 2017 г. наибольшее число лиц, в отношении которых были возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления после постановки на учет, отбывали наказание в виде ограничения свободы (61,9 %), что подтверждается и более ранними исследованиями [5, с. 211]. Не секрет, что одной из причин преступного поведения в период ограничения свободы является криминогенная мотивация стремления к полному освобождению. В этот момент осужденный ощущает, что он вроде бы и свободен, но в то же время ограничен в своем поведении. Криминогенная мотивация пытается разрешить такое противоречие. Наличие ее свидетельствует о том, что осужденные не считаются с условиями исполнения наказания и совершают преступления весьма интенсивно.

Наименьшее количество лиц, в отношении которых были возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления после постановки на учет отмечается среди тех, кому предоставлена отсрочка отбывания наказания (43,96 %). Кроме того, в 2017 г. доля мужчин составила 84,81 %, из которых в возрасте до 30 лет – 41,63 %.

Таким образом, приведенные выше показатели свидетельствуют о том, что при исполнении наказаний особое внимание следует обращать на лиц мужского пола в возрасте до 30 лет, ранее судимых, не занятых до осуждения трудом или учебой и допускаявших в период отбывания наказаний и мер уголовно-правового характера нарушения порядка и условий отбывания наказания с целью предупреждения совершения правонарушений и преступлений с их стороны.

В связи с этим для совершенствования взаимодействия с государственными органами, своевременного обмена информацией и принятия дисциплинарных мер воздействия в отношении осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, представляется возможным создать межведомственную базу данных, в которую будет включена информация от

органов внутренних дел, подразделений ФССП, судов и иных правоохранительных органов, военных комиссариатов, с целью оперативного получения сведений и эффективного исполнения наказаний. Данная база будет способствовать своевременному реагированию на различного рода нарушения, в том числе нарушения порядка и условий отбывания наказания, административные правонарушения и преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаян С. Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 592.
2. Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, в России и зарубежных странах : моногр. / под общ. ред. А. М. Потапова. Вологда, 2015. 230 с.
3. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Смирнова И. Н. Методологические, организационные и правовые основы деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества : дис. ... д-ра юрид. наук. Псков, 2010. 552 с.
5. Старков О. В., Милюков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001. 461 с.

REFERENCES

1. Babayan S. L. Pooshchritel'nye instituty ugovovno-ispolnitel'nogo prava (teoriya i praktika primeneniya) : dis. ... d-ra yurid. nauk [Incentive institutions of criminal law (theory and practice of application) : the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 2014. P. 592. (In Russ.).
2. Ispolnenie nakazaniy, ne svyazannyh s izolyaciej osuzhdennyh ot obshchestva, v Rossii i zarubezhnyh stranah : monogr. / pod obshch. red. A. M. Potapova [Execution of punishments not related to the isolation of convicts from society in Russia and foreign countries : monograph : ed. by A. M. Potapov]. Vologda, 2015. 230 p. (In Russ.).
3. Konceptsiya razvitiya ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Ros. Federacii ot 14.10.2010 № 1772-r (red. ot 23.09.2015) [The concept of development of the penal system of the Russian Federation until 2020 : approved by order of the Government of The Russian Federation from 10.14.2010 No. 1772-o (in red. on 09.23.2015)]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
4. Smirnova I. N. Metodologicheskie, organizacionnye i pravovye osnovy deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy v sfere ispolneniya nakazaniy, ne svyazannyh s izolyaciej osuzhdennogo ot obshchestva : dis. ... d-ra yurid. nauk [Methodological, organizational and legal framework for the activities of the penal system in the field of execution of punishments not related to the isolation of the convict from society : the diss. ... Dsc. in Law]. Pskov, 2010. 552 p. (In Russ.).
5. Starkov O. V., Milyukov S. F. Nakazanie: ugovovno-pravovoj i kriminopenologicheskij analiz [Punishment: criminal law and criminopenological analysis]. St. Petersburg, 2001. 461 p. (In Russ.).

УДК 342.95(100)

Основные направления развития системы кадрового обеспечения государственной службы в правоохранительных органах зарубежных стран

Р. В. НАГОРНЫХ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Реферат

Статья посвящена актуальным проблемам развития систем кадрового обеспечения государственной службы в правоохранительных органах зарубежных стран. Делается вывод о том, что в современных условиях административное законодательство о государственной службе в правоохранительных органах зарубежных государств отличается большим разнообразием. Автор обосновывается позиция о том, что на современном этапе развития профессиональной подготовки сотрудников правоохранительной службы в разных странах прослеживается ряд тенденций: демократизация процесса отбора в правоохранительные органы, гуманизация образовательного процесса, интеллектуализация обучения, формирование творческого мышления личности сотрудника, а не только специалиста по выполнению определенной деятельности, обязательность начальной базовой профессиональ-

ной подготовки для всех поступающих на службу независимо от имеющегося у них образования (в том числе высшего), стремление систем образования разных стран к интеграции и кооперации.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование; государственная служба; правоохранительная сфера; государственная служба; кадровое обеспечение.

Major trends of development of the staffing system of the civil service in law enforcement agencies of foreign countries

R. V. NAGORNYKH – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Abstract

The article is devoted to current problems of the development of staffing system for the public service in law enforcement agencies of foreign countries. It is concluded that in modern conditions the administrative legislation on the state service in law enforcement agencies of foreign states is distinguished by a great variety. The author substantiates the position that at the present stage of development of professional training for law enforcement officers in different countries a number of trends can be traced: democratization of the selection process in law enforcement agencies, humanization of the educational process, intellectualization of education, formation of the creative thinking of an employee's personality, and not only the specialist in the performance of certain activities; compulsory initial basic training for all who enter the service, regardless of their education (including higher education); the aspiration of the education systems of different countries to integration and cooperation.

Keywords: administrative and legal regulation; public service; law enforcement; staffing system.

Законодательство и правоприменительная практика государственной службы в правоохранительной сфере и ее кадровое обеспечение в зарубежных государствах отличаются большим разнообразием и требуют внимательного изучения и критического осмысления.

Современный этап развития государственной службы в правоохранительной сфере в зарубежных странах следует рассматривать как отражение, с одной стороны, модернизационных процессов в национальных политико-правовых системах, с другой – общемировых тенденций трансформации государственного развития в условиях распространения либеральных взглядов на развитие мирового сообщества [3, с. 54–55], [6, с. 109]. По такой схеме взаимного влияния идут процессы формирования государственной службы в большинстве развивающихся стран и стран с так называемой переходной экономикой.

В этих условиях развитие большинства систем государственного управления на-

циональных государств строится по классической «веберовской» схеме, в которой бюрократия, то есть профессиональное чиновничество, является основой механизма государственного управления, играет ведущую роль в принятии управленческих решений, существенно влияет на политическую ситуацию в стране, имеет четкую вертикальную иерархию, высокую степень централизованности и корпоративности и т. д.

Вместе с тем в большинстве развитых стран, вступивших в стадию постиндустриального развития [1, с. 27–29], подходы к традиционному пониманию государственной службы существенно трансформировались. В основу новой «реалистической» трактовки бюрократии [10, 11, 12] заложена концепция кадровой политики, в которой государственная служба рассматривается как особый институт оказания социально значимых услуг, в большей степени опирающийся на человеческий потенциал и творчество. При этом предпосылками формирования современного этапа модернизации государственной

службы развитых стран являются задачи повышения эффективности государственного управления путем усиления его децентрализации, упрощения процедур и структур, большей самостоятельности управленческого персонала в принятии решений [5, с. 126–129; 9, с. 6]. На смену бюрократической зависимости и иерархической подчиненности приходит принцип автономии и ответственности за выполнение основных задач, возлагаемых на государственные структуры при удовлетворении потребностей отдельной личности в сфере обеспечения законности и правопорядка во всех их многообразных проявлениях.

В процессе реформы использование передового зарубежного опыта построения государственной службы в правоохранительной сфере может принести существенную пользу. Вместе с тем единой точки зрения о возможности заимствования зарубежного опыта нет. Так, существует мнение, исключающее принятие за основу опыта зарубежных стран в силу большой специфики национально-государственных условий, предопределяющих исключительность государственной службы в каждом отдельном государстве.

В этом случае России требуется система государственной службы в правоохранительной сфере, основанная на отечественной традиции и использующая проверенный дореволюционный и советский опыт.

Другой взгляд подразумевает, что в России в полной мере нет и не было государственной правоохранительной службы, соответствующих правового государства и гражданского общества. В этих условиях требуется подробно исследовать иностранный опыт и перенять лучшие образцы и примеры государственной службы за рубежом [4, с. 36–41].

Представляется, что при анализе проблем государственной службы в правоохранительной сфере нельзя отдавать предпочтение какому-либо из названных подходов, а наоборот, необходимо стремиться к вычленению наиболее рациональных, позитивных форм. Особое значение в этой связи приобретает достижение целей проведения эффективной кадровой политики, поскольку именно в ней должны быть заложены основополагающие концептуальные идеи построения и развития государственной службы в правоохранительной сфере.

В целом мировые тенденции развития законодательства и систем профессиональной подготовки кадров для правоох-

ранительных органов позволяют выделить несколько основных направлений совершенствования государственного управления в данной области.

Во-первых, в ближайшие годы должна быть проведена активная законодательная работа по созданию действенного правового механизма государственной службы и ее отраслевых разновидностей, прежде всего службы в правоохранительных органах. Приоритетной задачей развития законодательства в рассматриваемой сфере является принятие федерального закона Российской Федерации «О государственной службе в правоохранительной сфере», а также последующее приведение в соответствие с ним действующего законодательного массива, определяющего правовой статус сотрудников отдельных правоохранительных органов.

Во-вторых, необходимо комплексное совершенствование системы государственного управления кадровыми процессами государственной службы в правоохранительной сфере, что предполагает повышение эффективности системы управления кадровой работой на основе функционального и организационного построения подсистем управления кадрами на всех уровнях правоохранительной системы с учетом правомерного сочетания законных интересов Российской Федерации и ее субъектов. При этом, по мнению ряда авторов, подобного рода процессы должны сопровождаться решением вопросов создания современной единой системы связи, передачи и получения оперативной и достоверной кадровой информации, комплексного систематизированного анализа кадровой ситуации и прогнозирования кадровых процессов в правоохранительных органах [7, с. 8–10; 8, с. 7–12].

Важным направлением совершенствования кадровой политики является проведение научного анализа в процессе выработки управленческих решений и прогнозирования кадровой ситуации. При этом самому тщательному изучению должны быть подвергнуты статические и динамические показатели состояния трудовых ресурсов страны, регионов и правоохранительной системы. Должны быть детально проанализированы общие и региональные потребности правоохранительных органов в кадрах, в том числе в специалистах с различным образовательным уровнем. В глубоком изучении и переработке нуждаются квалификационные требования к сотрудникам правоохранительных органов различного

должностного уровня, кандидатам на службу и учебу в образовательных учреждениях правоохранительной системы, а также содержание профессионального образования, научно-педагогического потенциала научных и образовательных учреждений правоохранительной системы. При этом важными направлениями внутриорганизационной деятельности по кадровому обеспечению является выработка оптимальных критериев и показателей оценки работы с кадрами правоохранительных органов, в том числе результатов изучения общественного мнения о деятельности государственных служащих правоохранительных органов. Большое внимание должно уделяться вопросам научно-методического обеспечения кадровой работы, изучения и внедрения передового отечественного и зарубежного опыта работы с персоналом правоохранительных органов. Это позволит обеспечить упреждающий характер реагирования на негативные изменения кадровой ситуации, а также создать надежный механизм управления кадровыми процессами.

В-третьих, оптимизация управления кадровыми процессами государственной службы в правоохранительной сфере подразумевает осуществление качественной модернизации информационного и аналитического обеспечения управления кадровой работы на основе создания единого информационного пространства кадровых аппаратов правоохранительных органов и разработки информационно-аналитической системы обеспечения принятия управленческих решений. Это позволит осуществить: накопление статистической информации (в виде электронного досье) о кадровом составе правоохранительных органов; информационную поддержку профориентационной работы с учащейся молодежью, подготовку ее к службе в правоохранительных органах; оптимизацию управления продвижением по службе сотрудников с учетом их профессиональных и личностных качеств; сокращение оттока квалифицированных кадров за счет подбора возможных оптимальных вариантов их перехода в другие службы и подразделения, а в отдельных случаях и в другие правоохранительные органы; управляемость процессами движения кадров и трудоустройства сотрудников, достигших предельного возраста по состоянию на службе; обеспечение доступа к единой нормативной базе кадровой работы и т. д.

В-четвертых, при комплексном решении проблем повышения эффективности

государственной службы в правоохранительной сфере должно внимание следует уделить и вопросам совершенствования системы оценочных показателей работы с кадрами. По нашему мнению, главными критериями оценки работы с кадрами должны стать:

- результаты служебной деятельности того или иного правоохранительного органа в отдельности и правоохранительной системы в целом;

- количественные и качественные показатели, характеризующие кадровый состав правоохранительных органов;

- состояние служебной дисциплины и законности в правоохранительных органах;

- мнение населения о результатах деятельности правоохранительных органов, выявляемое с помощью регулярных социологических опросов, анализа публикаций в средствах массовой информации, писем и заявлений граждан.

В-пятых, целесообразно комплексно подойти к решению вопроса о создании единой государственной системы профессиональной подготовки специалистов различных профилей для правоохранительных органов. Одним из важных средств достижения целей государственной службы в правоохранительной сфере является эффективная система профессиональной подготовки кадров, которая должна быть направлена на непрерывное совершенствование профессиональных навыков, знаний и умений служащих, развитие интеллекта, личностных качеств на протяжении всего периода службы.

В этой связи, на наш взгляд, основными задачами профессиональной подготовки кадров правоохранительных органов являются:

- обучение качественному выполнению служебных обязанностей в строгом соответствии с требованиями нормативных правовых актов;

- обеспечение постоянной готовности к выполнению повседневных оперативно-служебных задач и действиям в условиях осложнения оперативной обстановки;

- формирование высоких морально-психологических качеств, чувства личной ответственности за выполнение служебного долга, культуры в работе;

- активное содействие внедрению в практику служебной деятельности достижений науки и техники, передовых форм и методов работы, основ научной организации труда;

– достижение высокого уровня служебной, боевой и физической подготовки личного состава.

Реализация основных направлений кадровой политики в правоохранительной сфере обуславливает потребность постоянного совершенствования ведомственных подсистем профессионального образования, приоритетной целью развития которых должно стать создание многоуровневой системы подготовки специалистов.

Центральное место в системе профессиональной подготовки профильных специалистов для правоохранительной системы страны должны занять ведомственные образовательные учреждения. При этом, на наш взгляд, возможно предложить следующую организационную структуру ведомственных образовательных учреждений: учебные центры (пункты) при территориальных подразделениях правоохранительных органов, межрегиональные учебные центры, институты (филиалы вузов) повышения квалификации и переподготовки кадров, средние специальные учебные заведения (колледжи), высшие учебные заведения (институты, академии, университеты). Кроме того, принципиально важным в этой связи является решение задачи создания единой универсальной системы профессиональной подготовки кадров для правоохранительных органов, а также последовательное создание образовательных учреждений высшего профессионального образования, осуществляющих подготовку профильных специалистов для различных правоохранительных органов.

В числе первоочередных задач ведомственных вузов следует назвать расширение спектра образовательных программ подготовки специалистов, интеграцию образования, науки и практической деятельности, дальнейшую информатизацию образовательной деятельности, повышение эффективности международного сотрудничества. Образовательные организации, осуществляющие подготовку профильных специалистов для правоохранительных органов, должны формироваться как многопрофильные учебные заведения, призванные стать региональными образовательными и научно-методическими центрами профессиональной подготовки кадров. Более широко должны привлекаться к подготовке специалистов для правоохранительных органов гражданские образовательные учреждения.

Безусловно, требует модернизации и образовательный процесс в учебных заведе-

ниях правоохранительных органов, который в современных условиях предполагает расширение направлений подготовки специалистов, приведение содержания и структуры профессиональной подготовки кадров в соответствие с современными потребностями правоохранительной деятельности, использование активных форм и методов обучения, надлежащее научно-методическое обеспечение, внедрение информационных образовательных технологий.

В качестве одного из приоритетных направлений следует рассматривать совершенствование системы переподготовки и повышения квалификации кадров правоохранительных органов. Необходимо значительно увеличить количество руководителей правоохранительных структур различных уровней, направляемых на повышение квалификации, создать благоприятные условия для повышения квалификации и переподготовки действующего управленческого персонала, прежде всего низового и среднего звена. Целесообразно рассмотреть вопрос о назначении сотрудников на руководящие должности только после прохождения переподготовки или повышения квалификации в соответствии с категорией замещаемой руководящей должности.

Кадровым службам правоохранительных органов особое внимание следует уделять работе с резервом кадров на выдвижение, поскольку существующие в данной сфере деятельности недостатки приводят к серьезным нарушениям при выдвижении на руководящие должности.

В профессиональной подготовке сотрудников правоохранительных органов в силу специфики их деятельности одно из ведущих мест должно занимать духовно-нравственное и патриотическое воспитание. Эта задача должна рассматриваться в общем русле приоритетных направлений кадровой политики в правоохранительной сфере: развитие духовно-нравственных устоев службы, воспитание у личного состава гражданственности, патриотизма, неукоснительного соблюдения законов, присяги и этических норм.

В целом централизованная система профессиональной подготовки служащих государственной правоохранительной службы должна предусматривать создание соответствующего федерального органа исполнительной власти (Федеральной службы по управлению государственной службой Российской Федерации) и включать в себя:

- начальное профессиональное образование (обучение по месту службы, курсовое обучение, стажировку в занимаемой должности по месту службы);

- служебную, боевую и физическую подготовку, осуществляемую в подразделениях и учреждениях;

- обучение в образовательных организациях правоохранительных органов;

- обучение в системе дополнительного профессионального образования;

- стажировку лиц, зачисленных в резерв кадров для выдвижения, и лиц, впервые принятых в правоохранительные органы на должности руководящего состава;

- получение послевузовского образования.

Дальнейшего совершенствования требуют и психолого-педагогическая подготовка сотрудников, основной целью которой должно стать обеспечение их готовности к преодолению трудностей профессиональной деятельности и решению сложных психологических и педагогических задач за счет формирования общей и специальной профессиональной подготовки.

Важнейшим направлением профессиональной подготовки кадров для правоохранительной системы страны является совершенствование боевой, тактико-специальной и физической подготовки. В этой связи необходимыми являются:

- повышение уровня знаний, формирование практических умений и навыков сотрудников для действий в чрезвычайных ситуациях;

- формирование морально-психологической устойчивости сотрудников к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях;

- изучение в системе профессиональной подготовки новых приемов, способов, форм проведения специальных операций.

В целях дальнейшего развития системы профессиональной подготовки кадров необходимо активизировать международное сотрудничество, приоритетным направлением которого должна стать работа по осуществлению совместных проектов, проведению научных исследований, введению новых образовательных программ, созданию учебно-методических комплексов по дисциплинам, развитию информатизации образовательного процесса.

Необходимым условием совершенствования профессиональной подготовки кадров является надлежащее научно-методическое обеспечение. В этой связи следует активизировать проведение научных исследова-

ний проблем кадрового обеспечения деятельности правоохранительных органов, в том числе профессиональной подготовки кадров, развития системы образовательных учреждений, технологии кадровой работы.

В-шестых, необходимо последовательное совершенствование воспитательной работы с кадровым составом правоохранительных органов. Воспитательная работа в правоохранительных органах рассматривается в специальной литературе как целенаправленная деятельность руководителей, кадровых аппаратов, общественных организаций по формированию у служащих профессиональных и нравственных качеств, которые обусловлены оперативно-служебной деятельностью и необходимы для эффективного выполнения ими своих должностных функций [6, с. 5].

В целях упрочения духовно-нравственных основ службы, воспитания верности гражданскому и служебному долгу, неукоснительного соблюдения законов и этических норм требуется создать качественно новую систему воспитательной работы среди личного состава. Необходимо возродить и активизировать деятельность общественных формирований служащих правоохранительных органов, в том числе ассоциаций выпускников образовательных учреждений, ветеранских организаций, судов чести, фондов и союзов.

Важным направлением совершенствования работы с личным составом следует считать развитие психологических служб и подразделений в правоохранительных органах. Психологическое обеспечение служебной деятельности личного состава целесообразно реализовать через профессионально-психологический отбор кандидатов на службу и учебу в образовательных учреждениях; оказание психологической помощи молодым сотрудникам в процессе адаптации к службе; психологическое изучение сотрудников при расстановке кадров, перемещении по службе, работе с резервом на выдвижение; участие практических психологов в работе аттестационных комиссий; психологическую адаптацию личного состава к выходу на пенсию; психологическое консультирование руководителей по работе с персоналом и управлению в правоохранительных органах; предупреждение и психологическую коррекцию профессиональных и бытовых стрессов, утомления, других неблагоприятных психических состояний; психологическое обеспечение деятельности в экстремальных условиях; широкое использование в процессе воспитания лич-

ного состава психологических средств и методов; социально-психологические обследования коллективов, изучение морально-психологического климата и выработку рекомендаций по его оптимизации; выявление лиц, склонных к деструктивному поведению; предупреждение и психологическую коррекцию проявлений профессиональной деформации личности сотрудников; индивидуально-психологическое консультирование служащих и членов их семей; помощь в разрешении личных и семейных конфликтов.

В-седьмых, необходимо усиление социально-правовой защищенности служащих государственной службы в правоохранительной сфере. Правоохранительная служба, как известно, связана с выполнением функций охраны правопорядка в условиях, сопряженных с риском для жизни и здоровья, повышенными физическими и эмоциональными нагрузками, неблагоприятным воздействием различного рода факторов. Особый характер такой службы не только обуславливает предъявление повышенных требований к допускаемым к ней лицам и установление в связи с этим законодательных ограничений их прав и свобод, но и предопределяет обязанность государства в соответствии со ст. 1, 2, 7, 37, 39, 45, 59 и 71 Конституции Российской Федерации гарантировать им повышенную социальную защиту, включая соответствующее их осо-

бому статусу и характеру службы денежное довольствие, медицинское, санаторно-курортное и пенсионное обеспечение. В связи с этим, на наш взгляд, необходима более детальная правовая регламентация социальной защиты служащих правоохранительных органов и членов их семей.

Последовательная реализация кадровой политики в сфере государственной службы в правоохранительной сфере предполагает социальную защиту служащих, которая рассматривается как законодательно установленная и реализуемая на практике система мер, направленных на удовлетворение социальных потребностей служащих и членов их семей. В этой связи решение задач социальной защищенности служащих государственной службы в правоохранительной сфере должно включать в себя различные меры организационного, правового, социально-психологического и экономического характера. С этих позиций необходимо существенно изменить роль кадровых и воспитательных аппаратов, которые должны на комплексной основе решать в том числе и вопросы психологического сопровождения деятельности служащих. При этом первостепенного воплощения требует нормативное закрепление социальных гарантий служащих в законодательстве о государственной службе в правоохранительной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьев В. В. Государственная служба: проблемы становления и развития : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 1999. 47 с.
2. Гришкoveц А. А. Проблемы реформы государственной службы в Российской Федерации // Гос-во и право. 2001. № 12. С. 54–63.
3. Оболонский А. В. Бюрократия для XXI века. Модели государственной службы : моногр. М., 2002. 166 с.
4. Оболонский А. В. Государственная служба: комплексный подход : учеб. пособие. М., 1999. 440 с.
5. Оболонский А. В. Эволюция государственной службы в Великобритании // Гос-во и право. 1996. № 6. С. 121–130.
6. Основы воспитательной работы с сотрудниками органов внутренних дел : учеб.-практ. пособие / под ред. С. А. Селиверстова. М., 2001. 363 с.
7. Основы управления персоналом (кадрами) в органах внутренних дел / С. Н. Афоничкин и др. М., 2002. 219 с.
8. Шевцов В. И. Организация учета в кадровой службе органов внутренних дел: теория и практика : моногр. М., 2002. 187 с.
9. Якобсон Л. И. Реформа государственной службы: интересы и приоритеты // Обществ. науки и современность. 2002. № 3. С. 5–21.
10. Braibant G. The Past and Future of Public Administration // International Review of Administrative Sciences. 2002. Vol. 68. No. 3.
11. Green R., Hubbel L. On Governance and Reinventing Government. CA, 1996.
12. Refounding Democratic Public Administration: Modern Paradoxes, Postmodern Challenge : ed. by G. Wamsley, J. Wolf. L. ; New Delhi, 1996.

REFERENCES

1. Vorob'ev V. V. Gosudarstvennaya sluzhba: problemy stanovleniya i razvitiya : avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk [Public service: problems of formation and development : author's abstract of the diss. ... Dsc. in Sociology]. Moscow, 1999. 47 p. (In Russ.).
2. Grishkovec A. A. Problemy reformy gosudarstvennoj sluzhby v Rossijskoj Federacii [Problems of public service reform in the Russian Federation]. Gos-vo i pravo – State and law. 2001. Iss. 12. P. 54–63. (In Russ.).
3. Obolonskij A. V. Byurokратиya dlya XXI veka. Modeli gosudarstvennoj sluzhby : monogr. [Bureaucracy for the XXI century. Models of public service : monograph]. Moscow, 2002. 166 p. (In Russ.).
4. Obolonskij A. V. Gosudarstvennaya sluzhba: kompleksnyj podhod : ucheb. posobie [Public service: an integrated approach : tutorial]. Moscow, 1999. 440 p. (In Russ.).

5. Obolonskij A. V. EHvoluciya gosudarstvennoj sluzhby v Velikobritanii [The evolution of public service in the in the Great Britain]. Gos-vo i pravo – State and law. 1996. Iss. 6. P. 121–130. (In Russ.).
6. Osnovy vospitatel'noj raboty s sotrudnikami organov vnutrennih del : ucheb.-prakt. posobie / pod red. S. A. Seliverstova [Basics of educational work with employees of internal affairs : educational and practical manual : ed. by S. A. Seliverstov.]. Moscow, 2001. 363 p. (In Russ.).
7. Osnovy upravleniya personalom (kadrami) v organah vnutrennih del / S. N. Afonichkin i dr. [Fundamentals of management of the personnel (staff) in the organs of internal affairs : S. N. Afonichkin et al.]. Moscow, 2002. 219 p. (In Russ.).
8. Shevcov V. I. Organizaciya ucheta v kadrovoj sluzhbe organov vnutrennih del: teoriya i praktika : monogr. [Organization of accounting in the personnel service of internal affairs: theory and practice : monograph]. Moscow, 2002. 187 p. (In Russ.).
9. YAkobson L. I. Reforma gosudarstvennoj sluzhby: interesy i priority [Public service reform: interests and priorities]. Obshchestv. nauki i sovremennost' – Social Sciences and modernity. 2002. Iss. 3. P. 5–21. (In Russ.).
10. Braibant G. The Past and Future of Public Administration // International Review of Administrative Sciences. 2002. Vol. 68. No. 3. (In Eng.).
11. Green R., Hubbel L. On Governance and Reinventing Government. CA, 1996. (In Eng.).
12. Refounding Democratic Public Administration: Modern Paradoxes, Postmodern Challenge : ed. by G. Wamsley, J. Wolf. L. ; New Delhi, 1996. (In Eng.).

УДК 374.44:343.8

Особенности договорных отношений в сфере оказания услуг третьими лицами для нужд уголовно-исполнительной системы

Е. С. ШУКАЕВА – начальник кафедры гражданского и трудового права Воронежского института ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

П. К. ПЕНСКОЙ – начальник отделения организации научно-исследовательских работ организационно-научного и редакционного отдела Воронежского института ФСИН России, кандидат химических наук

Р е ф е р а т

Предметом исследования в рамках настоящей статьи являются положения современного российского законодательства, регулирующие договорные отношения в сфере оказания услуг для нужд уголовно-исполнительной системы лицами, не являющимися участниками пенитенциарных правоотношений, а также правоприменительные акты арбитражных судов. По результатам исследования авторами выделены и классифицированы следующие особенности договорных отношений в сфере оказания услуг третьими лицами для нужд уголовно-исполнительной системы: 1) особенности, связанные с принадлежностью соответствующих учреждений и органов к системе органов государственной власти, их включенностью в бюджетную систему (контрактная форма заключения договора; расширенный перечень существенных условий договора; специфика содержания, порядка установления и применения условия об ответственности сторон договора; дополнительные требования к условию действительности договора об оказании услуг для нужд уголовно-исполнительной системы по субъектному составу (помимо позитивных применяется негативное требование – отсутствие у выразителей воли сторон личной заинтересованности в заключении и исполнении договора); ограничение договорной свободы в части изменения существенных условий договора); 2) специальные требования к отдельным видам договоров об оказании услуг, связанные со спецификой осуществляемой органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы деятельностью (к договору оказания услуг связи, договору оказания медицинских услуг). Сформулированные в статье выводы могут использоваться в правоприменительной практике, а также в качестве основы для дальнейших научных исследований гражданско-правового статуса органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : возмездное оказание услуг; оказание услуг уголовно-исполнительной системе; государственный контракт; услуги связи; медицинские услуги.

Peculiarities of contractual relations in the sphere of rendering services of third parts for the needs of the penal system

E. S. SHUKAYEVA – Head of the Department of Civil and Labor Law of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Associate Professor;

P. K. PENSKOY – Head of the Department of Scientific Research Work of the Organizational-Scientific and Editorial Department of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Chemistry

Abstract

The subject of the research of this article are provisions of the modern Russian legislation, regulating contractual relations in the sphere of services for the needs of the penal system by persons who are not participants of penal offences as well as the law enforcement acts of arbitration courts. According to the results of the study the authors identified and classified the following features of contractual relations in the sphere of services by third parties for the needs of penal service: 1) features related to the belonging of the relevant institutions and bodies to the system of public authorities, their inclusion in the budget system (contract form of signing contract; an expanded list of essential terms of the contract; the specifics of the content, procedure for establishing and application of the terms of the responsibility of the parties to the contract; additional requirements to the condition of validity of the contract for the provision of services for the needs of the penal service on the subject composition (in addition to the positive applies a negative requirement – the absence of the will of the parties of personal interest in the conclusion and execution of the contract); restriction of contractual freedom in terms of changes in the essential terms of the contract); 2) special requirements for certain types of contracts for the provision of services related to the specifics of the bodies and institutions of the penal service activities (to the contract of communication services; to the contract of medical services). The conclusions presented in the article can be used in law enforcement practice, as well as the basis for further scientific research of the civil status of the bodies and institutions of the penal service.

Key words: unpaid services; provision of services for the penal system; government contract; communication services; medical services.

В условиях современной экономической системы все большее распространение получают гражданско-правовые отношения с участием органов государственной власти. Так, необходимость технического, коммунального, медицинского, хозяйственного обеспечения деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы опосредует широкое применение в их правовом обеспечении договорных конструкций, направленных на регулирование отношений по оказанию различных услуг третьими лицами. В настоящей статье термин «третьи лица» употребляется для обозначения услугодателей, не являющихся участниками уголовно-исполнительных правоотношений (органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы, осужденными).

Говоря об особенностях договорных отношений в сфере оказания услуг третьими лицами для нужд уголовно-исполнительной системы, следует понимать, что эти особенности непосредственно вытекают из специфики правосубъектности учреждений и

органов уголовно-исполнительной системы как участников гражданского оборота, обусловленной в свою очередь их принадлежностью к системе органов государственной власти, бюджетным финансовым обеспечением деятельности казенных учреждений, а также основной выполняемой данными органами функцией (исправление осужденных). В частности:

– создание, реорганизация и ликвидация предприятий учреждений, исполняющих наказания, распоряжение их имуществом осуществляются федеральным органом уголовно-исполнительной системы и его территориальными органами;

– руководство предприятиями учреждений, исполняющих наказания, осуществляется начальниками этих учреждений либо руководителями объединений учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности;

– перечни должностей в штатах предприятий учреждений, исполняющих наказания, замещаемых лицами, имеющими специальные звания сотрудников уголовно-исполни-

тельной системы, утверждаются Министерством юстиции Российской Федерации;

– предприятия учреждений, исполняющих наказания, самостоятельно планируют свою деятельность и определяют перспективы развития с учетом необходимости создания достаточного количества рабочих мест для осужденных;

– на предприятия учреждений, исполняющих наказания, не распространяется действие антимонопольного законодательства Российской Федерации.

Соответствующий запрос со стороны гражданского оборота обуславливает необходимость адаптации института возмездного оказания услуг к правовому статусу органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Подчиненность финансово-хозяйственной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы государственному бюджету опосредует первую и главную особенность договорных отношений по оказанию услуг для нужд уголовно-исполнительной системы – применение к ним Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – закон о контрактной системе) [2]. Согласно ст. 24 указанного федерального закона заказчики при осуществлении закупок используют конкурентные способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) или осуществляют закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя). Конкурентными способами определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) являются конкурсы (открытый конкурс, конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс, закрытый конкурс, закрытый конкурс с ограниченным участием, закрытый двухэтапный конкурс), аукционы (аукцион в электронной форме (электронный аукцион), закрытый аукцион), запрос котировок, запрос предложений.

По общему правилу государственный контракт на оказание услуг, заказчиком по которому выступают органы и учреждения уголовно-исполнительной системы, заключается путем проведения открытого конкурса. Между тем исключения из этого правила установлены ст. 56, 57, 59, 83, 84, 93 закона о контрактной системе. Так, например, могут быть заключены путем осуществления закупки у единственного поставщика (при соблюдении ограничений общегодового объема закупок с использованием этого способа):

договор об оказании услуг для нужд уголовно-исполнительной системы на сумму, не превышающую 100 тыс. руб. (п. 4 ч. 1 ст. 93), договор об оказании коммунальных услуг (п. 8 ч. 1 ст. 93), об оказании медицинских услуг в экстренной и неотложной формах (п. 9 ч. 1 ст. 93) и т. д.

Следует отметить, что установление специальной процедуры заключения контракта не означает изъятия возникающих отношений из сферы гражданско-правового регулирования. Это может быть проиллюстрировано следующим образом.

Между обществом с ограниченной ответственностью «Корпорация “Спецпоставка”» (заказчик) и федеральным казенным учреждением «Исправительная колония № 18 Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Ростовской области» (исполнитель) были заключены два договора оказания услуг, предметом которых являлось выполнение работ по пошиву из давальческого сырья костюма летнего повседневного для военнослужащих. Сторонами были согласованы стоимость услуг, сроки и порядок оплаты. В соответствии с заключенными договорами исполнитель выполнил для заказчика работы, которые были приняты надлежащим образом заказчиком. Ответчик в нарушение условий договора выполненные работы своевременно полностью не оплатил. Исполнитель направлял заказчику претензии с требованием оплатить имеющуюся задолженность, оставленные последним без финансового удовлетворения. Исполнитель обратился в суд. Арбитражные суды первой и апелляционной инстанций отметили, что спорные правоотношения по своей правовой природе подпадают под правовое регулирование общих норм обязательственного права, содержащихся в части первой ГК РФ, а также подлежат специальному регулированию нормами гл. 39 ГК РФ. В суде заказчик ссылался на незаключенность договора. Суд, отклоняя доводы ответчика, отметил, что в соответствии с п. 3 ст. 432 ГК РФ сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности (п. 3 ст. 1). В материалах дела представлен акт об оказании услуг по договору оказания услуг, что, без сомнений, подтверждает принятие ответчиком испол-

ненного истцом по договору. Подписание актов выполненных работ (услуг) свидетельствует о потребительской ценности для ответчика полученного результата, желании им воспользоваться и устанавливает обязанность уплатить денежные средства.

Тем самым суд применил к договорным отношениям по оказанию услуг с участием органов и учреждений уголовно-исполнительной системы гражданско-правовой принцип эстоппель [11].

Исходя из изложенного можно выделить первую особенность договора об оказании услуг для нужд уголовно-исполнительной системы – регламентацию процедуры его заключения наряду с правилами ГК РФ также нормами ст. 24–93 закона о контрактной системе.

Определенной спецификой обладает и содержание рассматриваемого договора. В соответствии со ст. 432, 779 ГК РФ существенным условием договора об оказании услуг является его предмет. В то же время ст. 34 закона о контрактной системе устанавливает, что обязательными условиями контракта помимо этого являются: цена (указывается в твердой сумме, либо ориентировочное значение, либо формула цены с максимальным ее значением); ответственность заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом; порядок и срок оплаты товара, работы или услуги, порядок и срок осуществления заказчиком приемки поставленного товара, выполненной работы (ее результатов) или оказанной услуги в части соответствия их количества, комплектности, объема требованиям, установленным контрактом, а также порядок и сроки оформления результатов такой приемки; условие о сроках возврата заказчиком поставщику (подрядчику, исполнителю) денежных средств, внесенных в качестве обеспечения исполнения контракта (если такая форма обеспечения исполнения контракта применяется поставщиком (подрядчиком, исполнителем)). Интерес представляет вопрос о правовой природе названных условий. Полагаем, что, руководствуясь п. 1 ст. 432 ГК РФ, их следует квалифицировать как условия, необходимые для договоров данного вида в силу указания закона, и, соответственно, как условия существенные. Изложенное позволяет нам выделить вторую особенность договора об оказании услуг для нужд уголовно-исполнительной системы – расширенный перечень его существенных условий.

Отдельного внимания заслуживает условие контракта об ответственности его сторон. Во-первых, как было указано выше, это условие является существенным. Во-вторых, финансово-хозяйственная подчиненность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы как заказчика по договору возмездного оказания услуг накладывает определенный отпечаток на формы и пределы ответственности сторон.

В законодательстве о закупках для обеспечения государственных и муниципальных нужд в качестве опорной меры ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств по договору предусматривается неустойка в форме штрафа или пени. Применяется также мера ответственности, содержащаяся в ст. 395 ГК РФ.

Для универсализации порядка определения размеров взыскиваемых штрафов и пени за неисполнение или ненадлежащее исполнение государственного или муниципального контракта принято Постановление Правительства Российской Федерации от 30.08.2017 № 1042 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, о внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 15.05.2017 № 570 и признании утратившим силу Постановления Правительства Российской Федерации от 25.11.2013 № 1063» [7].

В литературе справедливо отмечается, что оценивая с позиции разумности и справедливости размеры штрафных санкций, традиционно устанавливаемых для поставщика (подрядчика, исполнителя) и заказчика, нельзя не заметить их неравноценный размер по отношению к цене заключенного контракта. Размер неустойки в форме штрафа для поставщика (подрядчика, исполнителя) выше в отдельных случаях, чем для заказчика. Однако нарушения, которые могут быть допущены заказчиком при исполнении контракта, не связанные с просрочками, встречаются значительно реже, чем, например, нарушения поставщика при поставке некачественных или некомплектных товаров [11, с. 128].

Определение имущественных мер ответственности в контрактном обязательстве об оказании услуги необходимо осуществлять с учетом разъяснений, содержащихся в письме Федеральной антимонопольной службы России от 21.10.2014 № АЦ/42516/14 [7], согласно которым заказчик обязан установить в контракте:

- размер пени в случае просрочки исполнения заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом;
- размер пени в случае просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств по контракту;
- размер штрафа в виде фиксированной суммы.

Стоит, однако, отметить, что, несмотря на высокую степень нормативной урегулированности условий об ответственности, заказчик по государственному контракту осуществляет право требования применения мер ответственности по своему усмотрению. Непредъявление поставщику требования об уплате неустойки за неисполнение государственного контракта не может расцениваться как нарушение п. 3 ст. 41 Бюджетного кодекса Российской Федерации и п. 11 ст. 9 закона о контрактной системе [1].

Таким образом, третья особенность договорных обязательств по оказанию услуг для нужд уголовно-исполнительной системы заключается в специфике условия об ответственности, порядка его согласования и применения.

Помимо общих оснований недействительности сделок к государственному контракту применяется также специальное основание недействительности, предусмотренное п. 22 ч. 1 ст. 34 закона о контрактной системе: контракт может быть признан судом недействительным, в том числе по требованию контрольного органа в сфере закупок, если будет установлена личная заинтересованность руководителя заказчика, члена комиссии по осуществлению закупок, руководителя контрактной службы заказчика, контрактного управляющего в заключении и исполнении контракта. Соответственно, в качестве четвертой особенности можно указать наличие дополнительных требований к условию действительности договора об оказании услуг для нужд уголовно-исполнительной системы по субъектному составу (помимо позитивных требований, наличия полной дееспособности и необходимых полномочий у сторон, применяется негативное требование – отсутствие у выразителей воли сторон личной заинтере-

ресованности в заключении и исполнении договора).

Перечисленные выше особенности в совокупности позволяют отграничить договорное обязательство об оказании услуг для нужд уголовно-исполнительной системы от классического договора о возмездном оказании услуг. Между тем той же спецификой обладают договоры с участием и иных участников контрактной системы. Своеобразие основного вида деятельности ведомственных органов и учреждений находит свое проявление не в общем правовом регулировании контрактной системы, а в правовом регулировании отношений по оказанию отдельных видов услуг.

Статьей 51.1 Федерального закона от 07.07.2003 №126-ФЗ «О связи» [5] определены особенности оказания услуг связи, услуг присоединения и услуг по пропуску трафика для нужд органов государственной власти, нужд обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. Положения указанной статьи применяются при оказании услуг связи органам и учреждениям уголовно-исполнительной системы. Особенности договора об оказании услуг связи для нужд органов государственной власти, нужд обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка представлены дополнительными требованиями к сетям связи, используемым для оказания услуг: специальным порядком определения цены (компенсация экономически обоснованных затрат плюс обоснованная норма рентабельности), ограничением частоты изменения условий о цене и условий оплаты услуг (не более чем один раз в год), запретом для услугодателя приостанавливать и (или) прекращать оказание услуг связи, услуг присоединения и услуг по пропуску трафика без согласия государственного заказчика в письменной форме.

Как следует из Указа Президента Российской Федерации от 23.11.1995 № 1173 «О мерах по осуществлению устойчивого функционирования объектов, обеспечивающих безопасность государства» [3], любое ограничение (приостановление) или прекращение обеспечения услугами связи органов уголовно-исполнительной системы квалифицируется федеральным законодательством как действия, нарушающие безопасность государства.

Вопрос об имущественных последствиях реализации ч. 4 ст. 51.1 Федерального закона «О связи» после прекращения действия договора неоднократно под-

нимался в судебной практике. Наиболее обоснованной представляется позиция, высказанная в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 31.12.2014 № Ф05-15360/2014: оказание услуг в отсутствие действующего государственного контракта не является основанием для взыскания задолженности по их оплате. В данном случае подлежат применению правила о неосновательном обогащении (внедоговорной ответственности) [9].

Определенные особенности имеет и договор об оказании медицинских услуг в деятельности уголовно-исполнительной системы. Их предоставление осуществляется с учетом требований п. 2 ст. 16 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [6], Правил оказания медицинской помощи (медицинского обслуживания) сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, уголовно-исполнительной системы, лицам начальствующего состава федеральной фельдъегерской связи и сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы МЧС России, уголовно-исполнительной системы, лицам начальствующего состава федеральной фельдъегерской связи, уволенным со службы, лицам, уволенным со службы в федеральных органах налоговой полиции, а также Правил возмещения учреждениям государственной и муниципальной систем здравоохранения расходов на оказание медицинской помощи военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий

стихийных бедствий, уголовно-исполнительной системы, лицам начальствующего состава федеральной фельдъегерской связи. В частности, в судебных заседаниях при рассмотрении исков об оплате медицинских услуг, оказанных сотрудникам органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, исследуются вопросы о форме и виде помощи (является ли она скорой неотложной), организационно-правовой форме и ведомственной принадлежности учреждения, оказывающего услуги, и т. д. [9].

Резюмируя изложенное, мы приходим к следующему выводу. Особенности договорных отношений в сфере оказания услуг третьими лицами для нужд уголовно-исполнительной системы могут быть подразделены:

1) на особенности, связанные с принадлежностью соответствующих учреждений и органов к системе органов государственной власти, их включенностью в бюджетную систему:

– контрактная форма заключения договора;

– расширенный перечень существенных условий договора;

– специфика содержания, порядка установления и применения условия об ответственности сторон договора;

– дополнительные требования к условию действительности договора об оказании услуг для нужд УИС по субъектному составу (помимо позитивных применяется негативное требование – отсутствие у выразителей воли сторон личной заинтересованности в заключении и исполнении договора);

– ограничение договорной свободы в части изменения существенных условий договора (ст. 95 закона о контрактной системе);

2) специальные требования к отдельным видам договоров об оказании услуг, связанные со спецификой осуществляемой органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы деятельности:

– к договору оказания услуг связи;

– договору оказания медицинских услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ практики рассмотрения в 2015 году Третьим арбитражным апелляционным судом споров, связанных с применением бюджетного законодательства Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.
3. О мерах по осуществлению устойчивого функционирования объектов, обеспечивающих безопасность государства : указ Президента Рос. Федерации от 23.11.1995 № 1173 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48. Ст. 4658.
4. О направлении информации о включении в контракт условий об уплате неустойки, а также об уменьшении суммы, подлежащей уплате физическому лицу в случае заключения с ним контракта, на размер налоговых платежей : письмо Федеральной антимонопольной службы России от 21.10.2014 № АЦ/42516/14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О связи : федер. закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895.

6. О статусе военнослужащих : федер. закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.
7. Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом : постановление Правительства Рос. Федерации от 25.11.2013 № 1063. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.05.2018).
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.12.2014 № Ф05-15360/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.07.2017 № 18АП-6772/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.11.2016 № 15АП-16867/2016 по делу № А53-14286/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Рыбакова И. Я. Проблемы применения мер ответственности сторон за ненадлежащее исполнение государственных и муниципальных контрактов // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2015. № 3. С. 125–133.

REFERENCES

1. Analiz praktiki rassmotreniya v 2015 godu Tret'im arbitrazhnym apellyacionnym sudom sporov, svyazannyh s primeneniem byudzhetnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Analysis of the practice of consideration in 2015 by the Third Arbitration court of appeal of disputes related to the application of the budget legislation of the Russian Federation.]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
2. O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd : feder. zakon ot 05.04.2013. № 44-FZ [On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for the provision of state and municipal needs : Federal Law from 04.04.2013 No. 44-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2013. Iss. 14. Art. 1652. (In Russ.).
3. O merah po osushchestvleniyu ustojchivogo funkcionirovaniya ob»ektov, obespechivayushchih bezopasnost' gosudarstva : ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 23.11.1995 № 1173 [On measures to implement the sustainable functioning of facilities that ensure the security of the state : Decree of the President of the Russian Federation from 11.23.1995 No. 1173]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. Iss. 48. Art. 4658. (In Russ.).
4. O napravlenii informacii o vklyuchenii v kontrakt uslovij ob uplate neustojki, a takzhe ob umen'shenii summy, podlezhashchej uplate fizicheskomu licu v sluchae zaklyucheniya s nim kontrakta, na razmer nalogovyh platezhej : pis'mo Federal'noj antimonopol'noj sluzhby Rossii ot 21.10.2014 № AC/42516/14. [On sending information on the inclusion in the contract of conditions for the payment of penalties as well as on reducing the amount payable to an individual in the case of a contract with him on the amount of tax payments : letter of the Federal antimonopoly service of Russia from 10.21.2014 as No. AC/42516/14]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
5. O svyazi : feder. zakon ot 07.07.2003 № 126-FZ [On communication : Federal Law from 07.07.2003 No. 126-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2003. Iss. 28. Art. 2895. (In Russ.).
6. O statuse voennosluzhashchih : feder. zakon ot 27.05.1998 № 76-FZ [On the status of military personnel : Federal Law from 27.05.1998 No. 76-ФЗ]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. Iss. 22. Art. 2331. (In Russ.).
7. Ob utverzhdenii Pravil opredeleniya razmera shtrafa, nachislyaemogo v sluchae nenadlezhazhashchego ispolneniya zakazchikom, postavshchikom (podryadchikom, ispolnitelem) obyazatel'stv, predusmotrennyh kontraktom (za isklyucheniem prosrochki ispolneniya obyazatel'stv zakazchikom, postavshchikom (podryadchikom, ispolnitelem), i razmera peni, nachislyaemoy za kazhdyj den' prosrochki ispolneniya postavshchikom (podryadchikom, ispolnitelem) obyazatel'stva, predusmotrennogo kontraktom : postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 25.11.2013 № 1063. [On approval of the Rules for determining the amount of the fine accrued in case of improper performance by the customer, supplier (contractor, performer) of obligations stipulated by the contract (except for delay in performance of obligations by the customer, supplier (contractor, performer), and the amount of penalty charged for each day of delay in performance by the supplier (contractor, performer) obligations stipulated by the contract : Resolution of the Government of the Russian Federation from 25.11.2013 No. 1063]. Available at: www.pravo.gov.ru (accessed 11.05.2018). (In Russ.).
8. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 31.12.2014 № F05-15360/2014 [Resolution of the Arbitration court of the Moscow district from 31.12.2014 No. F05-15360/2014.] Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
9. Postanovlenie Vosemnadcatogo Arbitrazhnogo Apellyacionnogo Suda ot 10.07.2017 № 18AP-6772/2017 [Resolution of the Eighteenth Arbitration Appeal Court from 10.07.2017 No. 18АП-6772/2017]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
10. Postanovlenie Pyatnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 23.11.2016 № 15AP-16867/2016 po delu № А53-14286/2016 [Resolution of the Fifteenth Arbitration Appeal Court from 23.11.2016 No. 15АП-16867/2016 on case No. А53-14286/2016]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
11. Rybakova I. YA. Problemy primeneniya mer otvetstvennosti storon za nenadlezhazhashchee ispolnenie gosudarstvennyh i municipal'nyh kontraktov [Problems of application of measures of responsibility of the parties for improper performance of state and municipal contracts]. Srednerus. vestr. obshchestv. nauk – Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2015. Iss. 3. P. 125–133. (In Russ.).

УДК 343.2

Правовое положение потерпевшего – сотрудника уголовно-исполнительной системы: от состояния к недостаткам

А. А. СЕРЕДИН – врио заместителя начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент

Р е ф е р а т

В статье проведен сравнительный анализ правового положения сотрудника уголовно-исполнительной системы как потерпевшего. Предметом исследования выступают проблемы уголовно-правовой охраны сотрудника уголовно-исполнительной системы.

Автором подробно раскрыты вопросы обеспечения баланса охраны в системах «сотрудник уголовно-исполнительной системы – гражданин», «сотрудник уголовно-исполнительной системы – сотрудники правоохранительных органов иных категорий», соблюдения принципа справедливости при конструировании указанных норм. Кроме того, в статье рассматриваются значение сотрудника уголовно-исполнительной системы как специального потерпевшего, особенности его правового положения, в том числе в соотношении с базовыми нормами УК РФ. Дана краткая историческая ретроспектива зарождения охраны представителей государства в уголовном законодательстве.

В результате автором делается вывод о недостаточной защищенности сотрудника уголовно-исполнительной системы, несоблюдении требований справедливости, соответствия тяжести посягательства на сотрудника предусмотренным мерам ответственности, незавершенности формирования системы норм по защите равного объема благ представителей уголовно-исполнительной системы в сравнении с иными сотрудниками правоохранительных органов. В статье предложены варианты преодоления сложившейся ситуации.

Ключевые слова: уголовно-правовая защита; сотрудник уголовно-исполнительной системы; юридические пределы охраны; специальный потерпевший; дезорганизация пенитенциарных учреждений.

The legal status of the victim - the employee of the penal system: from state to deficiency

A. A. SEREDIN – Acting Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

A b s t r a c t

The article provides a comparative analysis of the legal status of the penal officer as a victim. The subject of the research are problems of criminal law protection of the penal officer.

The author reveals in detail the issues of ensuring a balance of security in the systems "officer of the penal system - citizen", "employee of the penal system - law enforcement officers of other categories", observance of the principle of fairness in the construction of these rules. In addition the article discusses the importance of the employee of the penal system as a special victim, the specifics of his legal status including in relation to the basic norms of the Criminal Code of the Russian Federation. A brief historical retrospective of the emergence of the protection of state representatives in criminal law is given.

As a result the author concludes that the employee of the penal system is not sufficiently protected, fails to comply with the requirements of justice, that the burden of the employee's compliance with the stipulated measures of responsibility and that the system of norms for protecting equal amounts of benefits of the representatives of the law enforcement agencies is incomplete. The article offers options for overcoming this situation.

Key words: criminal law protection; penal officer; legal limits of protection; special victim; disorganization of penal institutions.

Правоохранительные органы являются обязательным атрибутом любой страны мира. Ни одно государство не может существовать и функционировать вне делегирования части собственных полномочий своим представителям, роль которых состоит в защите конституционного строя, общественной безопасности и общественного порядка, иных основ государственности. Одним из субъектов такого рода деятельности является уголовно-исполнительная система.

В то же время такая созидательная работа вызывает ответную реакцию криминала: сотрудники сами становятся потерпевшими от преступных действий. Только в 2017 г. по фактам неправомерных действий в отношении персонала исправительных учреждений со стороны обвиняемых (подозреваемых, осужденных) было возбуждено 224 уголовных дела, в том числе: по ст. 321 УК РФ – 165, по ст. 319 УК РФ – 45, по ст. 318 УК РФ – 14 [1].

Значение сотрудника уголовно-исполнительной системы в качестве потерпевшего состоит в следующем.

Во-первых, с позиции государства такой потерпевший обладает большей ценностью, следствием чего выступает усиление ответственности за деяния против интересов государства, когда потерпевшим является сотрудник уголовно-исполнительной системы.

Во-вторых, этот факт имеет ключевое значение с точки зрения законодательного конструирования – выступает сущностным признаком состава преступления; его отсутствие полностью меняет содержание соответствующей уголовно-правовой нормы.

В-третьих, играет роль признака, который призван дифференцировать ответственность.

В-четвертых, позволяет провести разграничение однородных, близких по смыслу составов преступлений.

Сотрудника уголовно-исполнительной системы как специального потерпевшего нельзя рассматривать в отрыве от проблемы уголовно-правовой охраны потерпевших иного рода, вопросов законодательного противодействия преступности с учетом правовых положений равенства граждан, вне философских категорий тождественности и всеобщей эквивалентности. Современное право построено на принципах отказа от дискриминационных положений. Существует понимание того, что подлинно гражданское общество невозможно в условиях наличия правовых положений, ущемля-

ющих свободы и права граждан. Требование равенства, равноправия – одна из основных идей социальной философии. Оно воспринимается в качестве гарантии социального прогресса большинством граждан. Отказ от требований равенства в праве способен повлечь за собой самые тяжелые последствия, протестные настроения, вызванные ситуацией недоверия государству. Неравенство в области уголовно-правовых отношений противоречит ст. 4 УК РФ, которая развивает положения ст. 19 Конституции Российской Федерации. Лица, ответственные за совершение преступления, подлежат ответственности вне зависимости от должностного положения и других обстоятельств. Применимо ли данное правило в отношении потерпевшего? Если да, то в какой степени? Использование приема буквального толкования позволяет сделать вывод о том, что равенство в контексте уголовного закона есть требование к статусу исключительно лиц, нарушивших уголовный запрет. Однако требование равенства, предъявляемое Конституцией Российской Федерации (ч. 2 ст. 6), является универсальным, распространяет свое действие на все стороны конфликта, в том числе на потерпевшего. Неравенство существенно снижает уголовно-правовую защищенность потерпевших, значительно подрывает эффективность уголовно-правой борьбы с посягательствами на права и интересы сотрудников. Исходя из этого уголовно-правовая охрана лица, которому причиняется вред, не должна зависеть от внешних факторов. В соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ исключение составляют те из них, от которых зависит общественная опасность содеянного и характеристика личности лица, совершившего преступление.

В том случае, когда отличительные черты жертвы преступления приобретают специфику, изменяющую оценку поведения виновного, потерпевший получает особый статус, его защита переводится в ранг первоочередной. Особые правила по защите представителей государства действовали всегда. Так, например, Краткая редакция Русской Правды за убийство представителя князя (огнищанина, княжеского тиуна) предусматривала уплату виры в двукратном размере [2, с. 203–204]. Действующий уголовный закон закрепил аналогичное правило: представители власти, в том числе сотрудники правоохранительных органов, сотрудники уголовно-исполнительной системы как представители государства, признаются уголовным законом специальными потер-

певшими, что значительно усиливает степень ответственности виновного.

В какой мере исторически устоявшаяся законодательная позиция обоснована? С одной стороны, буквальная трактовка принципа равенства свидетельствует о несоответствии ему рассматриваемого подхода: в отношении разных граждан, объединенных в группы по признаку профессиональной (служебной) деятельности потерпевших, реализован различный подход к охране. За совершение однородных или тождественных поведенческих актов установлена неодинаковая степень ответственности виновных лиц в зависимости от характеристики жертв различных категорий.

При этом нельзя не отметить, что деятельность представителей власти, в частности правоохранительных органов, выступает гарантией основ государственности. Принцип равенства как основа уголовного закона применительно к потерпевшему не должен толковаться в прямом соответствии с лексическим значением слова. Единство нормативного закрепления присуще только лицам, имеющим тождественное уголовно-правовое значение. В том случае, когда закон выделяет потерпевших конкретного вида, называя единственное или отражая несколько его особых свойств, они перестают быть равными среди всех потерпевших и должны быть признаны таковыми с позиции охраны потерпевших с тождественным набором отличительных свойств. На основании данной аргументации считаем, что усиленная охрана сотрудников уголовно-исполнительной системы, предполагающая назначение более строгого наказания, чем предусмотрено за совершение аналогичных деяний без специального потерпевшего, соответствует законодательному императиву о равенстве граждан перед законом.

Поскольку все уголовно-правовые принципы представляют собой единую в своем взаимном дополнении совокупность, применение положений о равенстве должно происходить с учетом и соблюдением принципа справедливости. Справедливость в ее воплощении в рамках УК РФ предполагает зависимость вида и размера наказания от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и особенностей личности виновного. Способом достижения такого соответствия в уголовном законе является законотворческий прием дифференциации уголовной ответственности, реализуемый посредством создания составов преступлений при

отягчающих обстоятельствах. В состав этих норм включаются дополнительные признаки (в контексте изложения это специальный потерпевший, то есть происходит удвоение объекта преступления), что существенно увеличивает опасность содеянного, а следовательно, и усиливает наказание за его совершение.

Система уголовно-правовой охраны сотрудника уголовно-исполнительной системы преимущественно строится на обобщении, включении его в более широкую группу однородных потерпевших. В рамках соответствующих норм УК РФ законодатель существенно ограничивает круг последних, указывая при этом лишь на часть сотрудников правоохранительных органов. Законодателем в содержании УК РФ реализованы два базовых приема их отождествления:

- сужение сферы возможных потерпевших за счет конкретизации специфики служебных полномочий (п. «б» ч. 3, ч. 4 ст. 194, п. «б» ч. 2, ч. 3 ст. 226.1, п. «в» ч. 4 ст. 229.1, ч. 2 ст. 297, ст. 311 УК РФ);

- сочетание характеристик потерпевшего: происходит указание на должностную специфику или область реализации служебных функций, а также на круг реализуемых полномочий, в связи с осуществлением которых происходит посягательство (ст. 295, 296, 298.1, 317, 320, ч. 2, 3 ст. 321 УК РФ).

Защита сотрудника уголовно-исполнительной системы не ограничивается нормами, в которых он выступает в аутентичном качестве или представлен как сотрудник правоохранительного органа в большей локализации. Немалое количество составов преступлений охраняет сотрудника, не относя его к категории лиц, осуществляющих правоохранительные функции. При этом закон применяет более широкие категории отождествления специального потерпевшего, такие как «представитель власти» (ч. 1, 2 ст. 212, ч. 2, 3 ст. 213, 318, 319 УК РФ), «лицо в связи с осуществлением им служебной деятельности» (п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 117 УК РФ).

Некоторые статьи уголовного закона дают характеристику потерпевшему таким образом, что действия виновного в отношении сотрудника уголовно-исполнительной системы могут быть квалифицированы при условии, что основная служебная функция последнего принципиально отличается от функции, приведенной в диспозиции. При этом сотрудник может выполнять ее лишь эпизодически, по специальному полномочию (ст. 317, 320 УК РФ).

Считаем, что указанный случай необходимо рассматривать как один из элементов системы специальной уголовно-правовой защиты. Доводом в пользу данной позиции может послужить тот факт, что сотрудник выступает в профессиональном качестве, отстаивая интересы государства как его представитель, выражает официальную позицию уголовно-исполнительной системы.

Изложенное позволяет представить защиту сотрудника уголовно-исполнительной системы нормами УК РФ как иерархическую систему, выстроенную по степени общности потерпевшего. Образно она представляет собой пирамиду с массивным общим основанием и вершиной, образуемой исключительно сотрудниками искомой категории:

- общий уровень (представители уголовно-исполнительной системы поставлены под охрану значительным количеством норм УК РФ, их защита происходит одновременно с потерпевшими иных категорий, специфика которых законом не определена, например ч. 4 ст. 111, ст. 126, 127 УК РФ);

- эпизодический (ответственность за посягательства на сотрудника уголовно-исполнительной системы наступает лишь в том случае, когда он приобретает особый, не свойственный ему в силу исполнения повседневных обязанностей по службе статус, выступая при этом от лица пенитенциарного

ведомства, например ч. 1 ст. 297, ст. 311 УК РФ);

- специальный уровень (защита представителей уголовно-исполнительной системы происходит вместе со специальными потерпевшими иного рода, например п. «б» ч. 2 ст. 105, ст. 320 УК РФ);

- узко-конкретный уровень (конструкция нормы УК РФ отвечает интересам защиты именно сотрудника уголовно-исполнительной системы, например ч. 2, 3 ст. 321 УК РФ). Особым образом в этом ряду выделяются положения ч. 3 ст. 313 УК РФ. Уголовный закон в данном случае не приводит признаки потерпевшего. Тем не менее вероятность того, что потерпевшим будет сотрудник уголовно-исполнительной системы, стремится к абсолютной.

Такова в общем виде система норм УК РФ по защите сотрудника уголовно-исполнительной системы. Считаем необходимым установить ее адекватность в контексте защиты сотрудников правоохранительных органов в целом, сопоставляя положение сотрудников пенитенциарной системы и представителей иных ведомств в уголовном законе.

Система защиты сотрудников правоохранительных органов на специальном и узко-конкретном уровнях складывается из элементов, отраженных в следующей таблице.

Статьи УК РФ	Потерпевшие – сотрудники правоохранительных органов	Личные блага, поставленные под охрану	Запрещенные деяния
1	2	3	4
П. «б» ч. 3, ч. 4 ст. 194; п. «б» ч. 2, ч. 3 ст. 226.1; п. «в» ч. 4 ст. 229.1	Лицо, осуществляющее таможенный или пограничный контроль	Здоровье	Применение насилия
Ст. 295	Судья, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, судебный пристав, судебный исполнитель	Жизнь	Посягательство на жизнь
Ч. 1 ст. 296	Судья	Психическое равновесие	Угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества
Ч. 2 ст. 296	Прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, эксперт, судебный пристав, судебный исполнитель	Психическое равновесие	Угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества
Ч. 3, 4 ст. 296	Судья, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, судебный пристав, судебный исполнитель	Психическое равновесие, телесная неприкосновенность, здоровье	Угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества с применением насилия, не опасного (ч. 3) и опасного (ч. 4) для жизни или здоровья

1	2	3	4
Ч. 2 ст. 297, ч. 1 ст. 298.1	Судья	Честь, достоинство	Оскорбление, клевета
Ч. 2 ст. 298.1	Прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, судебный пристав	Честь, достоинство	Клевета
Ч. 3 ст. 298.1	Судья, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, судебный пристав	Честь, достоинство	Клевета, соединенная с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления
Ст. 311	Судья, судебный пристав, судебный исполнитель	Личная безопасность	Разглашение сведений о мерах безопасности
Ст. 317	Сотрудники правоохранительных органов, участвующие в деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности	Жизнь	Посягательство на жизнь
Ст. 320	Должностное лицо правоохранительного органа	Безопасность личности	Разглашение сведений о мерах безопасности
Ч. 2, 3 ст. 321	Сотрудники места лишения свободы, сотрудники места содержания под стражей	Телесная неприкосновенность, здоровье	Применение насилия

Данные таблицы свидетельствуют о том, что уголовно-правовая охрана потерпевших из числа сотрудников правоохранительных органов установлена значительным числом норм об ответственности за обширный спектр преступных деяний, посягающих на широкий круг общественных отношений. Если же рассмотреть эту совокупность конкретно, имея в виду сотрудников уголовно-исполнительной системы, то мы приходим к выводу о том, что такой подход не реализован. Единственной статьей, в которой сотрудник уголовно-исполнительной системы прямо назван в качестве потерпевшего, остается ст. 321 УК РФ. Однако охраняемыми лицами здесь являются лишь сотрудники места лишения свободы (содержания под стражей). Иные должностные лица уголовно-исполнительной системы, также имеющие прямой контакт с осужденными (проходящие, например, службу в уголовно-исполнительных инспекциях, подразделениях по конвоированию, специального назначения), под действие данной статьи не подпадают.

Сопоставление уголовно-правового статуса потерпевших – сотрудников правоохранительных органов разных категорий не позволяет судить о нем как о равнозначном. Степень их защиты неодинакова, что проявляется в двух моментах. Во-первых, при совершении тождественных действий, посягающих на одни и те же объекты уголовно-правовой охраны, УК РФ разделяет сотрудников (в том числе судей), закрепляя их наличие в различных статьях (частях статей). Тем самым выражена дифферен-

цированная оценка законодателем эффективности, социальной пользы сотрудников разных правоохранительных ведомств. Во-вторых, круг объектов, заключающих в себе блага сотрудников, поставленных под охрану, различен. Так, при посягательстве на судей поставлены под защиту множество благ, в числе которых жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность, психическое равновесие, честь, достоинство и личная безопасность (в контексте разглашения сведений о мерах безопасности), а в части защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы это лишь здоровье и телесная неприкосновенность.

Если с дифференциацией ответственности за посягательства на сотрудников как представителей различных ведомств (например, статус судей в значительной мере обособлен в сравнении с положением иных сотрудников правоохранительных органов) согласиться еще возможно, то разность в определении круга объектов, поставленных под охрану на специальном и узко-конкретном уровнях применительно к представителям разных правоохранительных структур, на наш взгляд, недопустима. Объем основных личных прав и свобод человека является константой, принадлежит каждому и возникает с момента рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации). Признавая сотрудников всех правоохранительных органов потерпевшими, претендующими на большую защиту в сравнении с иными лицами, законодатель не может конструировать специальные квалифицированные составы преступлений по защите разного

объема благ в отношении разных специальных потерпевших данного круга. Поэтому охраняемый объем благ в специальных нормах такого рода должен быть одинаков. Пока это не так, мы сталкиваемся с ситуацией недооценки потерпевшего – сотрудника уголовно-исполнительной системы в уголовном законе, что влечет за собой негативные социальные изменения: имеют место девальвация интересов службы в глазах сотрудника, поиск иного, личного смысла в отправлении трудовой функции. Роль уголовного закона в деле предотвращения указанных последствий пусть и не главная, но весьма существенная.

Несмотря на то что процедура отправления правосудия, порядок управления и т. д. выступают в качестве основных объектов посягательства, они сами по себе, вне конкретного потерпевшего во многом утрачивают свое значение. Смысл соответствующих законодательных положений состоит именно в посягательстве на специального потерпевшего. Причинение вреда основному объекту происходит путем воздействия на конкретного потерпевшего.

Изложенное позволяет говорить о главенствующей роли сотрудника уголовно-исполнительной системы как части состава преступления.

В качестве вывода следует указать следующее:

1. Попытку законодательной дифференциации ответственности за посягательства на блага специальных потерпевших из числа сотрудников правоохранительных органов нельзя назвать удачной. Основная проблема заключается в отсутствии завершенной системы норм по защите равного объема благ представителей уголовно-исполнительной системы в сравнении с иными сотрудниками правоохранительных органов. Кроме того, вызывает вопросы избирательный характер защиты лишь некоторых категорий сотрудников уголовно-исполнительной системы.

2. Считаем, что основной причиной неурегулированности общественных отношений в области защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы от преступных посягательств является чрезмерная казуистика уголовно-правовых предписаний, отказ законодателя от разумной унификации.

3. Выходом из ситуации было бы внедрение следующего подхода: уравнивать с точки зрения защищенности нормами УК РФ сотрудников всех правоохранительных органов вне зависимости от специфики должностных обязанностей и места прохождения службы. Каждый из них решает общую задачу противодействия правонарушениям. Этот тезис в полной мере должен относиться к идее защиты всех сотрудников уголовно-исполнительной системы безотносительно к роду непосредственной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в исправительных учреждениях и следственных изоляторах в 2017 году : информ. письмо ФСИН России от 26.02.2018 № исх-03-12891.
2. Юшков С. В. Русская правда: происхождение, источник, ее значение / под ред. О. И. Чистякова. М., 2002.

REFERENCES

1. O nedostatках v organizacii rezhima i obespechenii nadzora za podozrevaemymi, obvinyaemymi i osuzhdennymi v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah i sledstvennyh izolyatorah v 2017 godu : inform. pis'mo FSIN Rossii ot 26.02.2018 № iskh-03-12891 [On the shortcomings in the organization of the regime and the provision of supervision of suspects, accused and convicted in correctional institutions and pre-trial detention centers in 2017 : Information Letter of the Federal Penal Service of Russia from 26.02.2018 No. ref-03-12891]. (In Russ.).
2. Yushkov S. V. Russkaya pravda: proiskhozhdenie, istochnik, ee znachenie / pod red. O. I. Chistyakova [Russian truth: origin, source, its value : ed. by O. I. Chistyakov.]. Moscow, 2002. (In Russ.).

УДК 342.56

Правосудие как функция судебной власти в современной России

В. В. ХРУЛЕВА – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье рассматриваются понятие, признаки и содержание правосудия как одного из важнейших средств защиты гражданами своих прав и свобод. Обосновывается то, что суд является единственным органом государственной власти, обладающим исключительными полномочиями по отправлению правосудия, опровергается мнение некоторых исследователей о том, что субъектами правосудия наряду с судами могут быть иные государственные органы.

Судебная власть реализуется посредством довольно сложного процесса, содержащего в себе четко урегулированную нормами права деятельность суда. Однако на практике возникают ситуации, которые препятствуют осуществлению правосудия, особенно в сфере уголовного права. В связи с этим раскрывается необходимость внесения некоторых уточнений в действующее уголовное законодательство в контексте совершенствования охраны правосудия.

Анализируя понятие правосудия, автор приходит к выводу о том, что следует разграничивать его с понятием судопроизводства. Хотя они и являются близкими, но не совпадают по содержанию. Называются такие формы уголовного и гражданского правосудия, как конституционное, арбитражное, административное.

В завершение статьи приводится авторское понятие правосудия.

Ключевые слова: суд; правосудие; судебная власть; судебный контроль; судопроизводство; конституционное правосудие.

Justice as a function of judiciary in the modern Russia

V. V. KHRULEVA – Associate Professor of Theory and History of State and Law of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article discusses the concept, characteristics and content of justice as one of the most important means of protection by citizens their rights and freedoms. It is substantiated that the court is the only state authority that has exclusive powers for the dispensation of justice; it is refuted by the opinion of some researchers that other state bodies can be subjects of justice along with the courts.

Judicial power is realized through a rather complicated process, which contains a court activity that is clearly regulated by the norms of law. However in practice there are situations that impede the implementation of justice, especially in the field of criminal law. It is revealed that it is necessary to make some clarifications in the existing criminal legislation in the light of the improvement of the protection of justice.

Analyzing the concept of justice the author comes to the conclusion that it should be distinguished from legal proceedings, which, although they are close, do not coincide in content. The author formulates his concept of justice. Attention is paid to the peculiarity of its consideration, and such forms of criminal and civil justice as constitutional, arbitration, and administrative are indicated.

Keywords: court; justice; judicial branch; judicial control; legal proceedings; constitutional justice.

В российском государстве каждый человек вне зависимости от рода занятий наделен правом обращения в соответствующие государственные органы власти за защитой своих нарушенных прав и свобод. Считает-

ся, что наиболее эффективным способом такой защиты являются суды и содействующие им в этом иные правоохранительные органы. Указанное право получило свое официальное закрепление в ст. 8 Всеобщей

декларации прав человека 1948 г., которая гласит: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» [2], Конституции Российской Федерации [5], федеральном законодательстве [11].

Исторически правосудию всегда был присущ особый авторитет и восприятие обществом как важной функции государства. В представлении людей суд осуществляется лицами, чьи моральный облик и поведение не вызывают сомнения, а отношение их к рассматриваемому делу реализуется только с позиции справедливости и законности. Можно согласиться с И. В. Дворянским, что правосудие не нужно воспринимать как некую самодостаточную ценность, а следует исходить из его институциональной и функциональной способности, с одной стороны, разрешать социальные конфликты и противоречия, с другой стороны, выступать истинным защитником и гарантом прав человека [19, с. 8]. В толковом словаре В. Даля правосудие понимается как «право судить по правде, по закону, по совести» [3].

Вместе с тем в юридической науке нет однозначного мнения о понятии правосудия и пределах его действия. Существует несколько подходов к его определению.

Первый подход, традиционный, основывается на конституционных положениях. Так, согласно ст. 118 Конституции Российской Федерации «правосудие в Российской Федерации отправляется только судом посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства». Недостаток данного подхода заключается в том, что определение понятия правосудия отражено не в полной мере.

Приверженцы второго подхода, наиболее распространенного формулируют понятие правосудия через анализ гл. 31 УК РФ. Его рассматривают в узком и широком понимании. В узком смысле правосудие – это деятельность суда по разрешению гражданских и уголовных дел (и никаких иных), в широком к правосудию относится и деятельность иных органов, которые оказывают содействие по отправлению правосудия. Например, Х. Д. Хачароев указывает, что субъектом правосудия могут выступать не только суды, которые, безусловно, являются основным субъектом правосудия ввиду своего особого статуса, но и иные государственные органы, в различной степени реа-

лизирующие функцию правосудия. К таким, по мнению ученого, относятся органы дознания и предварительного следствия, органы прокуратуры и органы, выполняющие функции по исполнению судебных решений [21, с. 57–60].

Однако такая позиция довольно противоречива, поскольку ст. 118 Конституции Российской Федерации закрепляет исключительное право суда осуществлять правосудие и не допускает переложения данной функции ни на один внесудебный орган государства, в частности на прокуратуру. Нельзя не брать во внимание и положение ст. 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе в Российской Федерации» [11], согласно которой судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей, привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия. Тем самым официально закрепляется, что ни у одного другого органа нет в наличии стольких возможностей, как у независимого суда, для принятия законного и обоснованного решения в условиях устного и гласного судебного разбирательства при обеспечении состязательности и равноправия сторон. Данная позиция была разделена и критиками уголовного закона. Считается, что деятельность любых иных органов не может относиться к правосудию [8, с. 133].

Автор третьего подхода Л. В. Лобанова определяет правосудие в качестве объекта уголовно-правовой охраны как «совокупность общественных отношений, призванных обеспечить предпосылки, нормальное осуществление, а также претворение в жизнь результатов охранительной, познавательно-применительной, процессуально упорядоченной деятельности суда и содействующих ему органов и лиц» [7, с. 23].

Согласно четвертому подходу, сформулированному С. А. Денисовым, правосудие рассматривается как социальное явление – совокупность политических и правовых отношений, которые реализуются в процессуальной деятельности и имеют задачу по обеспечению закона, защите и охране прав и свобод человека [4, с. 5]. Данная точка зрения не совсем верна, поскольку ориентируется на такое понятие, как политика, которое, например, в уголовном праве при определении характера преступления против правосудия не может быть использовано.

На основе анализа рассмотренных позиций о понятии правосудия можно выделить его основные признаки:

1) полномочия по осуществлению правосудия на законодательном уровне предоставлены только суду – специальному государственному органу, наделенному всеми необходимыми для этого полномочиями;

2) осуществление правосудия происходит в строго регламентированном законом порядке. При этом данный порядок призван создать наиболее благоприятные условия для законного разрешения дела;

3) по своим задачам суды – это правоохранительные органы, имеющие особое значение, деятельность которых направлена на укрепление законности и правопорядка.

Правосудию в Российской Федерации требуется должная охрана и защита. Существует немало преступлений, которые создают угрозу его отправлению, например воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ). Важным субъективным признаком преступления будут считаться предумышленные действия обвиняемого, направленные на воспрепятствование нормальной деятельности суда, то есть налицо прямой умысел. Исторически данная норма появилась относительно недавно. Впервые она была закреплена в ст. 1 Закона СССР «Об ответственности за неуважение к суду» [14] в виде запрета на вмешательство в разрешение судебных дел, а затем введена в УК РСФСР (ст. 176.1) с аналогичным названием. Уголовная же ответственность за незаконное вмешательство в деятельность прокурора, следователя или дознавателя была криминализована еще позже – в 1994 г., после введения в УК РСФСР ст. 191.3. Таким образом были обеспечены независимость и самостоятельность принятия решений субъектами правосудия.

В действующем УК РФ в ст. 294 установлена ответственность за два противоправных деяния: в ч. 1 – за противоправное вмешательство в деятельность суда, в ч. 2 – за противоправное вмешательство в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание.

Стоит отметить, что в названии данной статьи и ее содержании существует некоторое противоречие. Так, в названии преступления обозначается как «воспрепятствование», а в самой диспозиции статьи присутствует термин «вмешательство», а также используется термин «воспрепятствование», но уже как конечная цель дея-

ния. Поэтому нам представляется, что замена термина «воспрепятствование» на «вмешательство» будет логична, поскольку «воспрепятствование» шире «вмешательства», так как препятствовать осуществлению правосудия можно, как вмешиваясь в деятельность суда, так и не вмешиваясь в нее непосредственно, например препятствуя информационно.

Сущность практически любого посягательства на интересы судебной власти состоит именно в воспрепятствовании ее нормальному осуществлению. Следовательно, использование термина «воспрепятствование» создает некую двусмысленность при рассмотрении сути закрепленного в статье деяния. Дополняя сказанное, можно привести мнение А. А. Коробейникова о том, что в отличие от воспрепятствования вмешательство не требует никакого результата [6, с. 20].

Неудачность формулировки ч. 1 ст. 294 УК РФ выражается еще и в том, что она предусматривает только вмешательство в деятельность суда. Вместе с тем существующий институт мировых судей в России не может быть обозначен термином «суд». В этой связи целесообразно использовать словосочетание «судебная деятельность».

Несмотря на некоторое совпадение деяний, указанных в ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ, вмешательство в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, имеет свои особенности.

Во-первых, оно определяется содержанием деятельности этих лиц и ее процессуальными формами. Указанные субъекты действуют на досудебных стадиях, что создает широкие возможности по вмешательству в их деятельность «в какой бы то ни было форме».

Во-вторых, специфика обусловлена и формулировкой цели посягательства, отличающейся от вмешательства в деятельность суда: «в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела».

Цель уголовно-правовой нормы – обеспечить реализацию интересов судебной власти, достижение истины по делу, что реализуется посредством правил доказывания. Однако получается, что ч. 2 ст. 294 УК РФ исходит из несуществующей формулировки принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, содержащейся еще в ст. 20 УПК РСФСР, утратившего в настоящее время юридическую силу. Понятно, что действующе-

щий уголовный закон не может исходить из положений недействующего процессуального закона. Часть 3 анализируемой статьи устанавливает ответственность за деяния, предусмотренные частями первой или второй, совершенные лицом с использованием своего служебного положения. Здесь речь может идти как о специальном виде злоупотребления должностными полномочиями, так и о злоупотреблении полномочиями лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

С учетом выдвинутых положений ст. 294 УК РФ можно изложить в следующей редакции: «1. Вмешательство в какой бы то ни было форме в судебную деятельность с целью создания препятствий ее законному осуществлению – наказывается...»

2. Вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя, дознавателя или защитника (представителя) с целью создания препятствий ее законному осуществлению – наказывается...»

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, – наказываются...».

Рассмотрим еще одно преступное деяние, посягающее на правосудие, предусмотренное ст. 295 УК РФ. Положения данной статьи направлены на уголовно-правовую охрану личной безопасности лиц, осуществляющих правосудие либо содействующих его осуществлению. В названии статьи используется термин «осуществление», а в ее диспозиции – «отправление», что явно указывает на наличие противоречия. Резонно встает вопрос, равнозначны ли данные понятия.

В юридической науке осуществление означает приведение в исполнение, воплощение в действительность, отправление образовано от глагола отправлять – выполнять, осуществлять [16]. Деятельность суда по реализации правосудия можно обозначить любым из указанных терминов, однако слово «отправление» используется только лишь применительно к правосудию. В отношении предварительного расследования или иной процессуальной деятельности данный термин не используется. Поэтому изначальное значение слова «осуществление» шире, чем значение слова «отправление». Следовательно, в целях единообразия и по правилам законодательной техники правильнее было бы в ст. 295 УК РФ использовать единый термин «осуществление правосудия».

Обратим внимание на такой аспект, как субъекты посягательства. Судебные акты помимо судебных приставов исполняют и сотрудники уголовно-исполнительной системы. Понятие «сотрудники уголовно-исполнительной системы» используется в Законе Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [15]. Однако речь должна идти не только о лицах, исполняющих лишение свободы. В ведении ФСИН России находится исполнение и таких наказаний, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы и др. Все это свидетельствует о важности закрепления сотрудников уголовно-исполнительной системы в качестве субъектов рассматриваемого преступления. Поэтому считаем целесообразным ст. 295 УК РФ «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего предварительное расследование, правосудие или исполнение судебного акта либо участвующего в их осуществлении» изложить следующим образом: «Посягательство на жизнь судьи, присяжного или арбитражного заседателя, иного лица, участвующего в осуществлении правосудия, прокурора, следователя, дознавателя, судебного пристава, сотрудника уголовно-исполнительной системы, иного лица, исполняющего их обязанности, защитника (представителя), эксперта, специалиста, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования, проверкой сообщения о преступлении, исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта».

Понятие «правосудие» должно рассматриваться в связи с таким термином, как «судопроизводство».

В соответствии с ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Данный перечень видов судопроизводства мы также находим и в ч. 3 ст. 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [11]. Судопроизводство и правосудие – понятия, близкие по своей сути, но полностью не совпадающие. В науке уголовно-процессуального права сложилось две основные точки зрения по вопросу их соотношения:

1) понятием «судопроизводство» охватываются лишь судебные стадии уголовного

процесса [1, с. 415–439], опирающиеся на положения ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации, согласно которой процесс судопроизводства осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

Однако состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве закреплены в УПК РФ как принципы уголовного процесса [20]. Неверным было бы отрицать, что принципы уголовного судопроизводства распространяются на все его стадии. Следовательно, состязательность и равноправие сторон находят свое проявление не исключительно в процессе отправления правосудия, но и на всех остальных стадиях уголовного судопроизводства;

2) между понятиями «судопроизводство» и «правосудие» необходимо поставить знак равенства. Так, И. Л. Петрухин считает, что «судебная власть институционально представлена системой судебных органов, реализует функцию правосудия, которая тождественна понятию судопроизводства» [17, с. 155].

Однако и эта точка зрения является не вполне верной, поскольку в п. 5 ст. 5 УПК РФ дается определение уголовного судопроизводства, охватывающее досудебное и судебное производство по уголовному делу.

При этом необходимо обратить внимание на то, что круг субъектов, участвующих в уголовном судопроизводстве, довольно широк. К ним можно отнести следователя, дознавателя, прокурора, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, защитника и т. д. Все они являются носителями определенного круга установленных УПК РФ прав и обязанностей, но не имеют права на осуществление правосудия, которым наделен суд.

Таким образом, можно прийти к выводу, что понятия «правосудие» и «судопроизводство» не являются тождественными. Под уголовным судопроизводством следует понимать урегулированную уголовно-процессуальным законодательством деятельность уполномоченных лиц, связанную с расследованием и рассмотрением уголовного дела. Правосудие – это государственная деятельность суда по рассмотрению уголовного дела по существу, назначению наказания, рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора.

Но все это справедливо лишь в рамках узкого подхода к пониманию правосудия. Если же рассматривать правосудие в широком смысле, то указанные понятия практически сливаются воедино.

Все сказанное нами выше по большей части относится к правосудию, осуществляемому в процессе уголовного судопроизводства. Однако существуют и иные формы осуществления правосудия, о которых также не лишним будет упомянуть.

Первоначально понятие правосудия, основанное на нормах законодательства о судоустройстве, включало только деятельность судов по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел. Однако установленное Конституцией Российской Федерации наличие конституционного, административного и арбитражного правосудия до настоящего времени остается темой для споров и дискуссий. В ч. 2 ст. 1 федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» [9] есть положение, согласно которому правосудие осуществляется и по делам об административных правонарушениях. В ст. 4 федерального закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [10], сменившего закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР» [12], закреплено, что суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Неверным было бы отрицать, что административное судопроизводство обладает всеми критериями правосудия. Это подтверждается тем, что существуют установленный КоАП РФ порядок административного судопроизводства, а также административная ответственность, которая выражена в соответствующих административно-правовых санкциях. Помимо административной формы осуществления правосудия существует и арбитражная форма. В соответствии со ст. 4 федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» арбитражные суды в Российской Федерации осуществляют правосудие путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к их компетенции [4]. Однако арбитражное судопроизводство характеризуется, скорее, признаками, позволяющими отнести его к особой форме судопроизводства, а не правосудия. Необходимым признаком правосудия, по нашему мнению, является разрешение спора по существу.

Дискуссионным является вопрос наличия конституционного правосудия. Это и не удивительно, так как по своей сути и содержанию акты, выносимые Конституционным

судом Российской Федерации, разительно отличаются от актов, выносимых всеми другими судами. Тем не менее понятие «конституционное правосудие» правомерно, так как осуществляемое данным органом правосудие настолько же специфично, как и его полномочия.

Особенность конституционного правосудия заключается в том, что Конституционный суд Российской Федерации решает вопросы о соответствии нормативных правовых актов Конституции Российской Федерации, а также иные вопросы, предусмотренные ст. 3 федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации». Акты Конституционного суда Российской Федерации имеют общенормативное значение, им присущи признаки абстрактности и обобщенности, позволяющие делать из них выводы для действий в аналогичной ситуации. Юридическая сила судебных актов Конституционного суда Российской Федерации выше

по сравнению с актами судов общей и арбитражной юрисдикции. Конституционное судопроизводство в определенных случаях осуществляет наложение ответственности, которая заключается в обязанности конкретного органа, принявшего правовой акт, по внесению в него изменений.

Таким образом, современные проблемы реализации правосудия и вопросы преодоления негативного на него влияния необходимо рассматривать в комплексе. Важное значение имеют не только оперативное реагирование на уже существующие отрицательные моменты, но и своевременное выявление их предпосылок и профилактика. Правосудие – это составляющая основного функционального содержания судебной власти и осуществляемая в установленном законом процессуальном порядке деятельность судебных органов по рассмотрению и разрешению конституционных, административных, гражданских и уголовных правовых споров и конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божьев В. К. К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе // Божьев В. К. Избранные труды. М., 2010. 654 с.
2. Всеобщая декларация прав человека : принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // Рос. газ. 1995. 5 апр.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1993. Т. 3.
4. Денисов С. А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 51 с.
5. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12.12.1993, с изм. от 21.07.2014 // Рос. газ. 1993. № 197.
6. Коробейников А. А. Уголовная ответственность за воспрепятствование к осуществлению правосудия и производству предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. 32 с.
7. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации : моногр. Волгоград, 1999. С. 23.
8. Москвитина Т. А. Некоторые предложения по совершенствованию проекта Уголовного кодекса Российской Федерации // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). Ярославль, 1994. 190 с.
9. О мировых судьях в Российской Федерации : федер. закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 51. Ст. 6270.
10. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : федер. конституц. закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 898.
11. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (с изм. и доп. от 05.02.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.
12. О судостроительстве РСФСР : закон РСФСР от 08.07.1981 // Ведомости Съезда народ. депутатов РСФСР. 1981. № 28. Ст. 976.
13. Об арбитражных судах в Российской Федерации : федер. конституц. закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 18. Ст. 1589.
14. Об ответственности за неуважение к суду : закон СССР от 02.11.1989 // Ведомости Съезда народ. депутатов и Верхов. совета СССР. 1989. № 22. Ст. 418.
15. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 // Ведомости Съезда народ. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316.
16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
17. Петрухин И. Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. М., 2008. 233 с.
18. Петрухин И. Л. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. 232 с.
19. Правосудие как объект уголовно-правовой охраны (проблемы законодательной регламентации, теории и практики) / И. В. Дворянсков и др. Махачкала, 2003. 235 с.
20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18.12.2011 № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
21. Хачаров Х. Д. К вопросу о понятии и сущности правосудия // Рос. юстиция. 2012. № 4. С. 57–62.

REFERENCES

1. Bozh'ev V. K. K voprosu o sostyazatel'nosti v rossijskom ugovolnom processe [On the issue of competition in the Russian criminal process]. Bozh'ev V. K. Izbrannye trudy – Selected Works. Moscow, 2010. 654 p. (In Russ.).
2. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka : prinyata i provozglashena rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10.12.1948 [Universal Declaration of Human Rights : adopted and proclaimed by General Assembly United Nations resolution 217 A (III) from 10.12.1948]. Ros. gas. – Russian newspaper. 1995. April, 5. (In Russ.).
3. Dal' V. I. Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language : in 4 vol.]. Moscow, 1993. Vol. 3. (In Russ.).
4. Denisov S. A. Aktual'nye problemy ugovolnoj otvetstvennosti za prestupleniya protiv pravosudiya : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [Actual problems of criminal responsibility for crimes against justice : the author's abstract of the diss. ... Dsc. in Law]. St. Petersburg, 2002. 51 p. (In Russ.).
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata na vsenarodnym golosovanii 12.12.1993, s izm. ot 21.07.2014 [The Constitution of the Russian Federation : adopted at the popular vote on 12.12.1993, as amended from 21.07.2014]. Ros. gas. – Russian newspaper. 1993. Iss. 197. (In Russ.).
6. Korobejnikov A. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za vosprepyatstvovanie k osushchestvleniyu pravosudiya i proizvodstvu predvaritel'nogo rassledovaniya : avtoref. dis ... kand. jurid. nauk [Criminal liability for obstruction to the administration of justice and the preliminary investigation : the author's abstract of the diss. ... PhD. In Law]. Stavropol, 2003. 32 p. (In Russ.).
7. Lobanova L. V. Prestupleniya protiv pravosudiya: teoreticheskie problemy klassifikacii i zakonodatel'noj reglamentacii : monogr. [Crimes against justice: theoretical problems of classification and legislative regulation : monograph]. Volgograd, 1999. P. 23. (In Russ.).
8. Moskvitina T. A. Nekotorye predlozheniya po sovershenstvovaniyu proekta Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Some suggestions for improving the draft Criminal Code of the Russian Federation]. Voprosy ugovolnoj otvetstvennosti i ee differenciacii (v proekte Osobenoj chasti Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii) – Questions of criminal responsibility and its differentiation (in the draft of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation). Yaroslavl, 1994. 190 p. (In Russ.).
9. O mirovyh sud'yah v Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 17.12.1998 № 188-FZ [On the magistrates in the Russian Federation : Federal Law from 17.12.1998 No. 188-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. Iss. 51. Art. 6270. (In Russ.).
10. O sudah obshchej yurisdikcii v Rossijskoj Federacii : feder. konstituc. zakon ot 07.02.2011 № 1-FKZ [On the courts of general jurisdiction in the Russian Federation : federal constitutional law from 07.02.2011 No. 1-FCL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. Iss. 7. Art. 898. (In Russ.).
11. O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii : feder. konstituc. zakon ot 31.12.1996 № 1-FKZ (s izm. i dop. ot 05.02.2014) [On the judicial system of the Russian Federation : federal constitutional law from 31.12.1996 No. 1-FCL (as amended and added from 05.02.2014)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. Iss. 1. Art. 1. (In Russ.).
12. O sudoustrojstve RSFSR : zakon RSFSR ot 08.07.1981 [On the judicial system of the RSFSR : Law of the RSFSR from 08.07.1981]. Vedomosti S'ezda narod. deputatov RSFSR – Journal of the Congress of People's Deputies of the RSFSR. 1981. Iss. 28. Art. 976. (In Russ.).
13. Ob arbitrazhnyh sudah v Rossijskoj Federacii : feder. konstituc. zakon ot 28.04.1995 № 1-FKZ [On Arbitration Courts in the Russian Federation : Federal Constitutional Law of 28.04.1995 No. 1-FCL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. Iss. 18. Art. 1589. (In Russ.).
14. Ob otvetstvennosti za neuvazhenie k sudu : zakon SSSR ot 02.11.1989 [On liability for contempt of court : USSR Law from 02.11.1989]. Vedomosti S'ezda narod. deputatov i Verhov. Soveta RSFSR – Journal of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1989. Iss. 22. Art. 418. (In Russ.).
15. Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugovolnye nakazaniya v vide lisheniya svobody : zakon Rossijskoj Federacii ot 21.07.1993 № 5473-1 [On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty : Law of the Russian Federation of 21.07.1993 No. 5473-1]. Vedomosti S'ezda narod. deputatov i Verhov. Soveta RSFSR – Journal of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1993. Iss. 33. Art. 1316. (In Russ.).
16. Ozhegov S. I., SHvedova N. YU. Tolkovij slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1995. (In Russ.).
17. Petruhin I. L. Sudebnaya vlast' : kontrol' za rassledovaniem prestuplenij [Judicial power: control over the investigation of crimes.]. Moscow, 2008. 233 p. (In Russ.).
18. Petruhin I. L. Teoreticheskie osnovy ehffektivnosti pravosudiya [Theoretical foundations of the effectiveness of justice]. Moscow, 1979. 232 p. (In Russ.).
19. Pravosudie kak ob'ekt ugovolno-pravovoj ohrany (problemy zakonodatel'noj reglamentacii, teorii i praktiki) / I. V. Dvoryanskov i dr. [Justice as an object of criminal law protection (problems of legislative regulation, theory and practice) / I. V. Dvoryanskov et al.]. Makhachkala, 2003. 235 p. (In Russ.).
20. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 18.12.2011 № 174-FZ [Criminal Procedure Code of the Russian Federation : Federal Law from 18.12.2011 No. 174-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. Iss. 52 (part I). Art. 4921. (In Russ.).
21. Hacharoev H. D. K voprosu o ponyatii i sushchnosti pravosudiya [To the question of the concept and essence of justice]. Ros. yusticiya – Russian justice. 2012. Iss. 4. P. 57–62. (In Russ.).

УДК 376.63:343.8

Особенности воспитательной работы с осужденными женщинами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, по поддержанию социально полезных связей с их детьми, воспитывающимися в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей

Е. В. ХРАБРОВА – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

Реферат

Воспитательная работа с осужденными проводится в целях их исправления, освоения ими основных социальных функций для успешной адаптации в обществе после освобождения, а также профилактики дальнейшего совершения ими новых преступлений. Отсутствие семьи и поддержки близких делает жизнь осужденной женщины бессмысленной, осложняет процесс адаптации в обществе после отбытия наказания.

Как показывает исследование, проведенное сотрудниками ВИПЭ ФСИН России, более 60 % осужденных женщин имеют детей, при этом 15 % из них лишены родительских прав. В соответствии со ст. 72 Семейного кодекса Российской Федерации осужденная женщина может быть восстановлена в родительских правах в случае, если она изменила свое поведение, образ жизни и (или) отношение к воспитанию ребенка. Однако данным правом осужденные женщины пользуются крайне редко. В исправительных учреждениях должна проводиться воспитательная работа, направленная на формирование и развитие материнских чувств.

Особенностями воспитательной работы с осужденными женщинами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, по поддержанию социально полезных связей с их детьми, находящимися в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей, являются: реализация индивидуального подхода; формирование материнских чувств, уверенности в себе, потребности в заботе о детях; создание социально реабилитирующей среды в исправительном учреждении; развитие самостоятельности в принятии ответственных решений.

Воспитательная работа с осужденной женщиной должна быть комплексной и системной, включать в себя разработку плана индивидуальной работы, организацию и проведение педагогического просвещения матерей, совместный анализ причин необходимости восстановления детско-родительских отношений, проведение ролевых игр с целью формирования навыков воспитания детей, рассмотрение вопросов роли матери в воспитании детей на заседаниях совета воспитателей отряда, собраниях осужденных, проведение конкурсов социальной рекламы, участие в благотворительных акциях.

К л ю ч е в ы е с л о в а : воспитательная работа; осужденные женщины; лишение свободы; социально полезные связи; восстановление родительских прав; формы воспитательной работы.

Features of educational work with convicted women serving sentences in the form of imprisonment, maintaining socially useful ties with their children, who are being brought up in the care centers for children left without parental care

E. V. KHRABROVA – Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogy, Associate Professor

Abstract

Educational work with convicts is carried out with the aim of correcting them, mastering their basic social functions as conditions for successful adaptation in society after release, and also for preventing further committing of new crimes by convicts. Lack of family and support of relatives makes the life of the condemned woman senseless, complicate the process of adaptation in society after liberation.

As shown the scientific research made employees by the Vologda Institute of Law and Economics of FPS of Russia, more than 60% of convicted women have children, while 15% of them are deprived of parental rights. In accordance with Article 72 of the Family Code of the Russian Federation a convicted woman may be reinstated in her parental rights if she has changed her behavior, way of life and (or) attitude towards the upbringing of the child. At the same time this right is used very rarely by convicted women. In correctional institutions educational work should be conducted aimed at the formation and development of maternal feelings.

The features of educational work with convicted women serving sentences in the form of imprisonment, for maintaining socially useful links with their children who are in the care centers for children left without parental care are: the implementation of an individual approach; the formation of maternal feelings, self-confidence, the need for caring for children; creation of a social rehabilitation environment in a correctional institution; development of independence in making responsible decisions.

Educational work with the convicted woman should be comprehensive and systematic, include the development of an individual work plan, the organization and conduct of pedagogical education of mothers, a joint analysis of the reasons for the need to restore child-parent relations, conduct role-playing games in order to form the skills of raising children, in the upbringing of children at meetings of the board of detachment educators, at meetings of convicts, holding social advertising competitions, participating in a charity events.

Keywords: educational work; convicted women; imprisonment; socially useful connections; restoration of parental rights; forms of educational work.

Воспитательная работа с осужденными проводится с целью их исправления, освоения ими основных социальных функций для успешной адаптации в обществе после освобождения, а также профилактики дальнейшего совершения осужденными новых преступлений [4, с. 139].

Основные социальные функции женщины – это роли жены и матери. При этом, как отмечают Ю. М. Антонян и В. Е. Эминов, у женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, гораздо чаще, чем у мужчин, распадается семья, мужья довольно быстро создают новую семью сразу после осуждения супруги. Так, семья распалась у 11,9 % состоящих в браке мужчин, у 23,5 % женщин; вступили в брак во время отбывания наказания в виде лишения свободы 2,8 % мужчин и 1,2 % женщин [1, с. 171]. Отсутствие семьи и поддержки близких делает жизнь осужденной бессмысленной, осложняет процесс адаптации в обществе после освобождения. Все это влияет на совершение женщиной новых преступлений.

Более половины осужденных женщин (64,2 %) имеют детей, в том числе несовершеннолетних (59,8 %), которые содержатся либо в домах ребенка при исправительных колониях, либо в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей (20 %), либо находятся под опекой и попе-

чительством родителей (51,4 %), супругов (17,2 %), иных лиц (11,4 %) [6, с. 61].

В соответствии со ст. 72 Семейного кодекса Российской Федерации осужденная женщина может быть восстановлена в родительских правах в случае, если она изменила свое поведение, образ жизни и (или) отношение к воспитанию ребенка. Восстановление в родительских правах осуществляется в судебном порядке по заявлению родителя, лишённого родительских прав [7]. Однако данным правом осужденные женщины пользуются крайне редко. В исправительных учреждениях должна проводиться воспитательная работа, направленная на формирование и развитие материнских чувств. Как писал Ян Амос Коменский, прежде чем воспитывать своего ребенка, матери «сами должны изучить способы обращения со своими сокровищами, согласно с их ценностью, чтобы под их собственным руководством дети начинали возрастать в мудрости и любви», поскольку в первые годы жизни закладываются такие качества, как благочестие, добрые нравы и полезные науки [3].

В процессе организации воспитательной работы с осужденными женщинами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, по поддержанию социально полезных связей с их детьми, воспитывающимися в детских центрах, сотрудники сталкиваются

с рядом проблем. Рассмотрим некоторые из них.

Установление и поддержание социально полезных связей осужденных женщин с детьми возможно, если территориально исправительное учреждение находится близко от места проживания ребенка. Вместе с тем, в 2017 г. 5232 женщины этапированы из следственных изоляторов для отбывания наказания в другие субъекты Российской Федерации из-за отсутствия исправительных учреждений [5, с. 54], что затрудняет и даже делает невозможным общение с детьми и другими родственниками.

Сотрудники отмечают, что до осуждения женщины вели аморальный образ жизни, употребляли спиртные напитки, наркотические вещества, имея детей, не занимались их воспитанием, не обеспечивали им должного ухода и заботы, допускали факты психического и физического насилия. Такие матери руководствуются эгоистическими интересами, смыслом жизни для них является удовлетворение собственных потребностей. Осужденные к лишению свободы женщины осознают и пользуются тем, что наличие детей и поддержание социально полезных связей учитываются при предоставлении условно-досрочного освобождения, переводе в колонию-поселение, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, выездах за пределы исправительного учреждения, изменении условий отбывания наказания. При этом на практике нередки случаи, когда освободившаяся из мест лишения свободы женщина забывает о своей обязанности заботиться о ребенке, получив причитающиеся льготы в виде дополнительного питания, декретного отпуска, облегченных условий труда, просто оставляет в чужом подъезде своего малыша, сняв с него все, что можно продать для покупки наркотических веществ [8, с. 29].

В то же время можно выделить категорию осужденных женщин, которым поддержание социально полезных связей с детьми действительно помогает осознать совершенные ошибки и благодаря вере и поддержке родственников, оказанной в период отбывания наказания, после освобождения взять на себя ответственность по воспитанию детей и уже не допускать совершения противоправных действий.

Решению указанных проблем посвящено исследование, проведенное сотрудниками ВИПЭ ФСИН России. В ходе него было осуществлено анкетирование осужденных

женщин и сотрудников отделов по воспитательной работе с осужденными и групп социальной защиты Республики Коми, Красноярского, Пермского, Приморского и Ставропольского краев, Вологодской и Ростовской областей [9].

Полученные данные свидетельствуют о том, что большая часть осужденных к лишению свободы женщин отбывает наказание за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, – 40 %, совершение насильственных преступлений – 35 % (убийство – 22 %, причинение тяжкого вреда здоровью – 13 %), имущественных – 19 % (кража – 13 %, мошенничество – 6 %).

В местах лишения свободы осужденные женщины особенно нуждаются во внешней поддержке родных и близких. Как показал опрос, они чаще поддерживают связь с родителями, особенно с мамой – 37 %, детьми – 25 %, братьями с сестрами – 25 %, супругами – 15 %. Больше половины (60 %) опрошенных женщин, осужденных к лишению свободы, имеют детей, при этом 15 % из них лишены родительских прав, около 4 % – в период отбывания наказания. Большая часть (67 %) осужденных женщин, имеющих детей, отметили, что после освобождения планируют проживать совместно со своими детьми. При этом около половины опрошенных сотрудников выразили сомнения в целесообразности проведения работы по восстановлению отношений с детьми, поскольку, выйдя на свободу, женщины продолжают вести асоциальный образ жизни и обнаруживают аддиктивное поведение, при этом не заботятся о своих детях.

Способы поддержания социально полезных связей определены действующим законодательством, однако осужденные женщины по-разному их реализуют. Так, 73 % осужденных женщин для поддержания социально полезных связей используют телефонные звонки, в том числе видеозвонки, 43,4 % ведут переписку с родственниками, 37 % встречаются на краткосрочных и длительных свиданиях, 8 % приглашают родных на дни открытых дверей, 0,9 % отправляют денежные переводы. Особое значение для осужденных женщин имеют свидания с детьми – на данный факт указали 88 % опрошенных.

В настоящее время у осужденных возможность общения с детьми реализуется с помощью новейших технических средств и технологий:

– видеотерминалов, позволяющих осуществлять видеосвидание, которое по зако-

нодательству приравнивается к телефонному разговору;

– систем связи для осужденных через Интернет «Ариадна», «Зонателеком», основанных на ip-телефонии и удешевляющих телефонный звонок на 40–50 %; сервиса «Зонателеком», дающего возможность отправлять и получать электронные письма, совершать денежные переводы;

– службы отправки сообщений «ФСИН-письмо», преимуществами которой являются возможность послать не только письма, но и фотографии в любое удобное время, гарантированная быстрая доставка в случае прохождения цензуры.

Кроме того, для восстановления отношений детей, находящихся на воспитании в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей, и их матерей, отбывающих наказание в виде лишения свободы, дети (по согласованию с органами опеки и попечительства) могут присутствовать на днях открытых дверей в колонии, смотреть полезных дел в сопровождении воспитателей, а также участвовать в концертах и спектаклях для осужденных женщин. Женщины могут изготавливать на занятиях творческого кружка или студии подарки для детей, находящихся в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Так, осужденные женщины, отбывающие наказание в исправительных учреждениях УФСИН России по Вологодской области, принимают участие в благотворительной акции «Внимание: ребенок!» [2]. На решение проблемы восстановления социальных связей в семье направлена программа «Рождественская елка ангела», волонтеры которой могут передать подарки от мамы и поздравить детей с Рождеством.

Проведенное исследование позволило выявить наиболее популярные формы воспитательной работы с осужденными женщинами, которые используются в деятельности исправительных учреждений: индивидуальные беседы, юридические консультации по восстановлению родительских прав, система занятий социально-правовой подготовки, занятия по изучению основ морально-этических знаний, рассмотрение проблемных вопросов на административной комиссии, совете воспитателей отряда и других собраниях, медицинская помощь имеющим алкогольную и наркотическую зависимость, индивидуальное воздействие членов общественных организаций, попечительского совета, совета родственников. Приоритетной, по мнению большинства со-

трудников (89 %), является индивидуальная форма.

Занятия по социально-правовой подготовке с осужденными к лишению свободы женщинами включают такие темы, как «Значение семьи в жизни общества», «Формирование здорового образа жизни», «Роль матери в жизни ребенка», «Права и обязанности осужденных», «Порядок проведения телефонных переговоров», «Семейные традиции и ценности», «Порядок предоставления свиданий».

Важную роль в воспитательной работе по поддержанию социально полезных связей играет организация досуга осужденных женщин. В связи с этим ежегодно проводятся праздничные концерты, посвященные Новому году, Рождеству, 23 февраля, 8 марта, Дню пожилого человека, Дню матери, Дню Конституции Российской Федерации. Традиционно готовятся конкурсы стихотворений, танцев, монологов, песни, а также дни отрядов. Ежегодно проходит День просмотра полезных дел.

Проведенное исследование позволяет обобщить практический опыт, имеющийся в исправительных учреждениях, по организации общения матерей с детьми. Так, 68 % сотрудников отметили, что осужденные женщины изготавливают различные поделки (игрушки, одежду и др.) и отправляют их детям к праздникам, 55 % – то, что устраиваются встречи детей с матерями, отбывающими наказание в виде лишения свободы, 17 % упомянули об участии в проводимой акции «Рождественская елка ангела». В некоторых исправительных учреждениях успешно реализуются воспитательные программы, направленные на социальную адаптацию осужденных женщин и восстановление утраченных социально полезных связей, а также разрабатываются специальные проекты по поддержанию и сохранению последних.

Следует отметить, что перед организацией встречи осужденных женщин с их детьми, находящимися в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей, и оформлением документов для восстановления родительских прав начальнику отряда, сотрудникам отдела воспитательной работы с осужденными совместно с психологом и социальным работником необходимо:

– провести диагностику мотивации осужденной, оценку безопасности возвращения ребенка в семью, изучить степень сохранности родительских ориентаций женщины, возможности выполнять родительские обязанности;

- создать условия для осознания причин лишения или ограничения в родительских правах;

- осуществить оценку возможностей выполнять родительские обязанности и создавать условия для удовлетворения потребностей ребенка в семье;

- определить характер помощи матери, ориентированной на восстановление родительских функций;

- разработать план индивидуальной работы с осужденной женщиной.

Воспитательная работа с осужденными женщинами по восстановлению социально полезных связей с детьми, находящимися в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей, должна осуществляться в соответствии со ст. 110 УИК РФ в индивидуальных, групповых и массовых формах на основе психолого-педагогических методов. Учитывая психологические особенности женщин и их образ жизни до осуждения, приоритет должен быть отдан индивидуальным формам.

На основе проведенного исследования можно выделить четыре группы осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы:

- матери со стойкими родительскими привязанностями, которые осознали свои ошибки и признают вину, самостоятельно проявляют инициативу по восстановлению в родительских правах, стремятся общаться с ребенком;

- матери со слабо проявляющимися родительскими привязанностями, которые проявляют безразличие, но при постоянном контроле со стороны сотрудников исправительного учреждения, родственников, специалистов органов опеки и попечительства начинают переосмысливать свою жизнь, отношение к ребенку;

- матери с крайне низкими родительскими привязанностями, которые имеют иждивенческую позицию, вину не признают, сами ждут от детей помощи;

- матери, имеющие психические и физические заболевания, которые полностью зависят на коллектив детского дома.

Перечисленные особенности каждой группы определяют содержание воспитательной работы с ними, что должно быть отражено в плане индивидуальной работы.

План индивидуальной работы с осужденной составляется по итогам обследования в карантинном отделении с учетом письменных предложений заинтересованных служб на год и далее ежегодно по результатам

аттестования с учетом психолого-педагогических изменений и рекомендаций [4, с. 141].

В графе «Цели по изменению образа жизни, поведения, по развитию социальных навыков» можно указать: налаживание отношений с ребенком, находящимся в центре помощи детям, оставшимся без попечения родителей, для решения вопроса восстановления в родительских правах.

Колонка «Проводимые мероприятия» может содержать следующие значения:

1. Провести диагностику (ответственные – психолог, социальный работник и другие заинтересованные лица) по определению мотивов установления контактов с ребенком (мотивы могут быть разными: как желание иметь льготы в учреждении и после освобождения, например получать детские пособия, так и потребность в душевном контакте с родным человеком, получении в старости опоры в жизни), уровня сохранности родительских представлений, причин распада семьи, материально-бытовых возможностей. На основе полученных данных подготовить рекомендации специалистам и внести конкретные мероприятия в план индивидуальной работы.

2. Провести беседы с осужденной с целью выяснения причин лишения или ограничения в родительских правах, дальнейших жизненных планов, осуществить расчет рисков и анализ событий и факторов, повлиявших на совершение преступления и попадание ребенка в детский дом, осмыслить положительные и негативные последствия восстановления женщины в родительских правах.

3. Дать индивидуальное поручение осужденной, например:

- прочитать книгу о воспитании ребенка и подготовить статью для газеты, издаваемой на территории исправительного учреждения;

- выступить с просветительской информацией о методах поощрения и наказания ребенка в семье (о роли матери (отца, бабушки и дедушки) в воспитании ребенка) на общем собрании осужденных отряда;

- подготовить выступление в радиогазету или телестудию колонии о положительном примере осужденной, которая занимается трудовой деятельностью в колонии и переводит ежемесячно деньги своему ребенку, находящемуся в центре помощи детям, оставшимся без попечения родителей;

- провести мастер-класс для осужденных отряда по изготовлению подарков де-

тям, находящимся в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей;

– организовать и провести конкурс социальной рекламы к Дню защиты детей, Дню матери;

– оказать помощь другой осужденной, ребенок которой находится в доме ребенка при исправительной колонии, и другие.

4. Участвовать в программе психологических тренингов (по профилактике алкогольной и наркотической зависимости, самопознанию и принятию себя, саморазвитию и др.).

5. Участвовать в программе лекториев, которые проводятся медиками, психологами, юристами, педагогами и посвящены вопросам семьи и семейного воспитания, повышению санитарно-гигиенической культуры.

6. Получить профессиональное образование (общее образование), трудоустроиться.

7. Написать видеописьмо (письмо) ребенку.

8. Информирование о возможностях получения психологической, социально-педагогической, материальной помощи после освобождения (в рамках школы подготовки к освобождению).

На заседании совета воспитателей отряда начальником отряда зачитывается характеристика на осужденную, при положительной оценке ее поведения в план индивидуальной работы вносятся мероприятия по организации свиданий ребенка с матерью, сборку и оформлению необходимых документов.

К групповым формам воспитательной работы по восстановлению социально полезных связей осужденных женщин и их детей можно отнести следующие: кукольный театр (важно, чтобы женщины самостоятельно шили кукол, костюмы, писали сценарии, выступали в роли актеров и режиссеров, записывали постановки на видео, чтобы удачные спектакли могли видеть их дети), фотостудии (фотографии хранят самые дорогие воспоминания, создают историю человека, семьи и всего рода, способствуют общению, открывают в каждом человеке художника, формируют художественный вкус, развивают эмоциональную сферу), ролевые игры по формированию навыков ответственного материнства (например, в ИК-11 ГУФСИН России по Иркутской области проводится ролевая игра «Школа выживания», призванная помочь женщине найти правильный выход из разных жизненных ситуаций), группы взаимопомощи и другие.

Среди массовых форм, способствующих стремлению осужденной женщины к восстановлению отношений с ребенком (детьми) можно назвать: благотворительные акции (например, «Щедрый вторник», «Чужих детей не бывает», «Внимание: ребенок!»), конкурс короткометражных фильмов «Быть добру!», просмотр и обсуждение художественных и документальных фильмов (например, «Хозяйка детского дома», 1983 г.; «Малыши», 2010 г. и др.), тематический вечер (праздник), посвященный Дню матери, Дню защиты детей (возможно совместно с детьми), спектакль (например, постановка по пьесе Я. Пулинович «Наташина мечта», «Я не вернусь»), воспитательные программы и лектории и др. Важно при этом отметить, что любое из перечисленных мероприятий должно стать событием для участников, обеспечить своеобразный психологический прорыв, выход за пределы имеющегося жизненного опыта.

Далее необходимо определить психолого-педагогические условия, при которых работа по восстановлению социально полезных связей может быть эффективной:

– организация в исправительном учреждении социально реабилитирующей среды;

– наличие профессиональной готовности сотрудников к работе с осужденными женщинами по профилактике аддиктивного поведения, повышению их образовательного и культурного уровня;

– готовность детей к восстановлению отношений с матерью;

– реализация индивидуального подхода с учетом психологических особенностей и мотивации осужденной женщины;

– выявление и учет особенностей личного статуса матери, степени ее готовности и ресурсности к выполнению родительских функций;

– мониторинг и управление данным процессом во взаимодействии с органами опеки и попечительства, сотрудниками центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей, общественными организациями.

Таким образом, особенностями воспитательной работы с осужденными женщинами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, по поддержанию социально полезных связей с их детьми, находящимися в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей, являются учет криминологического и психологического своеобразия осужденных женщин, наличия у них алкогольной и (или) наркотической зависимости; отсутствие опыта семейной жизни (в

отношении многих осужденных женщин их родители были лишены родительских прав) и необходимость формирования в связи с этим материнских чувств, уверенности в себе, потребности в заботе о детях; выбор индивидуальных форм работы в условиях созданной социально реабилитирующей среды в исправительном учреждении; развитие самостоятельности в принятии ответственных решений.

Воспитательная работа с осужденной женщиной по восстановлению социально полезных связей должна быть комплексной

и системной, включать в себя разработку плана индивидуальной работы, организацию и проведение педагогического просвещения матерей, совместный анализ причин необходимости восстановления детско-родительских отношений, организацию ролевых игр с целью формирования навыков воспитания детей, рассмотрение вопросов роли матери в воспитании детей на заседаниях совета воспитателей отряда, собраниях осужденных, проведение конкурсов социальной рекламы, участие в благотворительных акциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Портреты преступников: криминологический анализ : моногр. М., 2014. 240 с.
2. В благотворительной акции «Внимание: ребенок!» приняли участие сотрудники и осужденные исправительной колонии № 2. URL: http://www.35.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=408049 (дата обращения: 30.07.2018).
3. Коменский Я. А. Материнская школа, или О заботливом воспитании юношества в первые шесть лет. URL: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Komensky/01_Comenius_Mother_school.htm (дата обращения: 29.07.2018).
4. Методические рекомендации по эффективной организации воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях территориальных органов ФСИН России : сб. метод. рекомендаций УВСПР ФСИН России. М., 2018. С. 139–157.
5. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России (январь–декабрь 2017 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018. 358 с.
6. Радочина Т. Н., Данилов Д. Д., Рахмаев Э. С. Проблемы ресоциализации осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы (пенитенциарный аспект) : моногр. Рязань, 2010. 112 с.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017, с изм. от 20.06.2018). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2018).
8. Соболева А. А. Место рождения – город Мариинск // Преступление и наказание. 2017. № 12. С. 28–29.
9. Янчук И. А., Чернышенко Е. В., Сантасова Л. Л. Организация воспитательной работы с осужденными женщинами по поддержанию социально полезных связей : аналит. обзор. Вологда, 2017. 31 с.

REFERENCES

1. Antonyan YU. M., EMinov V. E. Portrety prestupnikov: kriminologo-psihologicheskij analiz : monogr. [Portraits of criminals: criminological psychological analysis : monograph]. Moscow, 2014. 240 p. (In Russ.).
2. V blagotvoritel'noj akcii «Vnimanie: rebenok!» prinyali uchastie sotrudniki i osuzhdennye ispravitel'noj kolonii № 2 [In the charity event «Attention: child!» was attended by staff and convicts of the penal colony No 2]. Available at: http://www.35.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=408049 (accessed 30.07.2018). (In Russ.).
3. Komenskij YA. A. Materinskaya shkola, ili O zabotlivom vospitanii yunoshstva v pervye shest' let [Mother's school, or caring education of youth in the first six years]. Available at: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Komensky/01_Comenius_Mother_school.htm (accessed 29.07.2018). (In Russ.).
4. Metodicheskie rekomendacii po ehffektivnoj organizacii vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah territorial'nyh organov FSIN Rossii : sb. metod. rekomendacij UVSPR FSIN Rossii [Guidelines for the effective organization of educational work with convicts in correctional institutions of the territorial bodies of the Federal Penal Service of Russia : collection of methodical recommendations of management of educational, social and psychological work of the Federal Penal Service of Russia.]. Moscow, 2018. P. 139–157. (In Russ.).
5. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii (yanvar'–dekabr' 2017 g.) : inform.-analit. sb. [Key performance indicators of the penitentiary system of the Federal Penal Service of Russia (January–December 2017) : information and analytical collection]. Tver, 2018. 358 p. (In Russ.).
6. Radochina T. N., Danilov D. D., Rahmaev E. H. S. Problemy resocializacii osuzhdennyh zhenshchin, otbivayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody (penitencijarnyj aspekt) : monogr. [Problems of re-socialization of convicted women serving prison sentences (penitentiary aspect) : monograph.] Ryazan, 2010. 112 p. (In Russ.).
7. Semejnij kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 29.12.2017, s izm. ot 20.06.2018) [Family code of the Russian Federation from 29.12.1995 No. 223-FL (in red. on 29.12.2017, as amended on 20.06.2018)]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 30.07.2018). (In Russ.).
8. Soboleva A. A. Mesto rozhdeniya – gorod Mariinsk [Place of birth – Mariinsk town]. Prestuplenie i nakazanie – Crime and punishment. 2017. Iss. 12. P. 28–29. (In Russ.).
9. Yanchuk I. A., Chernyshenko E. V., Santashova L. L. Organizaciya vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi zhenshchinami po podderzhaniyu social'no poleznyh svyazej : analit. obzor. [Organization of educational work with convicted women in the maintenance of social ties : an analytical review]. Vologda, 2017. 31 p. (In Russ.).

УДК 343.985.7:343.81

Режимное обеспечение деятельности исправительных учреждений и его значение в расследовании пенитенциарных преступлений

С. Д. АВЕРКИН – заместитель начальника юридического факультета Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье рассматриваются вопросы режимного обеспечения деятельности исправительных учреждений и его значения в расследовании пенитенциарных преступлений.

Проводится анализ норм действующего уголовно-исполнительного законодательства, а также исследуются точки зрения отдельных авторов применительно к определению сущности режимного обеспечения деятельности исправительных учреждений.

Расследование преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях, имеет определенную специфику. Как правило, следователи, работающие с данной категорией уголовных дел, сталкиваются с различными трудностями, преодолеть которые порой без помощи представителей администрации не представляется возможным. В таких случаях практическое значение имеет режимное обеспечение расследования, которое является предпосылкой полного и всестороннего раскрытия преступлений, совершенных в исправительных учреждениях.

Режимное обеспечение процесса расследования преступлений позволяет решить комплекс разнообразных задач, таких как поиск и изъятие орудий совершения преступления, предметов и веществ противоправных посягательств; установление лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности; установление очевидцев противоправного деяния и тех из них, которые могут выступить в качестве свидетелей по расследуемому уголовному делу; оказание помощи следователю в проверке относимости определенных документов, предметов, веществ к расследуемому событию, установление их принадлежности определенным лицам; оказание помощи либо проведение по поручению следователя следственных и иных процессуальных действий; проведение оперативно-розыскных или режимных мероприятий с целью выяснения определенных обстоятельств, имеющих значение для расследуемого уголовного дела; осуществление оперативного, режимного контроля за подозреваемым.

Ключевые слова: режим; элементы и средства обеспечения режима; режимные мероприятия; расследование и раскрытие преступлений; деятельность исправительных учреждений; возбуждение уголовного дела; предварительное расследование.

Ensuring the regime in the activities of correctional institutions and its importance in the investigation of penal crimes

S. D. AVERKIN – Deputy Head of the Law Faculty of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article considers the issues of ensuring the regime in the activities of correctional institutions and its importance in the investigation of penal crimes. The norms of the current penal legislation are analyzed and the various authors' definitions of custodial maintenance of correctional institutions' activity are considered.

The analysis of the norms of the current penal legislation is carried out and also the points of view of individual authors are considered as applied to the definition of the essence of the regime support for the activities of correctional institutions.

The investigation of crimes committed by convicts in correctional institutions has certain specific features. As a rule investigators working with this category of criminal cases face various difficulties which sometimes cannot be overcome without the help of

administrative representatives. In such cases it is of practical importance to ensure the security of the investigation, which is a prerequisite for the full and complete disclosure of crimes committed in correctional institutions.

Regime support of the process of investigating crimes allows to solve a complex of various tasks: search and seizure of instruments for the commission of a crime, objects and substances of unlawful encroachment; identification of persons subject to criminal liability; the establishment of eyewitnesses of the wrongful act and those of them who can act as witnesses in the criminal case under investigation; assisting the investigator in verifying the relevance of certain documents, objects, substances to the event under investigation, establishing their belonging to certain persons; rendering assistance or conducting investigative and other procedural actions on behalf of the investigator; conducting operational-search or security activities in order to clarify certain circumstances that are relevant to the criminal case under investigation; the implementation of operational monitoring of the suspect.

Key words: regime; elements and means of ensuring the regime; regime measures; investigation and detection of crimes; correctional activities; criminal proceedings; preliminary investigation.

В целях формирования у осужденных к лишению свободы уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, стимулирования правопослушного поведения в пенитенциарных учреждениях реализуется комплекс средств исправления осужденных. К числу основных из них законодательство (ч. 2 ст. 9 УИК РФ) относит режим отбывания наказания. Он обеспечивает поддержание правопорядка и законности в исправительном учреждении.

Закономерно возникает вопрос о том, что представляет собой режим отбывания наказания в виде лишения свободы, для чего он предназначен, что включает в себя, какие имеются средства для его поддержания. В данной статье предлагается рассмотреть вопросы режимного обеспечения деятельности исправительных учреждений применительно к процессу расследования преступлений, совершаемых на их территории.

Анализ профильной юридической литературы позволяет сделать вывод о том, что существуют различные подходы к определению обозначенных нами понятий.

Еще до принятия ИТК РСФСР 1970 г. профессор Б. С. Утевский писал, что режим «складывается из распорядка дня, из урегулирования порядка передвижения в местах лишения свободы, из правил, устанавливающих формы общения лишенных свободы с внешним миром, из системы мер поощрения и мер дисциплинарного воздействия и т. п.» [20, с. 176].

Н. А. Беляев определял режим отбывания наказания как порядок деятельности исправительно-трудового учреждения. «Режим в исправительно-трудовых учреждениях, – писал он, – должен обеспечивать охрану и изоляцию всех заключенных и постоянный надзор за ними, а также раздельное разме-

щение, выполнение обязанностей и т. д.» [4, с. 114].

Опираясь на нормы ИТК РСФСР 1970 г., П. П. Козлов указывал: «Режим отбывания наказания в виде лишения свободы – это установленная правовыми нормами и регулируемая администрацией исправительно-трудовых учреждений система поведения осужденных, выражающая кару, дифференциацию правоограничений и обеспечивающая применение мер исправительно-трудового воздействия в целях исправления и перевоспитания осужденных, исключения возможности совершения ими новых преступлений и других антиобщественных поступков» [12, с. 8].

К. Ш. Садреев писал, что «режим лишения свободы – это урегулированный исправительно-трудовым законодательством порядок исполнения и отбывания данного вида уголовного наказания, выполняющий функции основного средства исправления и перевоспитания осужденных, частного и общего предупреждения преступлений и обеспечиваемый деятельностью администрации исправительно-трудовых учреждений, коллектива осужденных, средствами прокурорского надзора, судебного, ведомственного и общественного контроля» [17, с. 8].

Ю. А. Минаков считал, что «режим – это установленный на основе уголовного и детально урегулированный исправительно-трудовым законодательством порядок и условия исполнения и отбывания этого вида наказания, определяющий степень изоляции осужденных от общества с помощью комплекса правоограничений, а также применение к ним мер исправительно-трудового воздействия и выступающий в целом в качестве одного из основных средств их исправления и перевоспитания» [15, с. 45].

С. И. Курганов, анализируя нормы УИК РФ 1996 г., отмечает, что «режим в исправительных учреждениях есть установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы» [5, с. 171].

Он обеспечивает охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала. Кроме того, предусматривает раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания (ч. 1 ст. 82 УИК РФ).

Исходя из анализа норм закона, а также мнения ряда ученых, можно сделать вывод о том, что законодатель и ученые [12; 17; 15] с режимом связывали различные обстоятельства, в которых присутствует сущность уголовного наказания. Это объясняется тем, что только режим устанавливает ограничения и лишение осужденных некоторых прав и свобод, которые соответствуют определенному виду наказания. «В нем сжато выражается все содержание уголовного наказания в виде лишения свободы и, следовательно, содержится весь комплекс правоограничений и лишений» [10, с. 287].

Обеспечение карательного воздействия на осужденных обуславливается необходимостью выполнения задач частного и общего предупреждения, вытекающих из целей самого наказания и определяющих задачи и функции исправительных учреждений.

Решение этих задач означает, прежде всего, создание условий для изоляции осужденных от общества, обеспечение охраны и надзора за ними, исключение тем самым возможности совершения новых преступлений во время отбывания наказания. Создание условий, исключающих совершение правонарушений, является одним из элементов механизма частной превенции. Таким механизмом следует считать воздействие на преступника карой, которая, как известно, содержится преимущественно в режиме отбывания наказания [21, с. 59].

Следует отметить, что требования режима исполняются не сами по себе. Они сопряжены со значительными усилиями администрации исправительных учреждений и предполагают реализацию системы специальных мер, которые в литературе полу-

чили наименование «средства обеспечения режима».

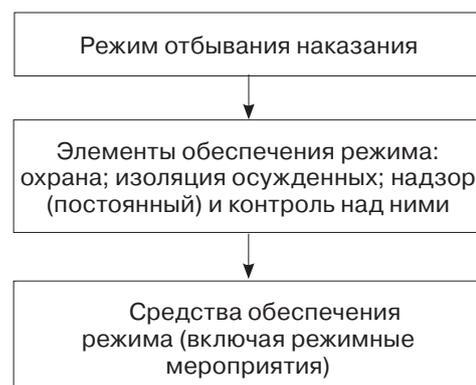
В юридической науке проблема определения средств обеспечения режима является дискуссионной. Имеет место смешение понятий «средства обеспечения режима», «элементы обеспечения режима», «режимные мероприятия». Нет единства взглядов и на их классификацию. Поэтому не случайно одна группа авторов отдельные составляющие относит к элементам режима отбывания наказания, другая – к средствам его обеспечения, третья – к режимным мероприятиям.

Так, Н. А. Стручков считал, что к элементам обеспечения режима следует отнести охрану осужденных, надзор за ними, систему мер поощрения и дисциплинарных взысканий, требовательность администрации [19, с. 8].

И. А. Сперанский и И. А. Бушуев надзор за осужденными относили к элементам режима и средствам его обеспечения [18, с. 62; 6, с. 43–44].

П. П. Козлов высказал суждение о том, что основные средства обеспечения режима (охрана, надзор, оперативно-розыскная деятельность) есть не что иное, как формы или способы организации содержания режима. Причем система охраны исправительного учреждения выступает в качестве внешней формы, а системы надзора, оперативно-розыскной и режимно-профилактической деятельности выражает внутреннюю форму организации элементов режима [11, с. 123–131].

Анализ современного уголовно-исполнительного законодательства (ст. 82, 83 УИК РФ), ведомственных нормативных актов Минюста России, ФСИН России, исследований ученых позволяет нам сделать вывод о том, что элементами режима отбывания наказания являются: 1) охрана; 2) изоляция осужденных; 3) надзор (постоянный); 4) контроль над ними (см. схему).

Приведенные элементы призваны исключить нарушения установленного порядка отбывания наказания (отступление от правил внутреннего распорядка исправительных учреждений), совершение преступлений.

Что касается средств обеспечения режима отбывания наказания, то им посвящено значительное количество исследований. Так, Е. М. Захцер подразделяет их на четыре группы: меры убеждения как совокупность воспитательных мероприятий; меры государственного принуждения, которые непосредственно направлены на воспрепятствование совершению правонарушений; прокурорский надзор, ведомственный, судебный и общественный контроль; оперативно-профилактическая работа, осуществляемая администрацией исправительного учреждения [8, с. 38–54].

Э. А. Говорухин выделяет следующие средства обеспечения режима отбывания наказания:

1. Исправительно-трудовые – правовые предписания, направленные на обеспечение должного режима отбывания наказания осужденными в исправительных учреждениях. Например, указания об обязательной изоляции осужденных и постоянном надзоре за ними, обыске, цензуре корреспонденции, досмотре посылок и передач, ношении одежды установленного образца, запрещении хранения при себе денег, ценных вещей, а также предметов, запрещенных к использованию в исправительном учреждении.

2. Оперативно-розыскные – регламентированные нормативными актами ресурсы, применяемые оперативными аппаратами исправительных учреждений для предупреждения и пресечения нарушений режима и преступлений, особенно тех из них, которые готовятся скрытно и затрудняют предупредительные действия режимных и оперативных служб.

3. Уголовно-правовые – предусмотренные уголовным законом. К их числу следует отнести нормы, специально предназначенные для борьбы с нарушениями режима и преступлениями в исправительном учреждении, и нормы, предусматривающие ответственность за совершение иных преступлений.

4. Административно-правовые – применяемые в целях обеспечения режима в исправительных учреждениях в тех случаях, когда совершенное деяние не является преступлением, но посягает на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы.

5. Государственно-правовые – включающие в себя ведомственный, судебный контроль и прокурорский надзор. Их сущность заключается в контроле за соблюдением законности в деятельности администрации исправительного учреждения.

6. Материально-технические – подразделяющиеся на обеспечивающие охрану осужденных и надзор за ними, предупреждение и пресечение нарушений режима и преступлений.

7. Управленческие – направленные на совершенствование как самой структуры управления режимом, так и деятельности ее субъектов по обеспечению режима отбывания наказания.

8. Педагогические – представляющие собой способы и приемы воспитательного воздействия на осужденных с целью склонения их к добровольному соблюдению требований режима [7, с. 30–31].

Рассматривая элементы и средства обеспечения режима отбывания наказания, необходимо отметить, что, на наш взгляд, главными из них являются режимные мероприятия. Их проведение, во-первых, влияет на состояние правопорядка и законности, во-вторых, на процесс раскрытия и расследования преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях.

Режимные мероприятия – это совокупность принудительных действий, предусмотренных законом и реализуемых администрацией исправительного учреждения в целях создания условий для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на территории исправительного учреждения, прилегающих к нему территориях, на которых установлены режимные требования для обнаружения запрещенных вещей и предметов, пресечения их поступления к осужденным, предупреждения и раскрытия преступлений.

Следует сказать и о соотношении понятий «средства обеспечения режима» и «режимные мероприятия». Как нам представляется, средства обеспечения режима включают в себя режимные мероприятия.

Наиболее часто в целях обеспечения режима отбывания наказания, раскрытия и расследования конкретных преступлений, совершенных осужденными в исправительном учреждении, используются результаты режимного досмотра и обыска [13; 9; 2; 16; 1; 3].

Проведение этих мероприятий позволяет обнаружить, зафиксировать и изъять следы противоправного деяния, вещественные доказательства, орудия совершения преступления, воссоздать картину произошедшего события, выявить лиц, причастных к нему, установить очевидцев преступления.

Перечисленная информация наиболее важна на начальном этапе расследования, когда решается вопрос о возбуждении уголовного дела, проведении первоначальных следственных действий, установлении очевидцев совершенного противоправного деяния, склонении их к даче свидетельских показаний, нейтрализации противодействия расследованию.

Как справедливо отмечает С. И. Медведев, на первоначальном этапе расследования преступления, совершенного в исправительном учреждении, необходимо установить все обстоятельства данного преступления, в том числе и с помощью производства режимных мероприятий [14, с. 34].

Проведение режимных мероприятий в условиях повседневной деятельности (постоянно) исправительного учреждения как превентивное средство, направленное на исключение противоправных поступков осужденных, лиц, находящихся на территориях, на которых установлены режимные требования, позволяет принимать более эффективные и своевременные меры по предупреждению, пресечению действий осужденных (приобрести предметы, вещи, документы, запрещенные законодательством и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений).

Проведение режимных мероприятий в обстановке, непосредственно предшествующей совершению правонарушений и преступлений, дает возможность получить информацию, а иногда и предметы, которые могут свидетельствовать о конкретных намерениях осужденных, их поведении. Это может способствовать обоснованному привлечению осужденного к дисциплинарной ответственности или принятию решения о возбуждении уголовного дела.

Осуществление режимных мероприятий в период проведения предварительной проверки сообщения о преступлении, совершенном в исправительном учреждении, является обязательным. Это объясняется тем, что они в этот период (наряду с результатами оперативно-розыскной деятельности) выступают основным источником получения первоначальной информации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Реализация режимных мероприятий параллельно с расследованием конкретного преступления (после возбуждения уголовного дела), но не в связи с установлением каких-либо обстоятельств противоправного деяния (вне целей расследования), является дополнительным средством расследования. Она позволяет выявить комплекс обстоятельств, свидетельствующих о противоправной деятельности конкретных лиц.

Осуществление режимных мероприятий параллельно с расследованием преступления (в косвенных целях расследования), как правило, ориентировано на установление определенных обстоятельств (фактов) совершения преступления, которые интересуют следователя.

По заданию следователя, в производстве которого находится конкретное уголовное дело (параллельно с расследованием и в его непосредственных целях), также проводятся необходимые режимные мероприятия. Они позволяют не только установить сведения, которые способствуют расследованию конкретного преступления, но и обнаружить, зафиксировать и изъять при соблюдении определенных правил вещественные доказательства.

Как показывает обобщение практики, режимные мероприятия сопровождают уголовное дело с момента возбуждения и до окончания предварительного расследования. Эффективность расследования преступлений, совершенных на территории исправительного учреждения, значительно повышается в результате правильно организованного взаимодействия следователя с администрацией исправительного учреждения [22, с. 107].

В условиях исправительных учреждений данные результаты способствуют быстрому и полному раскрытию и расследованию преступлений, принятию своевременных оперативно-розыскных и других режимных мер, установлению и устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений.

При расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях, характер и последовательность производства режимных мероприятий должны быть определены таким образом, чтобы можно было собрать необходимую информацию, исследовать обстоятельства преступления, установить всех соучастников, тщательнее выявить их преступную деятельность, способы совершения и сокрытия деяний и т. д.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что деятельности администрации исправительного учреждения и следователя противостоят продуманные до тонкостей действия осужденных, совершивших преступление. Последние прибегают к различным уловкам, ухищрениям, уничтожают следы преступления, а также предметы, которые могли бы иметь доказательственное значение по делу, принимают меры к тому, чтобы воссоздать обстановку, которая была до происшествия, подбрасывают предметы, изобличающие в совершении преступления лиц, в действительности не имеющих ника-

кого отношения к совершенному преступлению.

В течение последних лет, как показывают официальные сведения, не снижается активность осужденных, направленная на противодействие персоналу исправительных учреждений. Попытки подкупа, шантажа и запугивания нередко перерастают в акты физического воздействия на сотрудников, а также членов их семей.

Исключить подобные факты и призваны режимные мероприятия, проводимые с использованием тактических приемов и современных технических средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев Ф. Г. Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой начальниками исправительных учреждений : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2003.
2. Аброськин С. Н. Уголовно-правовые средства предупреждения и пресечения преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
3. Барабанов Н. П. Организация деятельности исправительных учреждений по предупреждению и пресечению массовых беспорядков, захватов заложников, побегов : моногр. Рязань, 2003.
4. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963.
5. Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации : учеб. М., 2007.
6. Бушуев И. А. Новое в исправительно-трудовом законодательстве. М., 1970.
7. Говорухин Э. А. Организация режима в исправительно-трудовых учреждениях : учеб. пособие для слушателей вузов МВД СССР / под ред. А. Е. Наташева. Рязань, 1987.
8. Захцер Е. М. Средства обеспечения режима в исправительно-трудовых колониях : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1973.
9. Каретников И. В. Характеристика преступлений, совершенных осужденными в исправительно-трудовых колониях : учеб. пособ. М., 1986.
10. Козаченко Б. П. Комментарий к ст. 82 УИК РФ // Постатейный комментарий к уголовно-исполнительному кодексу в Российской Федерации (по сост. на 1 сентября). М., 2007.
11. Козлов П. П. К вопросу об основных средствах и методах обеспечения режима отбывания наказания в виде лишения свободы // Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности ОВД по предупреждению правонарушений. Вып. 2. Киев, 1977.
12. Козлов П. П. Режим и средства его обеспечения в исправительно-трудовых учреждениях. Рязань, 1978.
13. Крымов А. А. Производство дознания в учреждениях УИС Минюста России : учеб. пособие. Вологда, 2002.
14. Медведев С. И. Расследование убийств и причинений телесных повреждений в исправительно-трудовых учреждениях. Рязань, 1987.
15. Минаков Ю. А. Режим лишения свободы и совершенствование правовых мер борьбы с его нарушениями // Проблемы укрепления режима в ИТУ : сб. науч. тр. М., 1987.
16. Михлин А. С., Бриллиантов А. Б., Метелкин М. Б. Злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения : учеб. пособие. М., 1988.
17. Садреев К. Ш. Режим лишения свободы и средства его обеспечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1983.
18. Сперанский И. А. Основные вопросы исправительно-трудового права. М., 1976.
19. Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970.
20. Утевский Б. С. Советская исправительно-трудовая политика. М., 1934.
21. Шамис А. В. Основные средства воздействия на осужденных и механизм их реализации : моногр. Домодедово, 1996.
22. Шурухнов Н. Г. Факторы, влияющие на расследование преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях // Актуальные вопросы использования достижений науки и техники в расследовании преступлений органами внутренних дел. М., 1990.

REFERENCES

1. Abdullaev F. G. Sovershenstvovanie ugovolno-processual'noj deyatel'nosti, osushchestvlyajemoj nachal'nikami ispravitel'nyh uchrezhdenij : dis. ... kand. yurid. nauk [Improvement of criminal procedure activities carried out by heads of correctional institutions : the diss. ... PhD. in Law]. Makhachkala, 2003. (In Russ.).
2. Abros'kin S. N. Ugolovno-pravovye sredstva preduprezhdeniya i presecheniya prestuplenij, sovershaemyh osuzhdennymi k lisheniyu svobody : dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal law means of preventing and suppressing crimes committed by persons sentenced to deprivation of liberty : the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 1999. (In Russ.).
3. Barabanov N. P. Organizaciya deyatel'nosti ispravitel'nyh uchrezhdenij po preduprezhdeniyu i presecheniyu massovyh besporyadkov, zahvatov zolozhnikov, pobegov : monogr. [Organization of activities of correctional institutions for the prevention and suppression of riots, hostage-taking, escapes : monograph]. Ryazan, 2003. (In Russ.).
4. Belyaev N. A. Celi nakazaniya i sredstva ih dostizheniya v ispravitel'no-trudovyh uchrezhdeniyah [Purposes of punishment and means of achieving them in correctional labour institutions]. Leningrad, 1963. (In Russ.).
5. Brilliantov A. V., Kurganov S. I. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossijskoj Federacii : ucheb. [Penal Law of the Russian Federation : textbook]. Moscow, 2007. (In Russ.).

6. Bushuev I. A. Novoe v ispravitel'no-trudovom zakonodatel'stve [New in the correctional labor legislation]. Moscow, 1970. (In Russ.).
7. Govoruhin E. H. A. Organizatsiya rezhima v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyah : ucheb. posobie dlya slushatelej vuzov MVD SSSR / pod red. A. E. Natasheva [Organization of the regime in correctional labor institutions: a tutorial for students of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the USSR : ed. by A. E. Natashev]. Ryazan, 1987. (In Russ.).
8. Zahcer E. M. Sredstva obespecheniya rezhima v ispravitel'no-trudovykh koloniyah : dis. ... kand. yurid. nauk [Means of ensuring the regime in correctional labor colonies : the diss. ... PhD. in Law]. Tomsk, 1973. (In Russ.).
9. Karetnikov I. V. Harakteristika prestuplenij, sovershennykh osuzhdennymi v ispravitel'no-trudovykh koloniyah : ucheb. posob. [Description of crimes committed by convicts in correctional labor colonies: textbook]. Moscow, 1986. (In Russ.).
10. Kozachenko B. P. Kommentarij k st. 82 UJK RF [Commentary to article 82 of the criminal Executive code of the Russian Federation]. Postatejnyj kommentarij k ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu v Rossijskoj Federacii (po sost. na 1 sentyabrya) – Article-by-article commentary to the criminal Executive code in the Russian Federation (as of 1 September). Moscow, 2007. (In Russ.).
11. Kozlov P. P. K voprosu ob osnovnykh sredstvakh i metodah obespecheniya rezhima otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody [On the question of basic means and methods of ensuring the regime of serving the sentence of deprivation of liberty]. Problemy dal'nejshego ukrepleniya socialisticheskoj zakonnosti v deyatel'nosti OVD po preduprezhdeniyu pravonarushenij. Vyp. 2 – Problems of further strengthening of socialist legality in the activities of the internal Affairs bodies for the prevention of offenses. Iss. 2. Kiev, 1977. (In Russ.).
12. Kozlov P. P. Rezhim i sredstva ego obespecheniya v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyah [Regime and means of its provision in correctional labour institutions.]. Ryazan, 1978. (In Russ.).
13. Krymov A. A. Proizvodstvo doznaniya v uchrezhdeniyah UIS Minyusta Rossii : ucheb. posobie [Production of inquiry in institutions of the Ministry of justice of Russia : tutorial]. Vologda, 2002. (In Russ.).
14. Medvedev S. I. Rassledovanie ubijstv i prichinenij telesnykh povrezhdenij v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyah [The investigation of the murders and picinini injuries in correctional labour institutions]. Ryazan, 1987. (In Russ.).
15. Minakov YU. A. Rezhim lisheniya svobody i sovershenstvovanie pravovykh mer bor'by s ego narusheniyami [The regime of deprivation of liberty and improvement of legal measures to combat its violations]. Problemy ukrepleniya rezhima v ITU : sb. nauch. tr. – Problems of strengthening the regime in the in correctional labor institutions : collection of scientific papers. Moscow, 1987. (In Russ.).
16. Mihlin A. S., Brilliantov A. B., Metelkin M. B. Zlostnoe nepovinovenie trebovaniyam administracii ispravitel'no-trudovogo uchrezhdeniya : ucheb. posobie [Willful disobedience to the requirements of the administration of correctional labor institution : tutorial]. Moscow, 1998. (In Russ.).
17. Sadreev K. SH. Rezhim lisheniya svobody i sredstva ego obespecheniya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Regime of deprivation of liberty and means of ensuring it : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Kazan, 1983. (In Russ.).
18. Speranskij I. A. Osnovnye voprosy ispravitel'no-trudovogo prava [The main issues of correctional labor law]. Moscow, 1976. (In Russ.).
19. Struchkov N. A. Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika i ee rol' v bor'be s prestupnost'yu. [Soviet correctional labor policy and its role in the fight against crime]. Saratov, 1970. (In Russ.).
20. Utevskij B. S. Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika [Soviet corrective-labour policy]. Moscow, 1934. (In Russ.).
21. SHamis A. V. Osnovnye sredstva vozdejstviya na osuzhdennykh i mekhanizm ih realizacii : monogr. [The main means of influence on convicts and the mechanism of their implementation: monograph]. Domodedovo, 1996. (In Russ.).
22. SHuruhnov N. G. Faktory, vliyayushchie na rassledovanie prestuplenij, sovershaemykh osuzhdennymi v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyah [Factors affecting the investigation of crimes committed by convicts in correctional institutions]. Aktual'nye voprosy ispol'zovaniya dostizhenij nauki i tekhniki v rassledovanii prestuplenij organami vnutrennih del – Topical issues of the use of science and technology in the investigation of crimes by the internal Affairs bodies. Moscow, 1990. (In Russ.).

УДК 93/94: 343.242

Особенности оформления правового статуса тюремного храма в современной России

А. Р. ПАВЛУШКОВ – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент

Реферат

В статье ставится задача выявить потенциал для законодательного оформления статуса тюремного храма в связи с тем, что в настоящее время процесс учреждения культового сооружения в местах лишения свободы не имеет единого правового регулирования, сложилась лишь общая практика сотрудничества территориальных управлений ФСИН России с местными епархиями.

Кроме того, автором рассматриваются социально-правовые условия и возможности для учреждения культовых сооружений в местах лишения свободы. Это вызвано увеличением количества верующих, стремлением государства придать рели-

гиозной жизни более организованный и контролируемый характер. Тюремный храм как элемент внедрения новых форм работы является инструментом ресоциализации осужденных. Необходимость учреждения тюремного храма вызвана переходом отечественной уголовно-исполнительной системы на международные пенитенциарные стандарты, закрепляющие требование соблюдения права осужденных на свободу совести и вероисповедания.

Также проанализированы нормативно-правовые акты, регламентирующие создание культового сооружения в местах лишения свободы, на их основе сформулированы требования (условия) к данному процессу, отражены наиболее проблемные вопросы его правовой регламентации.

Ключевые слова: конфессиональная политика; тюремный храм; право осужденных на свободу вероисповедания; религиозная организация; функции тюремного храма; тюремное храмостроительство; причины строительства культовых сооружений; требования к учреждению тюремного храма.

Features of the legal status of the prison church in modern Russia

A. R. PAVLUSHKOV – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Associate Professor

Abstract

The article aims to identify the potential for legislative registration of the status of a prison church due to the fact that at present the process of establishing a religious building in places of deprivation of liberty does not have a single legal regulation; there was only a common practice of cooperation between the territorial departments of the Federal Penal Service of Russia and local dioceses.

In addition the article discusses the social and legal conditions and opportunities for the establishment of religious buildings in places of detention. They are due to the increase in the number of spirituals, the desire of the state to make religious life more organized and controlled. The prison church is a tool for the re-socialization of convicts as an element of the introduction of new forms of work. The need to establish a prison church is caused by the transition of the domestic penal system to international penitentiary standards, enshrining the requirement of respect for the rights of convicts to freedom of conscience and religion.

Also there are analyzed legal acts regulating the creation of religious buildings in places of detention. On their basis the requirements (conditions) of creating a prison church are formulated. The most problematic issues of the legal regulation of the creation of a religious building in a correctional institution are reflected.

Keywords: confessional policy; prison church; the right of convicts to freedom of religion; religious organization; the functions of the prison church; prison church building; reasons for the construction of religious buildings; requirements for the establishment of a prison church.

Общей тенденцией развития современной уголовно-исполнительной системы России стало повсеместное строительство храмов при исправительных учреждениях. По состоянию на 1 февраля 2018 г. их численность составила 698 культовых объектов, которые использовались по прямому назначению [6]. Несмотря на погрешности статистики, неоспоримым фактом является общее признание серьезного влияния религии на исправление личности осужденного.

Быстрое возведение тюремных храмов в постсоветский период было обусловлено множеством внутренних и внешних об-

стоятельств, но прежде всего связано с модернизацией уголовно-исполнительной системы и переходом ее на европейские стандарты. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2020 г. фигурировали различные причины ее реформирования: стабильно высокое количество содержащихся под стражей, переполненность учреждений, неэффективность действующих воспитательных методик по работе с осужденными. Решение этих проблем связывалось с реализацией целого комплекса мер: совершенствованием основных направлений, форм и методов рабо-

ты с осужденными путем взаимодействия с институтами гражданского общества, гуманизацией наказания, повышением гарантий соблюдения прав осужденных в соответствии с международными стандартами. Кроме того, в работе с осужденными предлагалось «активизировать взаимодействие с традиционными конфессиями, обеспечить осужденным возможность участия в религиозных обрядах, реализовать совместно с традиционными конфессиями гуманитарные проекты» [10].

Религиозный аспект концепции имеет принципиально важное значение. Его содержание включает в себя создание и обустройство тюремных храмов, деятельность которых рассматривается как элемент либерализации уголовно-исполнительной политики. Вместе с тем можно обнаружить и иные причины роста современного тюремного храмостроительства.

Во-первых, появление культового учреждения дает возможность более организованно обеспечить соблюдение права осужденного на свободу вероисповедания. Проведение обрядов в храме позволяет привлечь максимальное количество верующих, что особенно важно с учетом жестких требований режима содержания под стражей. В иных условиях (вне храма) священник не может охватить своим вниманием всех нуждающихся в духовном окормлении в силу временных и физических ограничений. С учетом того что количество осужденных, нуждающихся в религиозной поддержке, постоянно растет, открытие новых культовых сооружений вполне оправдано.

Наиболее активно тюремные храмы посещают женщины: 88 % осужденных женщин верят в Бога и участвуют в богослужении. У мужчин данный показатель находится в границе 70 % [18, с. 20, 37–38]. Очевидно, что культовые учреждения превращаются в важнейший инструмент ресоциализации осужденных, поскольку выполнение религиозных требований базируется на переосмыслении представлений об окружающем мире и более глубоком осознании общественных ценностей. На наш взгляд, в концепции следовало бы более комплексно отразить вопросы взаимодействия пенитенциарных учреждений с конфессиональными организациями по строительству и организации деятельности культовых сооружений.

Во-вторых, создание храмового сооружения позволяет предотвратить процесс стихийной религиозной самоорганизации осужденных, формы проявления которой

могут иметь непредсказуемый характер и приводить к латентной эскалации. Об опасности религиозной радикализации заключенных предупреждают многие исследователи. В основе выводов лежит анализ современного контингента осужденных с целью выявления скрытых угроз [15; 1]. Религиозная радикализация заключенных является серьезной проблемой для многих стран, при этом предлагаются различные способы ее решения: от полной изоляции экстремистки настроенных заключенных до применения различных специальных воспитательных средств [8]. Очевидно, что большая часть имеющихся средств не оправдывает себя, поскольку изменить волевые установки личности достаточно сложно. В этой связи появление культовых сооружений в местах лишения свободы позволило бы координировать поведение верующих, способствовало бы предупреждению внутренних конфликтов на религиозной почве.

В-третьих, храм является местом мощного духовного (и психологического) воздействия. Не умаляя роль личных встреч священнослужителя с осужденными, надо признать, что воспитательный эффект от участия осужденных в богослужении непосредственно в храме гораздо выше. Этому способствует эстетика культового сооружения, его атрибуты, процедура совершения обряда. Храм становится своеобразным социальным мостом между осужденным и внешним миром, посредством которого он общается не только с Богом, но и с близкими людьми. Восприятие ценностей добра и справедливости, понятий греха и наказания становится острее и значимее в момент пребывания в храме. Соответственно, формирование положительных установок осужденного идет гораздо быстрее.

Значение храма в жизни осужденных подтверждает сложившаяся практика сотрудничества ФСИН России с конфессиональными организациями. Согласно опросам осужденных, 67 % из них раскаялись в совершенном преступлении, и большую роль в этом сыграла религия [18, с. 15].

Не менее важна и образовательная функция храма. В настоящий момент действует 265 воскресных школ, где обучается свыше 11 тыс. осужденных [4, с. 37]. Как правило, воскресные школы функционируют при тюремных храмах.

В-четвертых, появление храма дисциплинирует и сотрудников учреждения. Любой тюремный храм ориентирован на широкий круг лиц, связанных с деятельностью уч-

реждения. Посещение храма повышает социальную ответственность, является своеобразным маркером причастности человека к национальной культуре. Именно поэтому дореволюционное законодательство разрешало посещать тюремные храмы всем членам семьи тюремного персонала. В советский период, когда все церкви в местах лишения свободы были закрыты, центрами воспитательной работы стали специально оборудованные помещения, в которых заведующие учебно-воспитательной частью старались безуспешно поднять уровень политического сознания заключенных. С распадом советской модели государства стало возможным вернуться к религиозным формам воздействия, тем более что к этому времени право осужденных на свободу вероисповедания уже рассматривалось в контексте требований международного права [7; 5].

Понимание взаимных интересов церкви и государства в пенитенциарной сфере проявилось достаточно быстро и стало обретать соответствующие правовые формы. Уже в 1999 г. между Минюстом России и Русской православной церковью было заключено соглашение, которое предусматривало строительство 72 культовых объектов, а также оказание религиозной поддержки не только осужденным, но и сотрудникам уголовно-исполнительной системы [14].

Можно выделить и другие обстоятельства, заставляющие государство пересматривать отношение к конфессиональной политике в целом и поддерживать современное тюремное храмостроительство в частности [12].

Необходимость строительства тюремного храма имеет под собой вполне объективную социально-правовую основу, обусловленную реформированием уголовно-исполнительной системы. Однако трудность достижения поставленной цели связана с ментальностью правоохранителей. Несмотря на провозглашенный курс на либерализацию отечественной пенитенциарной системы и внешнее приближение ее к европейским стандартам, существуют серьезные расхождения в понимании обществом и государством базовых аспектов наказания. Как справедливо отмечает профессор В. А. Уткин, уголовно-исполнительная политика России традиционно исходит из карательной составляющей режима, а тюрьма понимается как средство наказания, устрашения и обеспечения безопасности, тогда как международная интерпретация тюремного заключения гораздо более

широка [7, с. 67–69]. Во многом это объясняется сложившимся стереотипом восприятия пенитенциарной системы как института, ориентированного главным образом на наказание, а не на обеспечение интересов личности и общества. Отсюда недостаточное внимание к правам осужденных со стороны как сотрудников пенитенциарной системы, так и общества в целом [2, с. 3]. В этой связи надо понимать, что какое бы ни было культовое сооружение, его деятельность будет сведена к нулю в условиях чрезмерной (мелочной) регламентации, когда право на участие в богослужении будет рассматриваться (де-факто) как поощрительная мера, которую надо еще заслужить.

Современный процесс возведения тюремных храмов отчасти напоминает практику тюремного храмостроительства второй половины XIX столетия, поскольку контуры взаимодействия тюремного ведомства с Русской православной церковью оформлялись именно тогда [11]. Однако в тот период данный процесс был более упорядочен, а правовой статус тюремного храма имел законодательное закрепление.

Основой для учреждения тюремных церквей в современный период является положение о разрешении проведения культовых обрядов в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также указание на то, что для религиозных обрядов могут быть использованы здания и строения, которые исторически использовались для этих целей [9]. Последнее замечание является важным, но не существенным, поскольку зданий тюремных церквей практически не сохранилось. Тем более такая реорганизация сопряжена с большими трудностями, поэтому администрации учреждения целесообразнее инициировать строительство нового культового объекта.

Правовой основой для возведения тюремной церкви являются законодательные акты, которые в самом общем виде предоставляют администрации учреждения право на строительство культового сооружения. Данное право обеспечивается ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и УИК РФ 1997 г., в котором содержится рекомендация администрациям мест лишения свободы выделять на их территории здания (сооружения и помещения) для проведения религиозных обрядов (ст. 14.4).

Акцентируем внимание на двух принципиальных моментах: добровольном характере реализации инициативы о постройке

культового сооружения и равнозначности строительства тюремной церкви выделению помещения для этой цели. С последним положением трудно согласиться, поскольку строительство церкви и выделение молитвенного помещения – это совершенно разные в техническом и финансовом отношении проекты. Законодатель вполне обоснованно аргументирует свою позицию «наличием соответствующих условий» для строительства (ст. 14.4 УИК РФ). Закон не разъясняет содержание данной оговорки, но по сложившейся мировой практике к таким условиям относятся: конфессиональный состав тюремного населения, учет интересов религиозных меньшинств, общее количество осужденных, технические и организационные возможности режимного объекта, заинтересованность и поддержка официальных религиозных организаций, наличие источников финансирования, инициатива тюремной администрации. Если соответствующие условия для учреждения тюремного храма отсутствуют, то администрация может выделить специальное помещение для совершения молитв или ограничиться приглашением местного священника по мере необходимости.

Еще одним не менее важным источником являются соглашения между ФСИН России и официальными церковными организациями. В частности, соглашением между ФСИН России и Московской патриархией (2011 г.) предусмотрены взаимные обязательства сторон по строительству храмов. Федеральная служба исполнения наказаний берет обязательство по «содействию строительству храмов, часовен, выделению помещений под молитвенные комнаты исходя из существующих возможностей». Русская православная церковь «принимает посильное участие в сооружении в учреждениях УИС православных храмов и часовен, молитвенных комнат, обеспечивает... духовной литературой и предметами религиозного назначения» [13, ст. 3.1, 4.2].

В 2016 г. приказом Министерства юстиции Российской Федерации были утверждены Требования к содержанию соглашений о взаимодействии ФСИН России и территориальных органов уголовно-исполнительной системы с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями, в которых все вопросы сотрудничества были помещены в рамках правового поля [16, с. 78]. Ранее этот процесс носил более свободный характер и вытекал из общего тезиса государственной

политики о необходимости развивать отношения с общественными организациями по обеспечению прав осужденных и контролю за деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы. Поэтому наблюдались значительные расхождения в соглашениях между управлениями и религиозными организациями на территориальном уровне. С 2016 г. соглашения стали иметь типовую (строгую) форму, которая предусматривала перечень обязательных вопросов, подлежащих обоюдному согласованию. Новеллы уточняли статус культового сооружения. Все объекты религиозного назначения (помещения, здания) подлежали строгой фиксации, носившей описательный характер: указывались форма культового сооружения, адрес, количество помещений, занимаемая площадь, кадастровый номер (при наличии), перечень предметов культа храма, график проведения служб. Отдельным положением прописывались права и обязанности централизованной религиозной организации, в ведении которой находились культовые сооружения.

Действующее уголовно-исполнительное законодательство содержит обобщенные положения, предваряющие начало строительства культового учреждения в местах лишения свободы. Они, к сожалению, не отражены в едином перечне требований, но анализ нормативно-правовых актов позволяет выделить несколько основополагающих условий:

1) право на учреждение культовых сооружений может быть предоставлено только на основании принятого официального соглашения между управлениями ФСИН России и религиозными объединениями (например, епархиальным управлением Русской православной церкви или территориальным управлением мусульман). Территориальные органы ФСИН России могут самостоятельно заключать соглашения о взаимодействии с официально зарегистрированными религиозными организациями. В соглашении, как правило, должен оговариваться комплекс вопросов совместной деятельности. Непосредственно требования к содержанию основных положений соглашений утверждаются руководящим органом ФСИН России [10]. Заметим, что практически во всех имеющихся на текущий момент соглашениях между территориальными управлениями ФСИН России и местными епархиями имеются положения, связанные с возможностью строительства храмовых зданий;

2) в качестве второй стороны соглашения могут выступать только зарегистрированные религиозные организации (а не религиозные группы). Церковные организации берут на себя определенные обязательства по осуществлению богослужения, внутреннему обустройству культового сооружения. Религиозные организации обладают правом учредительной инициативы, которую предваряет длительное посещение конкретного учреждения священником. После совместного обсуждения вопроса с администрацией учреждения складывается общее решение о целесообразности такой постройки. Религиозные группы таким правом не обладают;

3) религиозные организации, при участии которых учреждаются тюремные церкви, должны быть централизованными, то есть иметь территориальные отделения (не менее трех местных организаций). Помимо традиционных конфессий (православие, ислам) к ним относятся те религиозные объединения, влияние которых на российских граждан является значительным (католики, протестанты), либо которые за постперестроечные годы сумели усилить свое положение и юридически оформились в самостоятельные структуры. В число профессиональных централизованных организаций, которые имеют культовые объекты в исправительных учреждениях, входят христианские (православные и католические), мусульманские и буддийские. Доминирующее положение занимают православные храмы – 624 объекта (89 %), далее следуют культовые сооружения ислама – 61 объект (8,7 %), 10 буддийских храмов (1,4 %) и 3 католических костела (0,7 %) [6];

4) культовое помещение должно находиться на территории учреждения в целях обеспечения необходимой изоляции и недопущения случаев побега. Требование вполне обосновано, поскольку оптимально позволяет соблюдать установленный режим содержания осужденных. Например, существовавшая в XIX в. практика посещения заключенными ближайшей к тюрьме приходской церкви не оправдывала себя, поскольку нарушала привычный ритм богослужения прихожан, требовала дополнительные средства охраны. Вместе с тем культовый объект может быть возведен и вне территории учреждения. Такие молитвенные помещения, например, существуют при учреждениях ГУФСИН по Приморскому краю [3, с. 46–47]. Но они являются скорее исключением;

5) тюремные храмы должны быть оборудованы соответствующим образом, то есть обеспечивать возможность изоляции при большом скоплении осужденных, иметь технические средства для предупреждения побега.

Следует обратить внимание, что указанные требования опираются на сложившийся мировой опыт и отечественную практику взаимодействия исправительных учреждений с религиозными организациями. Основными документами являются соглашения о сотрудничестве ФСИН России с ведущими конфессиональными организациями. Они периодически пересматриваются и дополняются. В каждое последующее соглашение о сотрудничестве вносятся изменения, касающиеся деталей учреждения тюремного храма. Практика такова, что инициатором храмостроительства выступает администрация учреждения. Она опирается на помощь осужденных и местной епархии.

Сложившийся порядок оформления тюремного храма в России учитывает требования международного права и в определенном смысле является новаторским, поскольку в отличие от Минимальных стандартов обращения с заключенными (Правил Нельсона Манделы (2015 г.)) более полно отражает условия учреждения культового сооружения. Европейский подход имеет более утилитарный смысл: допускается создание единого культового сооружения для представителей различных конфессий с возможностью использования его в качестве площадки для развлекательных и тематических мероприятий. В Российской Федерации каждое религиозное объединение создает сооружение, предназначенное исключительно для представителей собственной конфессии. Эффективность мер религиозного воздействия на осужденных в данном случае значительно выше.

Вместе с тем серьезным вопросом, требующим законодательного оформления, является установление единой процедуры строительства храма (бюджет, источники, конкретные обязательства сторон). На текущий момент не установлены и критерии учреждения тюремного храма. В качестве таковых могут выступать: численность осужденных, численность верующих (что постоянно может меняться), административно-территориальный статус населенного пункта – места нахождения исправительного учреждения. Нерешенным остается вопрос о правовой принадлежности тюремного храма как объекта собственности. Очевид-

но, требуется разработать законопроект, объединяющий в себе разрозненные нормативно-правовые акты относительно прав осужденных на свободу вероисповедания, где постатейно была бы прописана процедура учреждения культового сооружения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю. Тюремь Франции: специальные отделения для радикальных исламистов // Ведомости уголовно-исполнит. системы. 2016. № 3. С. 46–47.
2. Бояринов В. Г. Государственная защита прав лиц, содержащихся под стражей // Уголовно-исполнит. система: право, экономика, упр. 2015. № 4. С. 3–5.
3. Гаджиадамов А. М. Совершенствование социальной работы с осужденными: взаимодействие Русской православной церкви и исправительных учреждений по ГУФСИН России по Приморскому краю // Ведомости уголовно-исполнит. системы. 2017. С. 46–48.
4. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Архиерейском соборе Русской православной церкви (02.02.2011). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1399993.html> (дата обращения: 14.04.2018).
5. Европейские пенитенциарные правила (12.02.1987). Ст. 2, 41–46. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901732870> (дата обращения: 13.09.2015).
6. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы по состоянию на 01.02.2018. URL: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 14.03.2018).
7. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955 г.). Ст. 6, 41, 62. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison (дата обращения: 09.09.2016).
8. Мюллер Т. Радикализация заключенных // Ius Publicum et Privatum. 2018. № 1. С. 47–50.
9. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 03.04.2018).
10. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (с изм. на 23.09.2015) : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14.10.2010 № 1772-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902241566> (дата обращения: 06.11.2017).
11. Павлушков А. Р. Диалектика тюремного храмостроительства в России в XIX столетии // Вестн. САФУ. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 5. С. 46–54.
12. Павлушков А. Р. Социально-политическая реальность и пенитенциарная деятельность Русской православной церкви (вторая половина XIX и начало XXI столетий) // Современные социально-экономические процессы: проблемы, закономерности, перспективы : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2018. С. 24–27.
13. Соглашение о сотрудничестве между ФСИН России и РПЦ (22.02.2011). URL: <http://www.t-sluzhenie.ru/node/929> (дата обращения: 15.02.2008).
14. Соглашение о сотрудничестве между Министерством юстиции и Русской православной церковью. П. 2.1–3.3 // Ведомости уголовно-исполнит. системы. 2000. № 1. С. 2–4.
15. Сысов А. М., Аболмасова Т. Е. Особенности процесса дерадикализации исламских экстремистов, отбывающих наказание в виде лишения свободы в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран // Ведомости уголовно-исполнит. системы. 2017. № 2. С. 26–31.
16. Требования к содержанию соглашений о взаимодействии ФСИН России и территориальных органов УИС с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями : приказ Минюста России от 21.03.2016 № 67 // Ведомости уголовно-исполнит. системы. 2016. № 6. С. 78–79.
17. Уткин В. А. Минимальные стандартные правила ООН и смена уголовно-исполнительных парадигм // Междунар. пенитенциар. журн. 2016. № 1 (5). С. 67–71.
18. Характеристика осужденных (по состоянию на 01.11.2012) : аналит. материал / под общ. ред. А. В. Быкова. Тверь, 2012. С. 1–42.

REFERENCES

1. Aleksandrov YU. Tyur'my Francii: special'nye otdeleniya dlya radikal'nyh islamistov [Prisons of France: of the special Department for radical Islamists]. Vedomosti ugodovno-ispolnit. sistemy – Statements of the penal system. 2016. Iss. 3. P. 46–47. (In Russ.).
2. Boyarinev V. G. Gosudarstvennaya zashchita prav lic, soderzhashchihsya pod strazhej [State protection of the rights of detainees]. Ugodovno-ispolnit. sistema: pravo, ehkonomika, upr. – Criminal-Executive system: law, economics, management. 2015. Iss. 4. P. 3–5. (In Russ.).
3. Gadzhiadamov A. M. Sovershenstvovanie social'noj raboty s osuzhdennymi: vzaimodejstvie Russkoj pravoslavnoj cerkvi i ispravitel'nyh uchrezhdenij po GUF SIN Rossii po Primorskemu krayu [Improvement of social work with convicts: interaction of the Russian Orthodox Church and correctional institutions of the main Department of the Federal penal service of Russia in Primorsky Krai]. Vedomosti ugodovno-ispolnit. sistemy – Statements of the penal system. 2017. P. 46–48. (In Russ.).
4. Doklad Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla na Arhierejskom sobore Russkoj pravoslavnoj cerkvi (02.02.2011) [Report of Patriarch Kirill of Moscow and all Russia at the bishops' Council of the Russian Orthodox Church (02.02.2011)]. Availabel at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1399993.html> (accessed 14.04.2018). (In Russ.).
5. Evropejskie penitenciarnye pravila (12.02.1987). St. 2, 41–46 [European prison rules (12.02.1987). Art. 2, 41–46]. Availabel at: <http://docs.cntd.ru/document/901732870> (accessed 13.09.2018). (In Russ.).
6. Kratkaya harakteristika ugodovno-ispolnitel'noj sistemy po sostoyaniyu na 01.02.2018 [Brief description of the penal system as of 01.02.2018]. Availabel at: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed 14.03.2018). (In Russ.).
7. Minimal'nye standartnye pravila obrashcheniya s zaklyuchennymi (1955 g.). St. 6, 41, 62 [Standard minimum rules for the treatment of prisoners (1955). Art. 6, 41, 62]. Availabel at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison (accessed 09.09.2016). (In Russ.).
8. Myuller T. Radikalizaciya zaklyuchennyh [Radicalization of prisoners]. Ius Publicum et Privatum. 2018. Iss. 1. P. 47–50. (In Russ.).
9. O svobode sovesti i o religioznyh ob»edineniyah : feder. zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ [On freedom of conscience and religious associations : Federal law from 26.09.1997 No. 125-FL]. Availabel at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (accessed 03.04.2018). (In Russ.).
10. Ob utverzhenii Konceptii razvitiya ugodovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda (s izm. na

23 sent. 2015) : rasporyazhenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 14.10.2010 № 1772-r. [About the approval of the Concept of development of penal system of the Russian Federation till 2020 (as amended on 23.09.2015) : order of the Government of the Russian Federation from 14.10.2010 No. 1772-p]. Availabel at: <http://docs.cntd.ru/document/902241566> (accessed 06.11.2017). (In Russ.).

11. Pavlushkov A. R. Dialektika tyuremnogo hramostroitel'stva v Rossii v XIX stoletii [Dialectics of the prison Church-building in Russia in the XIX century]. Vestn. SAFU. Ser. : Gumanitarnye i social'nye nauki – Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series : Humanities and social Sciences. 2017. Iss. 5. P. 46–54. (In Russ.).

12. Pavlushkov A. R. Social'no-politicheskaya real'nost' i penitenciarnaya deyatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi (vtoraya polovina XIX i nachalo XXI stoletij) [Socio-political reality and penitentiary activity of the Russian Orthodox Church (the second half of the XIX and the beginning of the XXI centuries)]. Sovremennye social'no-ehkonomicheskie processy: problemy, zakonomernosti, perspektivy : sb. st. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Modern socio-economic processes: problems, patterns, prospects: collection of articles IV International scientific-practical conference. Penza, 2018. P. 24–27. (In Russ.).

13. Soglashenie o sotrudnichestve mezhdru FSIN Rossii i RPC (22.02.2011) [Agreement on cooperation between the Federal penal service of Russia and The Russian Orthodox Church (22.02.2011)]. Availabel at: <http://www.t-sluzhenie.ru/node/929> (accessed 15.02.2008). (In Russ.).

14. Soglashenie o sotrudnichestve mezhdru Ministerstvom yusticii i Russkoj pravoslavnoj cerkov'yu. P. 2.1–3.3 [Agreement on cooperation between the Ministry of justice and the Russian Orthodox Church. Paragraphs 2.1–3.3]. Vedomosti ugovolno-ispolnit. sistemy – Statements of the penal system. 2000. Iss. 1. P. 2–4. (In Russ.).

15. Sysoev A. M., Abolmasova T. E. Osobennosti processa deradikalizacii islamskih ehkstremitov, otbyvayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody v penitenciarnyh uchrezhdeniyah zarubezhnyh stran [Features of the process of radicalization of Islamic extremists serving sentences of imprisonment in penitentiary institutions of foreign countries]. Vedomosti ugovolno-ispolnit. sistemy – Statements of the penal system. 2017. Iss. 2. P. 26–31. (In Russ.).

16. Trebovaniya k sodержaniyu soglashenij o vzaimodejstvii FSIN Rossii i territorial'nyh organov UIS s zaregistrirovannymi v ustanovlennom poryadke centralizovannymi religioznymi organizaciyami : prikaz Minyusta Rossii ot 21.03.2016 № 67 [Requirements to the contents of agreements on cooperation of the Federal penal service of Russia and territorial bodies of the penal correction system from duly registered centralized religious organizations : order of the Ministry of justice of Russia from 21.03.2016 No. 67]. Vedomosti ugovolno-ispolnit. sistemy – Statements of the penal system. 2016. Iss. 6. P. 78–79. (In Russ.).

17. Utkin V. A. Minimal'nye standartnye pravila OON i smena ugovolno-ispolnitel'nyh paradig [United Nations standard minimum rules and changing penal paradigms]. Mezhdunar. penitenciar. zhur. – International prison journal. 2016. Iss. 1 (5). P. 67–71. (In Russ.).

18. Harakteristika osuzhdennyh (po sostoyaniyu na 01.11.2012) : analit. material / pod obshch. red. A. V. Bykova [Characteristics of prisoners (as on 01.11.2012) : analytical report : ed. by A. V. Bykov]. Tver, 2012. P. 1–42. (In Russ.).

УДК 343.344

Объективные признаки незаконного приобретения и изготовления оружия: теория и практика

М. И. МУРКШТИС – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук;

Е. А. САВИНОВА – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России

Реферат

В статье раскрывается содержание объективных признаков преступлений, выраженных в незаконном приобретении и изготовлении оружия (ст. 222, 223 УК РФ). В ходе работы были исследованы законодательство, устанавливающее правила оборота оружия и боеприпасов и предусматривающее применение мер уголовно-правового воздействия за их нарушение, судебная практика и научные труды по означенной проблеме. В результате были определены характер составляющих эти преступления деяний, момент их юридического завершения и особенности уголовно-правовой оценки.

Анализ уголовных дел позволил сделать вывод, что при привлечении виновного к ответственности за преступления, предусмотренные ст. 222 и 223 УК РФ, необходимо тщательно изучать обстоятельства совершения противоправных действий. В частности, в ряде случаев правоприменителями допускаются ошибки и не учитываются положения ч. 2 ст. 14 УК РФ, в соответствии с которыми не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признак какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Ключевые слова: оружие; изготовление оружия; приобретение оружия; незаконный оборот оружия.

Objective signs of the illegal acquisition and manufacture of weapons: theory and practice

M. I. MURKSHTIS – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Peoples' Friendship University of Russia, PhD. in Law;

E. A. SAVINOVA – Lecturer at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article reveals the content of objective signs of crimes expressed in the illegal acquisition and manufacture of weapons (Article 222, 223 of the Criminal Code of the Russian Federation). In the course of the work legislation was studied that establishes rules for the circulation of arms and ammunition and provides for criminal law measures for their violation, judicial practice and scientific papers on this problem. As a result the nature of the acts constituting these crimes, the time of their legal completion and the specifics of criminal legal assessment were determined.

Analysis of criminal cases led to the conclusion that when bringing the perpetrator to justice for the crimes under Art. 222 and 223 of the Criminal Code it is necessary to carefully examine the circumstances of the commission of illegal acts. In particular in some cases law enforcers make mistakes and do not take into account the provisions of Part 2 of Art. 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, according to which an act or omission is not a crime, although formally it contains a sign of some act provided for by the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, but because of its insignificance it does not pose a public danger.

Keywords: weapon; manufacture of weapons; the acquisition of weapons; illegal arms trafficking.

Проблема правового регулирования оборота оружия в современных условиях приобретает особое значение. Это объясняется распространением вооруженных конфликтов в мире, возрастанием числа столкновений гражданского населения с полицией, увеличением количества преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в последние несколько лет. Изучение судебной практики показывает, что в структуре соответствующей преступности преобладают деяния, предусмотренные ст. 222 и 223 УК РФ.

Правовое регулирование оборота оружия включает более 200 актов различной юридической силы, в принятии которых участвовали практически все министерства и ведомства. Главенствующая роль в этом вопросе отведена федеральным законам.

В соответствии с Федеральным законом «Об оружии» [6] под оружием понимаются «устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов». Определение

оружия также раскрыто и дополнено в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» [5], в соответствии с которым под оружием следует понимать устройства и предметы как отечественного, так и иностранного производства, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели.

К огнестрельному оружию законодатель относит оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленный движение за счет энергии порохового или иного заряда.

Соблюдение установленных правил оборота оружия и боеприпасов обеспечивается в том числе и мерами уголовно-правового воздействия.

Ответственность за незаконный оборот оружия регламентирована ст. 222 УК РФ,

диспозиция которой включает в себя ряд альтернативных действий: незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение оружия, его основных частей или боеприпасов.

Предметом данного преступления являются оружие, его основные части, газовое оружие, холодное оружие, а также металлическое оружие и боеприпасы.

В конце 2003 г. после продолжительной дискуссии среди представителей правоохранительных органов и теоретиков в области уголовного права законодателем было принято решение об исключении из числа предметов преступления гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему [3].

Огнестрельное оружие ограниченного поражения, его основные части и патроны к нему также не входят в предмет данного преступления, а действия по их незаконному приобретению, хранению и ношению не являются уголовно наказуемыми.

Приобретение указанных предметов – это получение их в постоянное или временное владение, возмездно или безвозмездно, путем покупки, мены, присвоения найденного, получения в дар, в качестве вознаграждения за услугу, в счет уплаты долга и т. п. Пунктом 11 указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации к незаконному приобретению оружия отнесено также незаконное временное завладение им в преступных или иных целях, когда в действиях виновного не установлено признаков его хищения.

В комментариях судебной практики, размещенной на сайте Верховного Суда Российской Федерации, рассматривается следующий случай, иллюстрирующий п. 11 указанного постановления.

Так, военным судом гарнизона Л., И. и Н. признаны виновными в хищении огнестрельного оружия. Н., начальник складов, зная, что в пожарном водоеме, расположенном в запретной зоне поста по охране складов части, затоплены авиационные пушки, предложил своему брату И. и Л. завладеть ими в целях продажи. Осуществляя задуманное, они при помощи багра извлекли из водоема пять авиационных пушек, перевезли их в военный городок и спрятали в сарае. Н. и И. передали пушки за обусловленную сумму гражданину П.

Военный суд округа приговор суда первой инстанции оставил без изменения.

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации указала на то, что во-

йсковая часть добровольно отказалась от принадлежавшей ей собственности, выбросив пушки в водоем, расположенный за пределами как части, так и поста, чем создала угрозу общественной безопасности, поскольку завладеть пушками могли как посторонние лица, так и военнослужащие этой части, что фактически и произошло.

В действиях Л., И. и Н. отсутствует состав хищения, однако, учитывая, что они сознавали незаконность присвоения оружия указанным способом, содеянное ими в этой части является незаконным приобретением оружия.

Правила оборота каждого из видов оружия и боеприпасов установлены также постановлениями Правительства Российской Федерации и ведомственными нормативными правовыми актами. При решении вопроса о принадлежности оружия, комплектующих частей к нему или боеприпасов к тому или иному виду необходимо назначать экспертизу для определения тактико-технических характеристик соответствующих образцов.

Преступление, предусмотренное ст. 222 УК РФ, может быть совершено как в форме действия, так и путем бездействия. И. И. Бикеев иллюстрирует вторую форму преступного посягательства следующим примером: «Проигравший в карты игрок приносит своему более удачливому сопернику пистолет и кладет его в ящик стола. “Счастливчик” и бровью не ведет, как будто ничего не видит, ни да, ни нет. К оружию он и не притрагивается, согласия на переход не дает, но и в милицию не заявляет, а спокойно оставляет у себя» [1].

По конструкции объективной стороны состав преступления по незаконному приобретению оружия является формальным. Преступление считается оконченным с момента незаконного приобретения оружия.

Ответственность за незаконное изготовление оружия предусмотрена ст. 223 УК РФ. Объективная сторона преступления выражается в ряде незаконных действий, к которым отнесены изготовление или ремонт огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, изготовление боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств.

В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 указано, что под незаконным изготовлением огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств предлагается понимать «их создание без полученной в установленном порядке лицензии или

восстановление утраченных поражающих свойств, а также переделку каких-либо предметов (например, ракетниц, газового или холодного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств)».

Незаконное изготовление оружия – преступление, обладающее большей степенью общественной опасности, чем его незаконное приобретение, передача, хранение, перевозка или ношение. На это, в частности, указывает санкция ст. 223 УК РФ. Действия по незаконному изготовлению оружия способствуют созданию условий вооружения людей, занимающихся преступной деятельностью, в том числе в составе незаконных вооруженных формирований и преступных сообществ.

Изготовление или ремонт оружия является деятельностью, требующей обязательного лицензирования. В соответствии с законодательством выдача лицензии (разрешения) на производство, изготовление или ремонт служебного и гражданского оружия и боеприпасов к нему осуществляется Министерством промышленности и торговли Российской Федерации и Министерством внутренних дел Российской Федерации [4]. Отсутствие у лица разрешения на изготовление или ремонт оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств вне зависимости от условий (кустарное производство или заводское) без надлежащего разрешения является незаконным.

Широко распространены в практике случаи изготовления обрезов из охотничьих ружей, в том числе гладкоствольных, в результате чего они утрачивают свойства, присущие охотничьему ружью. Действия, связанные с переделкой гражданского огнестрельного оружия, его основных частей и патронов к нему, в результате которых оно приобретает свойства запрещенного, такие как обрезание ствола, переделка под патроны к нарезному оружию и т. п., влекут за собой уголовную ответственность, установленную ст. 223 УК РФ.

Так, Миронов А. В. в 1984 г. приобрел гладкоствольное охотничье ружье 16 калибра, которое незаконно хранил в жилище, и в 2007 г., действуя умышленно, с целью незаконного изготовления огнестрельного оружия самодельным способом из данного охотничьего ружья сделал обрез путем спиливания, укоротив стволы и ложе, после чего незаконно хранил его в жилище [7].

Преступление признается оконченным с момента полного создания огнестрельного

оружия и иных предметов оружия в готовом виде при его изготовлении и в момент восстановления их поражающих свойств при ремонте. Как покушение на изготовление оружия следует квалифицировать непосредственно технологический процесс производства или ремонта огнестрельного оружия и иных предметов вооружения.

Однако в литературе высказана точка зрения о том, что поскольку под изготовлением и ремонтом следует понимать действия, направленные на получение готового к использованию и применению оружия, то данные действия подлежат квалификации как оконченное преступление с начала их совершения независимо от получения готовых к употреблению огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств [10].

Споры по поводу момента окончания преступления, связанного с незаконным изготовлением оружия, возникают из-за неоднозначного подхода к толкованию самого термина «изготовление». Как подчеркивается на страницах юридической печати, решение вопроса об окончании многих преступлений всецело зависит от результатов толкования, поскольку на теоретическом уровне не достигнут консенсус относительно объема и содержания используемых в законе при описании признаков преступного деяния понятий [9]. С учетом этого представляется наиболее правильным рассматривать изготовление не как процесс осуществления деятельности, направленной на получение оружия, а как результат этого процесса. Этой же точки зрения придерживается и законодатель: в тексте федерального закона «Об оружии» изготовление понимается именно с позиции достижения соответствующего результата, действия, в результате которого предметы приобретают свойства, которые присущи оружию и предметам вооружения.

В судебной практике также можно найти подтверждение этой позиции. Так, К. незаконно произвел ремонт хранящегося у него в неисправном и непригодном для стрельбы состоянии обреза одноствольного охотничьего ружья модели «ИЖ-К» 16 калибра, который, согласно заключению судебной баллистической экспертизы, относится к категории нестандартного гладкоствольного огнестрельного оружия, является обрезом ружья, изготовленным из одноствольного охотничьего ружья модели «ИЖ-К» 16 калибра с укороченным стволом до остаточной длины 438 мм и приделанной рукояткой.

Однако при произведенном ремонте, выразившемся в замене рукоятки на новую, поражающие свойства обреза восстановлены не были.

Своими действиями К. совершил покушение на незаконный ремонт огнестрельного оружия, то есть преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 223 УК РФ [8].

Признание изготовления или ремонта оружия оконченным с момента начала физического создания или восстановления предмета вооружения (то есть определение преступления как длящегося) необоснованно сужает сферу предварительной преступной деятельности, исключает возможность привлечения виновного лица к ответственности за покушение на незаконное изготовление или ремонт оружия и, кроме того, сокраща-

ет шансы лица добровольно отказаться от доведения преступного замысла до конца еще на стадии неоконченного преступления [2].

При привлечении виновного к ответственности за преступления, предусмотренные ст. 222 и 223 УК РФ, необходимо тщательно изучать обстоятельства совершения противоправных действий. В частности, в ряде случаев правоприменителями не учитываются положения ч. 2 ст. 14 УК РФ, в соответствии с которыми не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признак какого-либо деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бикеев И. И. Ответственность за незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 217 с.
2. Готчина Л. В., Кокин Д. М. Некорыстный оборот оружия : моногр. М., 2017. 152 с.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.
4. О лицензировании разработки, производства, испытания, хранения, ремонта и утилизации гражданского и служебного оружия и основных частей огнестрельного оружия, торговли гражданским и служебным оружием и основными частями огнестрельного оружия (вместе с «Положением о лицензировании разработки, производства, испытания, хранения, ремонта и утилизации гражданского и служебного оружия и основных частей огнестрельного оружия, торговли гражданским и служебным оружием и основными частями огнестрельного оружия») : постановление Правительства Рос. Федерации от 28.08.2012 № 865 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 36. Ст. 4916.
5. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 12.03.2002 № 5 // Рос. газ. 2002. 26 июня.
6. Об оружии : федер. закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 51. Ст. 5681.
7. Приговор Дзержинского городского суда Нижегородской области от 19.03.2011. URL : <http://судебныерешения.рф/bsr/case/226048>
8. Приговор Заметчинского районного суда Пензенской области от 22.05.2009. URL: http://zemetchinsky.pnz.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=55
9. Решетников А. Ю. Момент окончания преступления – результат интерпретации // Вестн. Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. 2017. № 4. С. 30–35.
10. Соколов Л. Ф. Оружие как признак состава преступления при посягательствах на общественную безопасность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1970. 24 с.

REFERENCES

1. Bikeev I. I. *Otvetstvennost' za nezakonnyj oborot ognestrel'nogo oruzhiya, boepripasov, vzryvchatyh veshchestv i vzryvnyh ustrojstv* : dis. ... kand. yurid. nauk [Liability for illicit trafficking in firearms, ammunition, explosives and explosive devices : the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 2002. 217 p. (In Russ.).
2. Gotchina L. V., Kokin D. M. *Nekorystnyj oborot oruzhiya* : monogr. [Disinterested weapon circulation : monograph]. Moscow, 2017. 152 p. (In Russ.).
3. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 08.12.2003 № 162-FZ [About modification and additions in the criminal code of the Russian Federation : Federal law from 08.12.2003 No. 162-FL]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii* – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. Iss. 50. Art. 4848. (In Russ.).
4. O licenzirovanii razrabotki, proizvodstva, ispytaniya, hraneniya, remonta i utilizacii grazhdanskogo i sluzhebno go oruzhiya i osnovnyh chastej ognestrel'nogo oruzhiya, trgovli grazhdanskim i sluzhebny m oruzhiem i osnovny m chastyami ognestrel'nogo oruzhiya (vmeste s «Polozheniem o licenzirovanii razrabotki, proizvodstva, ispytaniya, hraneniya, remonta i utilizacii grazhdanskogo i sluzhebno go oruzhiya i osnovnyh chastej ognestrel'nogo oruzhiya, trgovli grazhdanskim i sluzhebny m oruzhiem i osnovny m chastyami ognestrel'nogo oruzhiya») : postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 28.08.2012 № 865 [About licensing of development, production, test, storage, repair and utilization of the civil and service weapon and the main parts of firearms, trade in the civil and service weapon and the main parts of firearms (with «Regulations on licensing of development, production, test, storage, repair and utilization of the civil and service weapon and the main parts of firearms, trade in the civil and service weapon and the main parts of firearms») : the order of the Government of the Russian Federation from 28.08.2012 No. 865]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii* – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. Iss. 36. Art. 4916. (In Russ.).
5. O sudebnoj praktike po delam o hishchenii, vymogatel'stve i nezakonnom oborote oruzhiya, boepripasov, vzryvchatyh veshchestv i vzryvnyh ustrojstv : Postanovlenie Plenuma Verhov. Suda Ros. Federacii ot 12.03.2002 № 5 [On judicial practice

in cases of theft, extortion and illegal trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices : resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 12.03.2002 No. 5]. Ros. gas. – Russian newspaper. 2002. June 26. (In Russ.).

6. Ob oruzhii : feder. zakon ot 13.12.1996 № 150-FZ [About weapons : Feder. law from 13.12.1996 No. 150-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. Iss. 51. Art. 5681. (In Russ.).

7. Prigovor Dzerzhinskogo gorodskogo suda Nizhegorodskoj oblasti ot 19.03.2011 [The verdict of Dzerzhinsky city court of Nizhny Novgorod region from 19.03.2011]. Availabel at: http://судебные_решения.рф/bsr/case/226048 (In Russ.).

8. Prigovor Zametchinskogo rajonnogo suda Penzenskoj oblasti ot 22.05.2009 [The sentence Zemetchinsky district court of the Penza region from 22.05.2009]. Availabel at: http://zemetchinsky.pnz.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=55 (In Russ.).

9. Reshetnikov A. YU. Moment okonchaniya prestupleniya – rezul'tat interpretacii [The moment of the end of the crime-the result of interpretation]. Vestn. Akad. Gener. prokuratury Ros. Federacii – Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation. 2017. Iss. 4. P. 30–35. (In Russ.).

10. Sokolov L. F. Oruzhie kak priznak sostava prestupleniya pri posyagatel'stvah na obshchestvennuyu bezopasnost' : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Weapons as a sign of a crime in attacks on public safety : the author's abstract of the diss. ... Ph.D. in Law]. Sverdlovsk, 1970. 24 p. (In Russ.).

УДК 343.819.2:343.241

Особенности личности женщин, осужденных к лишению свободы, и их влияние на индивидуализацию исполнения наказания

И. А. ЯНЧУК – начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Р е ф е р а т

В статье рассматриваются особенности личности женщин, осужденных к лишению свободы, которые должны учитываться при индивидуализации исполнения наказания. Среди социально-демографических характеристик значительное внимание уделено возрасту, уровню образования и семейным отношениям. Установлено, что женщины зрелого возраста в основном соблюдают режим отбывания наказания, не инициируют конфликтные ситуации и не стремятся стать лидерами среди осужденных. Частых же нарушений установленного порядка отбывания наказания следует ждать от лиц молодого возраста. Женщины с высоким образовательным уровнем характеризуются положительно. Наличие социально полезных связей способствует правопослушному поведению и исправлению осужденной женщины. Рассматривая некоторые уголовно-правовые характеристики, следует отметить, что от осужденных за насильственные преступления можно ожидать частых нарушений установленного порядка отбывания наказания, от корыстных преступниц – более спокойного поведения, что, однако, не указывает на их исправление.

Автором дается характеристика женщин, впервые совершивших преступление и ранее отбывавших наказания; поднимается вопрос о реанимации исправительных колоний строгого режима для лиц, повторно осужденных; делается вывод, что выявленные характеристики могут прогнозировать поведение женщины в местах лишения свободы и должны учитываться при индивидуализации исполнения наказания и применении мер исправительного воздействия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лишение свободы; осужденные женщины; индивидуализация исполнения наказания; дифференциация исполнения наказания; характеристика осужденных.

Features of the personality of women sentenced to imprisonment and their influence on the individualization of the execution of punishment

I. A. YANCHUK – Head of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article considers the peculiarities of the personality of women sentenced to imprisonment, which should be taken into account when individualizing the execution of a sentence. Among the socio-demographic characteristics considerable attention is paid to age, level of education and family relations. It has been established that women of mature age mostly comply with the execution of punishment regime, do not initiate conflict situations and do not aspire to become leaders among the convicts. Frequent violations of the established order of serving the sentence should be expected from young people. Women with a high educational level are generally positively characterized. The presence of socially useful connections contributes to the law-abiding behavior and correction of the convicted woman.

Considering some of the criminal law characteristics it is noted that people convicted of violent crimes can be expected to frequent violations of the established order of punishment. From mercenary criminals – more relaxed behavior, which, however, does not indicate their correction. The characteristic of women who first committed a crime and who had previously served a sentence is given. The question is raised about the resuscitation of the strict-security correctional institutions for re-convicted persons.

It is concluded that the identified characteristics can predict the behavior of women in places of deprivation of liberty and should be taken into account when individualizing the execution of punishment and applying corrective measures.

Key words: imprisonment; convicted women; individualization of the execution of punishment; differentiation of the execution of punishment; characteristics of convicts.

Осужденные женщины – особая категория лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Им присущи специфические социальные, психологические, биологические и иные характеристики. Это требует особого подхода в изучении личности осужденной женщины, а также иного по сравнению с мужчинами объяснения их поведения. В этой связи при индивидуализации исполнения наказания в отношении женщин необходимо иметь исчерпывающее представление о данных осужденных, при котором недопустимо игнорирование на первый взгляд несущественных характеристик.

Исследуя личность женщины, следует использовать различные методики, направленные на выявление тех или иных качеств. В то же время существуют некоторые признаки или закономерности, дающие общее представление об осужденной. Безусловно, каждое правило имеет исключения, но все же представляется возможным составить определенный портрет осужденной женщины. Данные характеристики необходимо учитывать при индивидуализации исполнения наказания в виде лишения свободы.

Пенитенциарной наукой определены черты характера, присущие большинству осужденных женщин. Так, Ю. М. Антонян выделяет следующие: импульсивность, тревожность, эмоциональную ранимость, демонстративность поведения, сопряженную с ослабленным контролем за ним [8, с. 247–248]. В. А. Сушко отмечает, что осужденные женщины в большей степени, чем мужчины, подвержены депрессии, апатии, чувству обреченности, способности поддаваться внушению на бессознательном уровне [15, с. 17, 20]. С. А. Абасова несколько негативно отзывается о данных осужденных, характеризуя их как скрытных, замкнутых, изобретательных, лживых и эгоистичных женщин. Вместе с тем она совершенно обоснованно отмечает такую черту, как упорство отрицания собственной вины [1, с. 79–81]. Действительно, на это указывал еще Чезаре Ломброзо. Он писал, что «особенно характерной чертой преступниц, и преимущественно врожденных, является необыкновенное упорство, с которыми они отрицают свою вину, несмотря на самые очевидные, подавляющие улики» [6, с. 477]. Удивительно, но утверждение,

что женщина всегда права, не потеряло своей актуальности.

Исследуя социально-психологические характеристики осужденных женщин, Б. Г. Бовин, А. В. Кокурин и А. И. Мокрецов пришли к выводу, что у данной категории лиц проявляются такие особенности, как отсутствие заинтересованности в своей судьбе, настороженность, сосредоточенность, уныние, подавленность, апатия, нерешительность и др. [17, с. 21]. На основе вышеизложенного можно составить определенный портрет осужденной женщины, который в целом оптимизма не внушает. Однако такая картина вполне объяснима. Это связано в первую очередь с гуманизацией уголовной политики России, широким применением условного осуждения, освобождения от отбывания наказания и общим курсом на сокращение назначения наказания в виде лишения свободы. Вследствие этого в исправительные колонии попадают в основном женщины с устоявшимися антиобщественными взглядами. Кроме того, нельзя не принимать во внимание и негативные моменты, связанные с нахождением в местах лишения свободы. Все это в очередной раз подтверждает необходимость проведения воспитательной работы с осужденными, а также оказания им психологической помощи. В то же время целесообразно использовать и стимулирующие возможности индивидуализации исполнения наказания. Так, например, за совершение импульсивных, эмоциональных поступков, которые в большинстве своем необдуманны, если это возможно, не следует применять строгие меры взыскания. В борьбе с подавленностью, нерешительностью, обреченностью, неуверенностью в собственных силах может помочь применение мер поощрения. Но для этого необходимо четко установить причины того или иного поведения осужденной.

Несомненно, общие, присущие большинству осужденных женщин черты характера нужно знать для организации эффективного процесса исправления. В то же время при наличии типичных признаков существуют и индивидуальные особенности, определяющие различие в поведении осужденных.

Остановимся на отдельных социально-демографических характеристиках, отражающих личность осужденной женщины и значимых для индивидуализации исполнения наказания в виде лишения свободы.

Общеизвестно, что возраст в немалой степени характеризует человека, в том числе и осужденного. От него зависят жизнен-

ный опыт, состояние здоровья, сфера интересов и многое другое. Поэтому возраст оказывает огромное влияние на поведение осужденных, и его, несомненно, нужно учитывать при применении мер воздействия.

По возрастному критерию выделяются две группы – молодые и пожилые. Еще Н. Н. Гедеонов писал, что для женщин «самыми опасными являются лета либо их полной неопытности, когда они поддаются чужому влиянию, либо той зрелости, которая богата уголовным прошлым» [3, с. 19]. Действительно, как показывает практика, женщины в зрелом возрасте очень часто вовлекаются в преступную деятельность. Связано это с различного рода причинами. Так, например, большинство женщин с рождением детей значительно позже приступают к активной трудовой деятельности и, соответственно, позднее совершают связанные с ней преступления. Другим фактором, детерминирующим совершение правонарушения, является распад семьи. Более того, по мнению С. А. Поповой, данный факт усугубляется тем, что именно в зрелом возрасте женщины «тяжелее воспринимают и переносят неустроенность личной жизни, распад или отсутствие семьи и других социально полезных связей» [11, с. 25]. Все это негативно сказывается на общем душевном состоянии женщины, влечет психологическую напряженность, которая может вызвать агрессивные действия.

Между тем, как показывает пенитенциарная практика, в местах лишения свободы наблюдается противоположная ситуация: зрелые женщины добросовестно соблюдают режим отбывания наказания, не инициируют конфликтные ситуации и в отличие от мужчин не стремятся стать лидерами среди осужденных. Особенно это касается женщин старшего возраста. Поэтому при индивидуализации исполнения наказания нужно учитывать их потенциальную позитивную направленность и по возможности стимулировать ее.

Однако женщин зрелого и пожилого возраста в исправительных колониях значительно меньше, чем молодых. Анализ практики свидетельствует, что на долю осужденных молодежного возраста приходится значительное количество нарушений установленного порядка отбывания наказания. Данный факт давно известен науке уголовно-исполнительного права и получил достаточно аргументированное объяснение. Так, например, И. А. Уваров замечает, что молодые женщины находятся на начальном

этапе самостоятельной жизни, переживают сложный процесс пенитенциарной адаптации, вследствие чего им свойственны цинизм, эгоизм, пренебрежение к людям и обществу, безразличное отношение к закону, режиму отбывания наказания [16, с. 192]. Наряду с этим С. А. Абасова отмечает, что таким женщинам присущи «недостаточно развитое чувство ответственности, авантюризм, слабый анализ возможных последствий совершаемых поступков, импульсивность, чувство неограниченной свободы в распоряжении собственной судьбой» [1, с. 73]. Поэтому в местах лишения свободы они зачастую ведут себя не дисциплинированно, впитывают «романтику» тюремной субкультуры. В связи с этим, на наш взгляд, уже при первых проявлениях указанных особенностей, чтобы заставить женщину задуматься над собственным поведением и его последствиями, необходимо продемонстрировать строгость наказания в виде лишения свободы, обозначив в качестве перспективы дальнейших нарушений строгие меры воздействия.

Немаловажной характеристикой осужденной является ее образовательный уровень. Статистические данные показывают, что низкий образовательный уровень увеличивает вероятность совершения преступления. Так, например, среди женщин, осужденных в 2017 г., 10 928 имели высшее образование, 32 044 – среднее профессиональное, 33 358 – среднее общее, 17 827 – основное общее, начальное или не имели образования [10]. Как видим, лица с высшим образованием реже совершают преступления. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что высшее образование не только предполагает приобретение профессиональных знаний и умений, но и дает представление об общечеловеческих ценностях, расширяет кругозор человека, воспитывает его нравственные и эстетические чувства и т. д. Все это, несомненно, препятствует ведению данным человеком антиобщественного образа жизни. В то же время понятно, что в местах лишения свободы находятся лица, уже совершившие преступления. Но уровень образования осужденной не теряет своего значения. Женщины с высоким образовательным уровнем в основном характеризуются положительно. О. А. Малышева объясняет это тем, что «лицо, имеющее достаточно высокий уровень образования, способно в большей степени предвидеть, осознавать последствия нарушения социальных и правовых норм. Между тем у лиц с

низким уровнем образования наблюдается пренебрежение к другим людям, грубость чувств, неадекватность реакций на воздействия внешней среды» [7, с. 63–64]. Конечно же, образование не является определяющим фактором, но оно дает представление о том, что можно ожидать от осужденной, поэтому его следует учитывать при индивидуализации исполнения наказания.

На поведение осужденной женщины огромное влияние оказывает ее семейное положение. Согласно данным нашего исследования большинство опрошенных осужденных женщин (55 %) в браке не состояли, замужем – 23 %, в разводе – 17 %, при этом по 0,5 % заключили и расторгли брак в период отбывания наказания. Факт отсутствия официально зарегистрированных отношений не мешает женщинам иметь детей (60 %). Однако 15 % лишены родительских прав, четверть из них – в период отбывания наказания. 67 % опрошенных женщин утверждают, что после освобождения из мест лишения свободы будут проживать со своими детьми. Приведенные данные подтверждают актуальность использования отношений с детьми в работе по исправлению и социальной адаптации осужденных женщин, а также необходимость организации воспитательной работы по привитию брачно-семейных ценностей. Подобные мероприятия уже освещались в юридической литературе [5, с. 69–75].

Понятно, что семейная жизнь складывается по-разному. Нередко встречаются и неприязненные отношения с супругами и детьми. Однако в большинстве случаев семья сдерживает осужденную от противоправного поведения. Женщины стремятся увидеться с родными и близкими, особенно с детьми, и сделать это как можно скорее. Семья оказывает моральную и, что тоже важно, материальную поддержку. Это особенно значимо в условиях изоляции. Таким образом, семейное положение играет важную роль в характеристике личности осужденной. В этой связи необходимо обращать особое внимание на распад семьи, так как он негативно сказывается на общем состоянии женщины. Как отмечает С. А. Абасова, потеря семьи снижает чувство достоинства, самоуважения и уверенности. Такие женщины характеризуются пассивностью в преодолении асоциальных устремлений, привычек, начинают недобросовестно относиться к труду, отказываться от учебы [1, с. 75–76]. Данное событие в жизни женщины нельзя упускать из виду сотрудникам исправитель-

ного учреждения, отвечающим за воспитание осужденных. Большое внимание следует уделить индивидуальной воспитательной работе и психологической помощи. В то же время важную роль могут сыграть и меры поощрения и взыскания, при помощи которых можно в одних случаях стимулировать правопослушное поведение, в других – пресечь набирающую обороты агрессию осужденной. Каждая из вышеперечисленных мер может иметь положительные последствия, если применять ее индивидуально, с учетом всех особенностей личности и поведения женщины.

Некоторые черты личности, которые могут учитываться при индивидуализации исполнения наказания, проявляются в совершенном правонарушении. Вполне понятно, что каждому преступному деянию соответствуют определенные характеристики преступницы, ее умения и навыки, интеллектуальное развитие, события, предшествующие совершению преступления, и др. Как заявляет Ю. М. Антонян, «мы вообще не думаем, что какие-то действия, в том числе преступные, могут иметь случайный характер. Многие эмпирические исследования убеждают нас в том, что такие действия представляют собой закономерный итог прожитой жизни, вытекают из определенных личностных особенностей, т. е. субъективно обусловлены и внутренне целесообразны» [2, с. 86]. Поэтому исходя из совершенного преступления можно выявлять отдельные индивидуальные особенности осужденных женщин. Конечно же, исправительные учреждения накладывают свой отпечаток на лиц, содержащихся в них, однако глубинные свойства личности, сформировавшиеся в течение всей предыдущей жизни, изменить достаточно сложно. В этой связи считаем совершенно обоснованной точку зрения С. А. Абасовой. Она пишет, что «преступление – существенное проявление личности в целом, вне его нельзя вообще говорить о личности осужденной женщины. Оно как бы дает оценку личности осужденной женщины, показывает ее общественную опасность и тенденции антиобщественного поведения, а также свидетельствует о ее интересах, потребностях, мотивах, целях и ценностных ориентациях» [1, с. 61]. Следовательно, если особенности личности проявляются в совершенном преступлении и определяют поведение женщины в местах лишения свободы, то, соответственно, преступление является показателем и будущего поведения осужденной.

Наиболее существенно различаются осужденные, совершившие корыстные и насильственные преступления. Так, В. П. Ревин и Е. В. Кунц утверждают что, «большинство женщин, осужденных за насильственные преступления, страдают различными психологическими отклонениями в пределах нормы. Им присущи агрессивность, повышенная эмоциональная возбудимость, большая внутренняя тревожность. Завышенные притязания часто становятся причиной конфликтов» [12, с. 32]. Кроме того, Г. М. Дементьева и И. В. Морозкина отмечали, что данные женщины вспыльчивы, несдержанны, склонны действовать под влиянием преобладающих на данный момент эмоций. Наряду с этим им свойственны большой эгоизм, завышенная самооценка, пренебрежение к общепринятым нормам [13, с. 17]. Женщины, осужденные за корыстные преступления, обладают иными характеристиками, в некоторой степени противоречивыми. Вышеупомянутые Г. М. Дементьева и И. В. Морозкина указывали, что такие лица менее эмоциональны, но в то же время у них более устойчивы антисоциальные установки, отсутствует чувство вины и раскаяния за содеянное [13, с. 18]. Между тем С. А. Абасова считает, что эти женщины по сравнению с насильственными преступницами являются более социально адаптированными, менее агрессивными и импульсивными, у них меньше выражены тревога и неудовлетворенность социальным положением [1, с. 66]. Таким образом, можно резюмировать, что от осужденных за насильственные преступления можно ожидать частых нарушений установленного порядка отбывания наказания, от корыстных преступниц – более спокойного поведения, что, однако, не указывает на их исправление. С учетом данных характеристик необходимо прогнозировать поведение осужденной, проводить воспитательную работу и индивидуализировать исполнение наказания в виде лишения свободы.

Следующий признак, по которому различаются осужденные женщины, – это рецидив преступлений. Он играет заметную роль при дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, что подтверждает его значимость при изучении личности осужденной и ее поведения. Несомненно то, что лица, впервые осужденные и ранее отбывавшие наказание, существенно отличаются отношением к наказанию, ценностными ориентациями, жизненными идеалами и другими чертами, влияющими на процесс их

исправления. Поэтому критерий рецидива необходимо учитывать и на стадии исполнения наказания.

Женщинами, впервые осужденными к лишению свободы, изоляция переживается достаточно сложно. В особенности это касается тех, у кого есть дети, семья. Они привыкли полагаться на их помощь и поддержку. Попадая же в места лишения свободы, они испытывают одиночество и безысходность. Угнетающе действует и отсутствие личного пространства, мест для уединения и необходимость жить вместе с чужими, незнакомыми людьми. Как справедливо подчеркивает Ю. М. Антонян, у данной категории женщин отмечаются такие психические состояния, как повышенная тревожность, стресс, подавленность, разочарование. Лишение свободы представляет для них эмоциональный удар [2, с. 130]. Вполне очевидно, что все перечисленные характеристики наиболее ярко проявляются в начальный период отбывания наказания. Постепенно они привыкают к условиям жизни в исправительной колонии, и негативные психические состояния проявляются менее интенсивно, но вначале они находятся в состоянии фрустрации. И именно в данный период необходимо изучить личность осужденной и принять соответствующие меры. В контексте освещения данного вопроса представляется небезынтесным исследование, проведенное Т. А. Шмаевой. Согласно полученным ею результатам большинство женщин, впоследствии положительно характеризующихся, в первый период отбывания наказания испытывали состояние подавленности. А среди женщин, впоследствии допускающих нарушения режима, большинство находилось в состоянии озлобленности [18, с. 78]. Это вполне объяснимо. Озлобленность, несогласие с назначенным наказанием неизбежно приведут к нарушениям режима как форме выражения агрессии и нежелания мириться со сложившейся ситуацией. Подавленность же есть состояние, близкое к апатии, и поэтому активных действий, тем более конфликтных, оно не предполагает. В этом случае важно то, кто будет способствовать адаптации – отрицательно настроенные осужденные либо положительно характеризующиеся совместно с сотрудниками исправительных учреждений. Поэтому впервые осужденным женщинам на начальном этапе отбывания наказания необходимо уделять особое внимание и при проявлении личностных изменений соответствующим образом индивидуализировать исполнение наказания.

Исследуя особенности женщин, ранее отбывавших лишение свободы, отдельно остановимся на тех из них, которые совершили преступления при особо опасном рецидиве. Выделим черты, нередко встречающиеся у большинства из них. Так, Ю. А. Алферов, Г. П. Байдаков, В. В. Лебедев, В. П. Петков, А. В. Хребтов пишут, что такие осужденные характеризуются безнравственностью, отсутствием чувства долга, преобладанием извращенных материальных потребностей над духовными, преувеличением значимости своей личности и др. [9, с. 47–48]. У них наблюдается сильная социальная дезадаптация, которая значительно превышает мужскую. В то же время особо опасными рецидивистками являются женщины зрелого, а зачастую и пожилого возраста. В силу этого от них не следует ожидать частых нарушений режима. Как показывает практика, такие осужденные более дисциплинированы.

В настоящее время женщины, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы, содержатся в отдельных исправительных колониях общего режима. Удивительно, но женщины, впервые осужденные к лишению свободы, также содержатся в исправительных колониях общего режима. Налицо нарушение принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания. Ранее, когда в исправительных колониях строгого режима содержались только женщины, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений, в силу их малочисленности упразднение данных учреждений было обоснованным. Однако сегодня в связи с раздельным содержанием женщин, ранее отбывавших и ранее не отбывавших лишение свободы, в отдельных учреждениях, но с одинаковым видом режима, думается, встает резонный вопрос о реанимации исправительных колоний строгого режима для лиц, повторно осужденных. Данное предложение, на наш взгляд, усилит дифференциацию и индивидуализацию исполнения наказания в виде лишения свободы.

Рассматривая характерные черты осужденных женщин, которые, несомненно, помогут дальнейшему детальному изучению их личности, нельзя не упомянуть об особенностях лиц с психическими отклонениями. Данные осужденные по вполне понятным причинам существенно отличаются от остальных категорий. В исправительных колониях встречаются осужденные, страдающие шизофренией, психопатией, наркоманией, алкоголизмом, невротическими заболеваниями и др. Каждой из групп присущи свои особенности. Для их харак-

теристики будет небезынтересным упомянуть результаты исследования данного вопроса, проведенного Н. В. Кастериной. Она полагает, что больные шизофренией отличаются меньшей эмоциональной коммуникабельностью, предпочитают быть в одиночестве, редко скрывают совершенное преступление. При невротических заболеваниях затруднено неформальное общение, конфликты только усиливают чувство неудовлетворенности, увеличивается тревожность. Женщины, страдающие алкоголизмом, характеризуются вспыльчивостью, агрессивностью в сочетании с невыраженностью тормозящих структур. Однако переживания, связанные с первым периодом пребывания в исправительном учреждении, у них выражены крайне слабо. Наконец, наркозависимые осужденные имеют стойкую систему антиобщественных взглядов и представлений, им присущи непостоянство поведения, переоценка своей способности к хорошим поступкам. Обращает на себя внимание то, что таких женщин удавалось заставлять проводить минимальный самоанализ при помощи отсрочки отбывания взыскания [4, с. 117–120]. Все это характеризует осужденных в зависимости от имеющегося у них заболевания. Между тем можно выделить и общие черты, присущие таким женщинам. Так, Н. В. Кастерина пишет, что им свойственны настороженность, безнадежность, уныние, тоска, усталость, бес-

силые либо, наоборот, возбужденность [4, с. 117]. Б. Г. Бовин, Е. М. Данилин, А. В. Кокурин и А. И. Мокрецов считают, что данных осужденных отличают перенапряжение, перевозбуждение, чрезмерные тормозные реакции, что влечет неадекватную оценку жизненных ситуаций, собственных поступков и неправильное реагирование на требования администрации [14, с. 54]. Соответственно, можно утверждать, что психические отклонения накладывают определенный отпечаток на восприятие примененных мер воздействия. Данный факт также необходимо учитывать при индивидуализации исполнения наказания.

Таким образом, можно сказать, что нами выявлены отдельные характеристики, дающие определенное представление о личности осужденной женщины. По нашему мнению, их нужно учитывать при изучении индивидуальных особенностей, поскольку они могут объяснить либо прогнозировать поведение женщины в местах лишения свободы. Так, например, можно ожидать частых нарушений установленного порядка отбывания наказания от лиц молодого возраста, осужденных за насильственные преступления, имеющих низкий образовательный уровень и не имеющих детей. Все эти обстоятельства должны приниматься во внимание при индивидуализации исполнения наказания и применении мер исправительного воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абасова С. А. Проблемы исполнения наказания в исправительной колонии общего режима для осужденных к лишению свободы женщин : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2003. 195 с.
2. Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. М., 1992. 256 с.
3. Волкова Т. Н. Изучение личности осужденного // Преступление и наказание. 2005. № 12. С. 18–20.
4. Кастерина Н. В. Женщины с психическими отклонениями в местах лишения свободы // Человек. 2007. № 2. С. 115–120.
5. Латышева Л. А. Особенности содержания и ресоциализации женщин, имеющих малолетних детей, в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1. С. 69–75.
6. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. Женщина преступница и проститутка. Любовь у помешанных. Минск, 2004. 576 с.
7. Малышева О. А. Проблема дезадаптации женщин молодежного возраста, отбывших наказание в виде лишения свободы (криминологические и психологические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 282 с.
8. Наказание и исправление преступников / под ред. проф. Ю. М. Антоняна. М., 1992. 392 с.
9. Отрядная система ИТУ и критерии оценки исправления осужденных : учеб. пособие / Ю. А. Алферов и др. Домодедово, 1991. 107 с.
10. Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления за 12 месяцев 2017 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 12.09.2018).
11. Попова С. А. К вопросу о личностных характеристиках женщин, совершающих насильственные преступления // Рос. следователь. 2007. № 21. С. 24–26.
12. Ревин В. П., Кунц Е. В. Женщины в исправительных учреждениях: проблемы воспитательной работы // Закон и право. 2005. № 10. С. 30–33.
13. Совершенствование исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин / А. В. Бриллиантов и др. М., 1994. 41 с.
14. Социология и психология осужденных в местах лишения свободы : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. О. Г. Ковалева. М., 2005. 120 с.
15. Сушко В. А. Совершенствование условий и порядка отбывания наказания в виде лишения свободы осужденными женщинами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 25 с.
16. Уваров И. А. Причины преступного поведения осужденных женщин в пенитенциарных учреждениях // Пенитенциарный опыт Англии и возможности его реализации в уголовно-исполнительном законодательстве России и Белоруссии. Рязань, 2004. С. 189–194.

17. Характеристика личности осужденного (социально-психологический портрет) : учеб.-метод. пособие. М., 2004. 56 с.
18. Шмаева Т. А. Отношение осужденных женщин к наказанию в виде лишения свободы и мерам исправительно-трудового воздействия // Повышение эффективности исполнения уголовных наказаний в свете решений XXVII съезда КПСС. Рязань, 1988. С. 77–82.

REFERENCES

1. Abasova S. A. Problemy ispolneniya nakazaniya v ispravitel'noj kolonii obshchego rezhima dlya osuzhdennykh k lisheniyu svobody zhenshchin : dis. ... kand. jurid. nauk [Problems of execution of punishment in a penal colony of the general regime for women sentenced to imprisonment : the diss. ... PhD. in Law]. Makhachkala, 2003. 195 p. (In Russ.).
2. Antonyan YU. M. Prestupnost' sredi zhenshchin [Crime among women]. Moscow, 1992. 256 p. (In Russ.).
3. Volkova T. N. Izuchenie lichnosti osuzhdennogo [Study of the convicted person]. Prestuplenie i nakazanie – Crime and punishment. 2005. Iss. 12. P. 18–20. (In Russ.).
4. Kasterina N. V. ZHenshchiny s psichicheskimi otkloneniyami v mestah lisheniya svobody [Women with mental disabilities in places of detention]. CHelovek – Human. 2007. Iss. 2. P. 115–120. (In Russ.).
5. Latysheva L. A. Osobennosti sodержaniya i resocializacii zhenshchin, imeyushchih maloletnih detej, v penitenciar'nykh uchrezhdeniyah zarubezhnykh stran [Features of the content and re-socialization of women with young children in penitentiary institutions of foreign countries]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2018. Iss. 1. P. 69–75. (In Russ.).
6. Lombrozo CH. Genial'nost' i pomeshatel'stvo. ZHenshchina prestupnica i prostitutka. Lyubov' u pomeshannykh [Genius and madness. A woman is a criminal and a prostitute. Mad's love]. Minsk, 2004. 576 p. (In Russ.).
7. Malysheva O. A. Problema dezadaptacii zhenshchin molodezhnogo vozrasta, otbyvshih nakazanie v vide lisheniya svobody (kriminologicheskie i psichologicheskie aspekty) : dis. ... kand. jurid. nauk [The problem of disadaptation of young women who have served a sentence of imprisonment (criminological and psychological aspects) : the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 1999. 282 p. (In Russ.).
8. Nakazanie i ispravlenie prestupnikov / pod red. prof. YU. M. Antonyana [The punishment and correction of criminals : ed. by Yu. M. Antonyan]. Moscow, 1992. 392 p. (In Russ.).
9. Otryadnaya sistema ITU i kriterii ocenki ispravleniya osuzhdennykh : ucheb. posobie / YU. A. Alferov i dr. [The squadron system of ITU and the criteria for assessing the correction of convicts : tutorial : Yu. A. Alferov et al.]. Domodedovo, 1991. 107 p. (In Russ.).
10. Otchet o sostave osuzhdennykh, meste soversheniya prestupleniya za 12 mesyacev 2017 goda [Report on the composition of convicts, the crime scene for 12 months of 2017]. Available at: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79&item=4572>. (accessed 12.09.2018). (In Russ.).
11. Popova S. A. K voprosu o lichnostnykh harakteristikah zhenshchin, sovershayushchih nasil'stvennye prestupleniya [On the issue of personal characteristics of women who commit violent crimes]. Ros. sledovatel' – Russian investigator. 2007. Iss. 21. P. 24–26. (In Russ.).
12. Revin V. P., Kunc E. V. ZHenshchiny v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah: problemy vospitatel'noj raboty [Women in correctional institutions: problems of educational work]. Zakon i pravo – The law and the right. 2005. Iss. 10. P. 30–33. (In Russ.).
13. Sovershenstvovanie ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii zhenshchin / A. V. Brilliantov i dr. [Improving the enforcement of the penalty of deprivation of liberty against women : A. V. Brilliantov et al.]. Moscow, 1994. 41 p. (In Russ.).
14. Sociologiya i psichologiya osuzhdennykh v mestah lisheniya svobody : ucheb.-metod. posobie / pod obshch. red. O. G. Kovaleva [Sociology and psychology of the convicts in places of deprivation of freedom : study guide : ed. by O. G. Kovalev]. Moscow, 2005. 120 p. (In Russ.).
15. Sushko V. A. Sovershenstvovanie uslovij i poryadka otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody osuzhdennymi zhenshchinami : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Improvement of the conditions and procedure for serving the sentence of deprivation of liberty by convicted women : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 1994. 25 p. (In Russ.).
16. Uvarov I. A. Prichiny prestupnogo povedeniya osuzhdennykh zhenshchin v penitenciar'nykh uchrezhdeniyah [The causes of the criminal behaviour of convicted women in penal institutions]. Penitenciar'nyj opyt Anglii i vozmozhnosti ego realizacii v ugovolno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossii i Belorussii – Penitentiary experience of England and the possibility of its implementation in the penal legislation of Russia and Belarus. Ryazan, 2004. P. 189–194. (In Russ.).
17. Harakteristika lichnosti osuzhdennogo (social'no-psichologicheskij portret) : ucheb.-metod. posobie [Characteristics of the personality of the convict (socio-psychological portrait) : study guide]. Moscow, 2004. 56 p. (In Russ.).
18. SHmaeva T. A. Otnoshenie osuzhdennykh zhenshchin k nakazaniyu v vide lisheniya svobody i meram ispravitel'no-trudovogo vozdejstviya [The attitude of convicted women to punishment in the form of imprisonment and corrective-labor measures]. Povyshenie ehffektivnosti ispolneniya ugovolnykh nakazaniy v svete reshenij XXVII s»ezda KPSS – Improving the efficiency of execution of criminal penalties in the light of the decisions of the XXVII Congress of the Communist party of the Soviet Union. Ryazan, 1988. P. 77–82. (In Russ.).

УДК 343.36(479.224)

Уголовно-правовые меры, противодействующие принуждению к даче показаний, в Республике Абхазии

Б. Ю. ДЗИДЗАРΙΑ – заведующий кафедрой государства и права Абхазского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

Необходимость защиты прав и свобод человека может возникнуть в любой сфере деятельности. Особенно важным это становится при применении мер государственного принуждения, в том числе при задержании и возбуждении уголовного дела, поскольку, на наш взгляд, подозреваемые и обвиняемые являются наиболее уязвимой категорией граждан. Должностные лица обязаны адекватно реагировать на слова подозреваемого, его меняющееся настроение, различные уловки и т. п. При этом должен соблюдаться запрет на недозволённые способы проведения допроса. Использование принудительной тактики компрометирует работу правоохранительных органов, снижает доверие и уважение к должностным лицам.

Ключевые слова: принуждение; дача показаний; должностные лица; права и свободы; нарушения; подозреваемый; допрос; пытка; издевательство; насилие; анкетирование; правоохранительные органы; шантаж.

Criminal law measures counteracting coercion to testify in the Republic of Abkhazia

B. YU. DZIDZARIA – Head of the Department of State and Law of the Abkhaz State University, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The need to protect human rights and freedoms may arise at any stage of activity. It is especially important to do this when applying measures of state coercion, including when detaining and initiating a criminal case, since, in our opinion, the suspects and the accused are the most vulnerable category of citizens. Officials must adequately respond to the words of the suspect, his changing mood, various tricks, etc. At the same time a ban on unauthorized methods of interrogation should be observed. The use of coercive tactics compromises the work of law enforcement agencies, reduces trust and respect for officials.

Keywords: coercion, testimony; officials; rights and freedoms; violations; suspected; interrogation; torture; mockery; violence; questioning; law enforcement agencies; blackmail.

Защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью правового демократического государства. Несмотря на нормативное закрепление общепризнанных идей и принципов правового государства, а также их гарантий, права и свободы граждан подвергаются серьезным испытаниям практически во всех странах мира.

Нормы о соблюдении прав и свобод личности содержатся не только в международных документах, в частности Всеобщей декларации прав человека, международных пактах по правам человека, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, но и в национальном законода-

тельстве – Конституции Республики Абхазии (ст. 21), Уголовном кодексе Республики Абхазии, Уголовно-процессуальном кодексе Республики Абхазии, законе об Уполномоченном по правам человека Республики Абхазии и др.

Защита прав и свобод является объектом многих научных исследований. На наш взгляд, особенно важно соблюдать права человека при нарушении пределов применения мер государственного принуждения, в том числе на этапе задержания и возбуждения уголовного дела.

Если мы обратимся к истории, то обнаружим, что были периоды, когда давления

было «слишком много» – подозреваемый, который не признавался, мог быть просто замучен. Даже в середине 1900-х гг. допрашивающие должностные лица регулярно противоправно применяли жесткую тактику, которая включала побои и иные виды физического насилия в процессе неоднократных длительных допросов.

Успех этих допросов был высок, хотя некоторые из тех, кто признавался, несомненно, были невиновными. При сильном давлении, применяемом рядом должностных лиц, подозреваемые признавались в совершении преступлений, которых не совершали.

В современном обществе подобная тактика считается абсолютно недопустимой и противозаконной, независимо от того, насколько серьезным является преступление, в котором подозревается лицо.

Помимо проблемы нарушения закона дача заведомо ложных показаний и принуждение к ним ненадежны, поскольку показания могут быть изменены субъектом на любой стадии расследования. Кроме того, использование принуждения снижает уважение и доверие к должностным лицам правоохранительных органов.

По размещенным в сети Интернет данным Генеральной прокуратуры Республики Абхазии, за первое полугодие 2018 г. следственными органами прокуратуры Абхазии, МВД, СГБ Абхазии и органами дознания зарегистрировано 503 преступления различной степени тяжести, из которых 285 раскрыты. Среди них 9 убийств и покушений на убийства, 115 краж чужого имущества, 7 грабежей, 13 разбоев (раскрыто 3), 14 ДТП со смертельным исходом, 29 фактов незаконного ношения и хранения оружия, 93 факта незаконного оборота наркотиков.

Как мы видим, ни одно уголовное дело не зарегистрировано по статье, предусматривающей ответственность за принуждение к даче показаний, что, на наш взгляд, свидетельствует о высокой латентности преступлений данной категории в стране.

В ходе исследования нами было изучено 147 уголовных дел. В связи с тем что по ст. 304 УК Республики Абхазии не было зарегистрировано ни одного уголовного дела, были изучены дела о превышении должностных полномочий и выявлены факты незаконных действий сотрудников правоохранительных органов в отношении подозреваемых. Несмотря на то, что сотрудники применили насилие, их действия были квалифицированы как превышение должностных полномочий. Из всех изученных

уголовных дел были отобраны три отказных материала за 2009 г.: 1) жалоба гражданина Т. А. о злоупотреблении старшего помощника Генеральной прокуратуры Республики Абхазии Т. Н. о привлечении к уголовной ответственности по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 285 и ст. 301 УК Республики Абхазии; 2) жалоба гражданина С. Г. на незаконные действия, совершенные начальником следственного управления Г. Д. и его заместителем Ш. Т. в отношении подозреваемого; 3) жалоба гражданки Х. Т. о применении в отношении ее сына Х. А. физического насилия со стороны работников Гудаутского РОВД. По первым двум делам в возбуждении уголовного дела было отказано на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК Республики Абхазии, а по третьему делу – по ч. 1 п. 2 ст. 24 УПК Республики Абхазии.

Результаты проведенного нами анкетирования показали, что в защите прав нуждаются как подозреваемые, так и обвиняемые. К сожалению, зачастую принуждение к даче показаний является одним из способов сокрытия реальных преступлений.

Согласно данным нашего опроса, проведенного в 2017–2018 гг., с принуждением к даче показаний сталкивались 52 % судей, 84 % следователей прокуратуры и МВД Республики Абхазии. Полученные данные согласуются с ранее проведенными нами исследованиями [4, с. 4].

Также анкетирование выявило тот факт, что подозреваемые не обращаются в правоохранительные органы Республики Абхазии, о чем свидетельствует отсутствие уголовных дел по рассматриваемым составам. При этом отсутствие доверия к правоохранительным органам является основным фактором необращения за защитой нарушенных прав и свобод (48,2 %); уверены в потере времени и не испытывают желания сталкиваться вновь с правоохранительными органами 38,4 % опрошенных; боятся мести со стороны сотрудников правоохранительных органов 13,4 % респондентов.

Большинство граждан считают, что только угроза со стороны сотрудников заставляет давать нужные показания следствию. Однако кроме психического имеет место и физическое воздействие на этих лиц. Так, 51,2 % респондентов указали, что их избивали, но ни по одному из таких фактов не было возбуждено уголовное дело.

На практике следователь, дознаватель сами решают, как построить допрос подозреваемого, нередко присутствуют обстоятельства, которые не позволяют спокойно

реагировать на ответы, поведение допрашиваемого. Должностные лица должны правильно реагировать на слова подозреваемого, его меняющееся настроение, различные виды поведения. К тому же допрашивающие лица часто раздражаются и гnevаются по причине провоцирующего поведения подозреваемого, который молчит или обманывает во время допроса.

Статья 304 УК Республики Абхазии предусматривает ответственность за принуждение к даче показаний: ч. 1 – принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо эксперта или специалиста к даче заключения или показаний (преступление средней тяжести), ч. 2 – то же деяние, соединенное с применением насилия, издевательств или пытки (тяжкое преступление).

Несмотря на установленную ответственность, за время действия УК Республики Абхазии по данной статье не было возбуждено ни одного уголовного дела. Причины, по которым потерпевшие от таких действий не обращаются за защитой своих прав и свобод, были изложены выше. Результаты проведенного анкетирования также свидетельствуют о том, что насилие, издевательства и пытки являются наиболее часто используемыми методами незаконного получения информации. В научной литературе описаны и иные способы – так называемые криминалистические хитрости, психологические хитрости, следственные ловушки. Применительно к ним обоснованно речь ведется о двусмысленности, сомнительности, неточности, а следовательно, и неприемлемости. Названные выше термины не раскрывают содержание соответствующих тактических приемов. Следует согласиться с теми учеными, которые обоснованно предлагают отказаться от применения терминов «криминалистическая хитрость», «следственная хитрость», «ловушка» и т. п. [2, с. 27]. В частности, А. Н. Васильев предлагал заменить их термином «приемы активного психологического воздействия». На наш взгляд, криминалистические хитрости – это совокупность психологических приемов, используемых следователем (дознавателем) при раскрытии преступления.

В диспозиции ст. 304 УК Республики Абхазии перечисляются способы принуждения: угроза, шантаж и иные незаконные действия (ч. 1), применение насилия, издевательств или пытки (ч. 2).

Угроза – один из способов совершения рассматриваемого преступления. В юри-

дической литературе нет единства мнений по поводу содержания этого термина. Проведенное нами анкетирование выявило, что угроза применяется также и в отношении родных подозреваемого, причем угроза привлечения лица к ответственности не только за инкриминируемый состав преступления, но и за другие нераскрытые преступления. То, чем может угрожать представитель власти, мы перечислить не можем, но содержание угрозы состоит в запугивании.

Шантаж – следующий способ совершения преступления по ст. 304 УК Республики Абхазии. В разных словарях встречается множество определений, но суть сводится к следующему: шантаж – неблагоприятные действия, угроза разоблачения, разглашения компрометирующих сведений с целью вымогательства, а также вообще угроза, запугивание чем-нибудь с целью создать выгодную для себя обстановку. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что шантаж сводится к угрозе. Возникает вопрос, необходимо ли сохранить диспозицию статьи в УК Республики Абхазии именно в таком объеме. Такой же позиции придерживается ряд ученых, считающих шантаж видом угрозы и предлагающих исключить указание на него из статьи о принуждении к даче показаний [5, с. 15; 3, с. 372; 1, с. 117; 8, с. 69].

Что касается указания в статье на «иные незаконные действия», полагаем, что речь может идти об обмане допрашиваемого, применении к нему наркотических или психотропных средств, оскорблении и унижении, лишении сна, пищи, курения, нарушении норм УПК Республики Абхазии о продолжительности допроса (из результатов анкетирования), содержании под стражей в ненадлежащих условиях и ухудшении условий содержания в нарушение требований закона. Перечислить все возможные незаконные действия практически невозможно, да и нет необходимости.

Считаем целесообразным редакцию ч. 1 ст. 304 УК Республики Абхазии изложить в следующей редакции: «Принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо эксперта, специалиста к даче заключения или показаний путем применения угроз или иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание...». Часть 2 ст. 304 изложить так: «То же деяние, соединенное с применением насилия, издевательств или пытки...».

Насилие – одно из основополагающих понятий при установлении ответственности за принуждение к даче показаний. Относительно его в юридической науке нет единства мнений. Всемирной организацией здравоохранения насилие определяется как преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб [6]. Насилие, таким образом, выражается в применении незаконного физического и психического воздействия.

Издевательство – злая насмешка, оскорбление, оскорбительный поступок, поведение в отношении кого-нибудь или чего-нибудь [7, с. 235]. Относительно юридического определения данного понятия, на наш взгляд, надо учитывать следующее: 1) издевательство есть манипуляция, совершение противоправных действий, унижающих и оскорбляющих достоинство человека. Оно может выражаться словесно, путем конкретных действий более изощренными, нежели словесный способ, методами (лишение пищи, сна, воды); 2) применяется оно исключительно специальным субъектом, так как речь идет о лице, обладающем властными полномочиями.

Пытка – это причинение физических и нравственных страданий в целях принуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо иных целях (примечание к ст. 111 УК Республики Абхазии). При анализе рассматриваемого термина принципиальное значение имеет тщательное исследование самого деяния, его формы, степени причиняемых страданий и тяжести наступивших последствий. Несмотря на то, что подобное определение носит оценочный характер, на наш взгляд, оно позволяет разграничить термины «применение насилия», «издевательство» и «пытка».

Единства мнения в вопросах о понятии пытки и исключении или включении его в статью «Принуждение к даче показаний» среди ученых нет. Мы считаем, что пытка – наиболее часто используемый способ принуждения, доказательством этого являются результаты проведенного анкетирования (84,7 % ответили на вопрос утвердительно). Кроме того, полагаем, что, поскольку пытка является особым способом принуждения, целесообразно выделить указание на нее в УК Республики Абхазии в качестве самостоятельной части рассматриваемой статьи. Следовательно, ч. 2 ст. 304 УК Республики Абхазии следует изложить в следующей редакции: «То же деяние, соединенное с применением пытки...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунева И. Ю. Определение круга потерпевших в статье 302 УК РФ // Уголовное право и современность : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. Красноярск, 2000. С. 117–122.
2. Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 2002.
3. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб., 2005.
4. Дзидзария Б. Ю. Уголовно-правовая защита прав подозреваемого и обвиняемого. М., 2010.
5. Костров Г. К. Уголовно-правовое значение угрозы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970.
6. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / под ред. Этьенна Г. Круга и др. М., 2003. 376 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
8. Попов Н. А. Принуждение к даче показаний : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001.

REFERENCES

1. Buneva I. YU. Opredelenie kruga poterpevshih v stat'e 302 UK RF [Definition of victims in article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Ugolovnoe pravo i sovremennost' : mezhvuz. sb. nauch. tr. Vyp. 4. – Criminal law and modernity : interuniversity collection of scientific works. Iss. 4. Krasnoyarsk, 2000. P. 117–122. (In Russ.).
2. Vasil'ev A. N. Problemy metodiki rassledovaniya otdel'nyh vidov prestuplenij [Problems of methods of investigation of certain types of crimes]. Moscow, 2002. (In Russ.).
3. Gorelik A. S., Lobanova L. V. Prestupleniya protiv pravosudiya [Crime against justice]. St. Petersburg, 2005. (In Russ.).
4. Dzidzariya B. YU. Ugolovno-pravovaya zashchita prav podozrevaemogo i obvinyaemogo [Criminal law protection of the rights of the suspect and the accused]. Moscow, 2010. (In Russ.).
5. Kostrov G. K. Ugolovno-pravovoe znachenie угрозы : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal-legal significance of the threat : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 1970. (In Russ.).
6. Nasilie i ego vliyaniye na zdorov'e. Doklad o situacii v mire / pod red. Eht'enna G. Kruga i dr. [Violence and its impact on health. Report on the situation in the world : ed. by Etienne G. Krug et al.]. Moscow, 2003. 376 p. (In Russ.).
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. YU. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 2006. (In Russ.).
8. Popov N. A. Prinuzhdenie k dache pokazaniy : dis. ... kand. yurid. nauk [Compulsion to testify : the diss. ... PhD. in Law]. Омск, 2001. (In Russ.).

УДК 343.98

Криминалистическое значение данных о способах совершения убийств осужденными на территории исправительных учреждений

О. М. ДЕЧКИН – преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России

Реферат

Среди преступлений, совершаемых осужденными, отбывающими наказания в исправительных учреждениях, повышенную общественную опасность представляют убийства, которые отличаются сложностью раскрытия и расследования.

Понятие указанного противоправного деяния нашло свое законодательное закрепление в ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации: под ним понимается умышленное причинение смерти другому человеку.

Раскрытие и расследование преступлений рассматриваемой категории на территории исправительных учреждений, а также выработка определенных мер по своевременному их предупреждению оказываются более эффективными при выделении и использовании определенных данных, составляющих криминалистическую характеристику преступлений, следователем и сотрудниками оперативных подразделений.

Одним из важных моментов криминалистической характеристики убийства являются данные о способе его совершения.

На основе анализа литературных источников и материалов судебно-следственной практики в статье дается характеристика способов убийств, совершаемых осужденными на территории исправительных учреждений, а также осуществляется разделение их на основные группы в рамках различных классификаций.

В данном случае классификация необходима для получения дополнительной информации о способе совершения преступления, его систематизации и детального изучения, выявления характерных общих свойств, признаков и т. д.

Исследование указанных обстоятельств направлено на установление важной информации по делу и тем самым способствует качественному и своевременному раскрытию и расследованию преступлений рассматриваемой категории.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; преступление; исправительное учреждение; убийство; способ совершения преступления; осужденный; причинение телесных повреждений.

The forensic significance of data on the methods of committing murders by convicts on the territory of correctional institutions

O. M. DECHKIN – Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

Among the crimes committed by convicts serving sentences in correctional institutions an increased social danger is represented by murders which differ in the complexity of disclosure and investigation.

The concept of this illegal act found its legislative consolidation in Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation: it is understood to be the intentional infliction of death on another person.

The disclosure and investigation of crimes of the category in question in the territory of correctional facilities as well as the development of certain measures to prevent them in a timely manner are more effective in the allocation and use by the investigator and the employees of operational units of certain data that make up the criminalistic characteristics of crimes.

One of the important moments of the criminalistic characteristics of the murder is the data on the way it was committed.

Based on the analysis of literature sources and materials of forensic investigation the article describes the methods of killings committed by convicts in the territory of

correctional facilities and also divides them into main groups within various classifications.

In this case the classification is necessary to obtain additional information about the method of committing a crime, its systematization and detailed study in order to reveal the characteristic common properties, characteristics, etc.

The investigation of the above circumstances is aimed at establishing important information on the case and thereby contributes to the qualitative and timely disclosure and investigation of the crimes of this category.

Key words: forensic characteristics; a crime; correctional institution; murder; way of committing a crime; convicted; causing bodily harm.

Среди преступлений, совершаемых осужденными, отбывающими наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, повышенную общественную опасность представляют убийства. Понятие данного противоправного деяния находит свое законодательное закрепление в ст. 105 УК РФ: под убийством понимается умышленное причинение смерти другому человеку.

Статистические данные свидетельствуют о том, что число зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 105 и ст. 30, 105 УК РФ, совершенных лицами, содержащимися в исправительных учреждениях, составило: в 2014 г. – 20, 2015 г. – 26, 2016 г. – 24 и 2017 г. – 32 [8]. Очевиден рост преступлений исследуемой категории, и это говорит о том, что принимаемые меры уголовно-правового воздействия не имеют должного результата.

Несмотря на то, что в общей массе противоправных деяний исследуемые преступления занимают незначительное место (в 2017 г. – 3,3 %) [8], в раскрытии и расследовании они отличаются сложностью. Это обстоятельство обусловлено местом совершения преступления – исправительным учреждением уголовно-исполнительной системы, где имеются свои криминальные традиции и обычаи, непосредственно влияющие на сбор доказательственной базы; часть осужденных придерживается неформальных норм поведения, которые заставляют участвовать в производстве по уголовному делу [3, с. 55]. Кроме того, расследование ведется в отношении лиц, имеющих опыт совершения преступлений, участия в уголовном судопроизводстве и в ряде случаев знакомых с тактическими приемами и методами, используемыми следователями при осуществлении следственных действий и т. д.

Проведенное в период с 2017 по 2018 гг. исследование, в ходе которого были проинтервьюированы 14 следователей Следственного комитета Российской Федерации, расследовавших уголовные дела рассма-

триваемой категории, и 22 оперативных сотрудника УФСИН России по Архангельской, Самарской и Нижегородской областям, участвовавших в следственных действиях по указанным уголовным делам, показало, что раскрытие и расследование преступных деяний, в том числе убийств, совершенных на территории исправительных учреждений, а также выработка определенных мер по своевременному их предупреждению, оказываются более эффективными при выделении и использовании определенных данных, составляющих криминалистическую характеристику преступлений, следователем и сотрудниками оперативных подразделений.

Понятие криминалистической характеристики в науке имеет дискуссионный характер. Нам близка позиция профессора Н. Г. Шурухнова, который под ней понимает совокупность обобщенных данных о способе совершения, механизме и типичных следах преступления, личности преступника и других существенных особенностях (чертах, свойствах) преступления, а также сопутствующих ему обстоятельствах, которая способствует оптимизации методики расследования и практическому применению приемов (средств, методов) криминалистики в раскрытии и расследовании преступных деяний [10, с. 25].

По вопросу структуры криминалистической характеристики имеются различные мнения. Не углубляясь в дискуссию, отметим, что в качестве ее основных элементов выступают данные о способе совершения преступления, механизме преступления, свойствах личности преступника, личности потерпевшего, обстановке совершения преступления и т. д. Данной точки зрения придерживаются такие ученые, как А. Н. Васильев, В. Я. Колдин, Н. П. Яблоков и др. [2, с. 327–333; 5, с. 118–132].

Одной из важных составляющих криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 105 и 30, 105 УК РФ, являются данные о способе совершения преступления. Именно в них в большинстве случаев содержится необходимая информа-

ция, которая позволяет быстро и правильно сориентировать следователя и сотрудников оперативных подразделений относительно события происшедшего в целом и его определенных обстоятельств, круга лиц, среди которых следует искать преступника, а также выделить основные методы расследования и раскрытия преступного деяния [2, с. 118].

В настоящее время в среде ученых-криминалистов бытует ряд мнений о способе совершения преступления и его структуре в целом. На наш взгляд, стоит согласиться с точкой зрения профессора Р. С. Белкина, который наиболее содержательно и полно раскрыл понятие способа совершения преступления.

Под способом совершения преступления понимается система умышленных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, охватываемая единым преступным замыслом, детерминированная психофизическими качествами личности преступника (его соучастников) и избирательным использованием им (ими) соответствующих условий, места, времени, а также учетом возможных действий (бездействия) со стороны потерпевшего, иных лиц [1, с. 359].

Применительно к способам, используемым осужденными при совершении преступлений, предусмотренных ст. 105 и 30, 105 УК РФ, важно не только определение самого понятия и выполнение его содержания, но и разделение всего массива на основные группы в соответствии с разными классификациями.

В данном случае классификация необходима для получения дополнительной информации о способе совершения преступления, его систематизации и детального изучения посредством выявления характерных общих свойств, признаков и т. д., а также для использования в теоретической и практической деятельности.

Правильно построенная классификация, как подметил В. А. Образцов, представляет собой необходимое условие эффективного познания изучаемого объекта, служит средством обеспечения продуктивного движения мысли исследователей от исходного целого к образующим его частям и от них снова к целому для выявления закономерностей, знание которых необходимо для его научного объяснения и описания [7, с. 5].

Анализируя точки зрения ряда ученых-криминалистов относительно преступлений против жизни и здоровья, в том числе

совершенных на территории исправительных учреждений, можно заключить, что в основном способы совершения указанных преступных деяний классифицируются в зависимости от выбранного орудия или предмета совершения преступления, а также по способу сокрытия преступления [4, с. 26–34; 6, с. 24–27; 9, с. 66–69].

Со своей стороны заметим, что необходимо принимать во внимание и другие классификации, связанные со способом совершения преступления исследуемой категории, которые позволят отметить иные важные обстоятельства, подлежащие установлению.

На основе анализа различных точек зрения ученых-криминалистов, а также следственной и судебной практики¹ мы выделили основные группы способов совершения преступлений рассматриваемой категории, которые характерны для мест лишения свободы.

Основные способы совершения осужденными преступлений, предусмотренных ст. 105 и 30, 105 УК РФ, не отличаются большим разнообразием, в большинстве случаев они заимствуются из ранее совершенных как непосредственно в местах лишения свободы, так и за их пределами преступлений с изменением некоторых составляющих.

Анализ уголовных дел показал, что все способы убийств состояли из определенных действий в виде подготовки, совершения или сокрытия преступления. Конкретный способ совершения преступления мог включать как одно, так и два действия, а в некоторых случаях охватывать и весь комплекс (подготовка, совершение и сокрытие преступления). Тем самым способ совершения преступления рассматриваемой категории в зависимости от его структуры может быть простым и сложным.

При простом способе не предполагаются действия в виде подготовки и сокрытия преступного деяния. Как правило, он зависит от обстановки, складывающейся на момент совершения преступления. В большинстве случаев указанным способом совершаются преступления в условиях внезапно возник-

¹ При подготовке исследования в период с 2014 по 2017 гг. проанализировано 53 уголовных дела по преступлениям, предусмотренным ст. 105 и 30, 105 УК РФ, в 18 субъектах Российской Федерации (республики Удмуртия, Татарстан, Пермский край, Ханты-Мансийский автономный округ, Челябинская, Ульяновская, Тульская, Самарская, Ростовская, Мурманская, Нижегородская, Новосибирская, Иркутская, Брянская, Белгородская, Архангельская, Еврейская автономная и Псковская области).

шей ссоры (65,5 %). Поводом для них могут послужить оскорбления, распространение порочащих сведений и т. п.

Так, в одной из исправительных колоний УФСИН России по Белгородской области между осужденными Л. и С. возник конфликт из-за разногласий при осуществлении уборки помещений отряда. Осужденный С., бравировав тем, что он более продолжительное время отбывает наказание в отряде, стал заставлять осужденного Л. делать уборку помещений, при этом нецензурно высказывался в его адрес. Осужденный Л., не выдержав оскорблений, нанес ему множество ударов в голову куском металлической проволоки, после чего скрылся (Арх. Алексеевского район. суда Белгородской обл. за 2017 г. Уголов. дело № 1-12/2017).

Из числа проанализированных преступлений простым способом совершена основная часть убийств или покушений на них (62,3 %). Данное обстоятельство обусловлено нормами пенитенциарной субкультуры осужденных, согласно которым человек, не ответивший на оскорбление со стороны, может быть лишен определенного статуса в тюремной иерархии [11, с. 24].

Сложные способы совершения осужденными убийств и покушений на них в период отбывания наказания в исправительном учреждении, составляют меньшую часть в общем массиве – 38,7 %. Их можно разделить на три группы: во-первых, состоящие из комплекса действий по подготовке, совершению и сокрытию преступного деяния (45 %); во-вторых, состоящие из действий по подготовке и совершению преступления (20 %); в-третьих, состоящие из действий по совершению и сокрытию преступления (35 %).

В одном из исправительных учреждений УФСИН России по Архангельской области осужденный Н. взял у осужденного Ш., относящегося к лицам с пониженным социальным статусом, машинку для нанесения татуировок. Произшедшее увидел осужденный О., который пообещал рассказать об этом другим. Испугавшись огласки, осужденный Н. принял решение убить данного осужденного. Зная, что тот работает в столовой, осужденный Н. взял заранее приготовленную капроновую веревку и проследовал туда. В ходе разговора осужденный Н. накинул осужденному О. веревку на шею и стал душить его. После убийства Н. нашел на полу металлическую трубу и с целью инсценировки самоубийства подвесил О. на ней, после чего скрылся с места происшествия (Арх. Вельского район. суда

Архангельской обл. за 2015 г. Уголов. дело № 1-161/2015).

К способу совершения преступлений исследуемой категории необходимо отнести и такую характеристику, как совершение убийства или покушения на него в одиночку или группой лиц, то есть способы дифференцируются в зависимости от количества субъектов совершения преступления.

При изучении уголовных дел установлено, что значительная доля преступлений исследуемой категории совершена осужденными в одиночку – 92,5 %. Однако преступления, которые совершаются в составе группы лиц (7,5 %), отличаются особой жестокостью и цинизмом. Прежде всего, это связано с тем, что участниками преступной группы являются неоднократно судимые лица, которым необходимо выделиться среди других осужденных, утвердить свой авторитет в криминальной среде, а также показать свою силу.

В одной из ИК ГУФСИН России по Иркутской области у осужденного Р., занимающего среди других осужденных неформальное лидирующее положение, возникли подозрения о причастности осужденных К. и В. к даче признательных показаний по одному из уголовных дел. О своих подозрениях он сообщил осужденным М., О. и Т., которые согласились ему помочь проучить К. и В. В результате осужденные Р., М., О. и Т. в составе группы лиц с особой жестокостью совершили убийство осужденных К. и В. (Арх. Иркутского обл. суда за 2016 г. Уголов. дело № 2-31/2016).

В ходе анализа уголовных дел установлено, что все способы совершения осужденными убийств или покушений на них в период отбывания наказания в исправительном учреждении предполагают активные действия виновного лица.

Речь может идти, во-первых, о непосредственном причинении потерпевшему телесных повреждений при помощи различных орудий преступления (86,8 %). Для совершения преступлений исследуемой категории виновные лица использовали разные орудия, такие как молоток, лопата, веревка, нож, кувалда, ножницы, металлическая труба, заточка (орудие, изготовленное самодельным способом) и т. д.

Например, в одном из учреждений УФСИН России по Белгородской области во время совместной уборки помещения санпропускника в гардеробном отсеке осужденный С. нанес рукой удар по ягодице осужденному П., который посчитал данные действия оскорбительными. Испытывая вследствие

этого острую неприязнь к данному осужденному, П. нанес ему несколько ударов металлической трубой в область головы, от которых С. скончался (Арх. Свердловского район. суда г. Белгорода за 2017 г. Уголов. дело № 1-95/2017).

Во-вторых, возможно непосредственное причинение потерпевшему телесных повреждений без какого-либо орудия преступления, то есть с помощью рук и (или) ног (3,8 %).

В одном из исправительных учреждений УФСИН России по Самарской области между осужденными П. и К. произошел конфликт, в ходе которого последний высказал оскорбительные слова в адрес первого. Затянув обиду, осужденный П. в ночное время подошел к спящему на кровати осужденному К. и задушил его руками (Арх. Красноярского район. суда Самарской обл. за 2018 г. Уголов. дело № 1-39/2018).

В-третьих, встречается непосредственное причинение потерпевшему телесных повреждений при помощи рук (ног), а также с помощью различных орудий преступления (9,4 %).

Так, осужденный Х., находясь в комнате приема пищи в одной из исправительных колоний УФСИН России по Мурманской области, в ходе ссоры, возникшей на почве личных неприязненных отношений с осужденным Н., со значительной силой нанес последнему множество ударов деревянным табуретом, а также руками и ногами в область головы. В результате полученных телесных повреждений Н. скончался (Арх. Кольского район. суда Мурманской обл. за 2016 г. Уголов. дело № 1-14/2016).

По признаку характера наносимых повреждений наиболее частым способом совершения осужденными убийств или покушений на них на территории исправительных учреждений является нанесение колото-резанных ран с помощью разных орудий (64,2 %). Осужденными используются такие предметы, как нож, отвертка, стамеска, напильник, ножницы, черенок от лопаты или иного инвентаря, колюще-режущий предмет, изготовленный самодельным способом (заточка) и т. д.

Из числа исследуемых в большинстве случаев совершения преступлений указанным способом (70,1 %) в качестве орудия выступают именно колюще-режущие предметы, то есть нож или предмет, изготовленный осужденным (металлическая пластина, заточенное полотно, заостренная ручка от ложки и т. д.). Такой показатель не является

случайным, так как ежегодно в ходе обысковых мероприятий у осужденных изымаются тысячи единиц колюще-режущих предметов (так, только в 2017 г. в исправительных учреждениях было изъято 4660 ед.) [8].

Еще одним способом совершения убийства или покушения на него выступает причинение телесных повреждений с помощью предметов рубящего и ударно-раздробляющего действия (24,5 %). Осужденные применяют такие предметы, как молоток, кувалда, лопата, топор, металлическая труба (обрезок трубы), рабочий инструмент для колки льда, металлическая дужка от кровати, подручный предмет в виде камня и т. д.

В большинстве случаев (53,8 %) осужденными использовались молоток или кувалда, так как в основном преступления совершались в промышленной зоне исправительного учреждения, где хранится рабочий инструмент.

В цехе промышленной зоны одного из исправительных учреждений УФСИН России по Удмуртской Республике между осужденными П. и К. произошел конфликт, в ходе которого К. стал толкать П. и высказывать оскорбления в его адрес. Осужденный П., вооружившись лежащей рядом кувалдой, нанес К. множественные удары по голове. В результате полученных телесных повреждений осужденный К. скончался на месте происшествия (Арх. Завьяловского район. суда Удмуртской респ. за 2015 г. Уголов. дело № 1-170/2015).

Среди прочих способов совершения осужденными убийств или покушений на них необходимо выделить удушение жертвы определенным предметом (самодельная петля, изготовленная из лоскутов простыни, обычная веревка, проволока, самодельная веревка, сплетенная из капроновой мочалки, и т. д.), а также путем сдавливания руками в области шеи потерпевшего (7,5 %). В большинстве случаев при этом осужденные использовали какой-либо предмет, так как удушение руками требует от преступника значительной физической подготовки.

При этом в исправительном учреждении осужденными могут использоваться и иные способы совершения убийства или покушения на него, такие как причинение смертельных повреждений с помощью отравления, сжигания, утопления, применения электрического тока, перекрытия дыхательных путей жертвы в области рта и носа и т. п. Однако при изучении нами обозначенного массива уголовных дел указанные и иные способы не были зафиксированы.

В заключение хотелось бы сделать некоторые выводы относительно данных о способе совершения убийств или покушений на них осужденными на территории исправительных учреждений.

Во-первых, способ совершения осужденными убийства или покушения на него на территории исправительного учреждения является наиболее важным сведением в криминалистической характеристике преступления, так как содержит в себе необходимые данные об оружии и предмете преступления, механизме совершения преступления, а также характере оставляемых следов.

Во-вторых, правильное определение способа совершения преступления позволяет установить либо сузить круг лиц, причастных к его совершению либо обладающих информацией о нем, а также своевременно обнаружить следы до того момента, когда они будут уничтожены (случайно или умышленно) и т. п.

В-третьих, при определении способа совершения осужденными преступлений исследуемой категории следует учитывать не только характер подготовки к совершению преступления, механизм совершения, но и способ сокрытия следов.

В-четвертых, классификация способов совершения осужденными убийств или покушений на них на территории исправительного учреждения может быть осуществлена по разным критериям: по структуре способа совершения преступления, количеству субъектов совершения преступления, необходимости использования в процессе совершения преступления различных орудий и предметов, характеру наносимых потерпевшему повреждений.

Изучение указанных обстоятельств направлено на установление наиболее важной информации по делу, а также способствует качественному и своевременному раскрытию и расследованию преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики: криминалистические средства, приемы и рекомендации : в 3 т. М., 1997. Т. 3. 480 с.
2. Васильев А. Н., Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. 144 с.
3. Волков Д. Ю. Психологические факторы, влияющие на формирование показаний подозреваемого, обвиняемого при нахождении допрашиваемого в следственном изоляторе // Актуальные вопросы назначения и исполнения уголовных наказаний : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. Н. Некрасова. Вологда, 2017. С. 53–56.
4. Килессо Е. Г. Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 214 с.
5. Колдин В. Я., Яблоков Н. П. Криминалистика. М., 1990. 464 с.
6. Мусабилов Р. Д. Особенности первоначального этапа расследования тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершенных ранее судимыми лицами : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2003. 242 с.
7. Образцов В. А. Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск, 1988. 592 с.
8. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России : информ.-аналит. сб. Тверь, 2015–2018.
9. Прокопенко Б. Л. Особенности расследования убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. 248 с.
10. Шурухнов Н. Г. Криминалистика. 2-е изд., исправл. и доп. М., 2008. 720 с.
11. Шурухнов Н. Г. Расследование преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1992. 144 с.

REFERENCES

1. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki: kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendacii : v 3 t. [Course of criminology: forensic tools, techniques and recommendations: in 3 vol.]. Moscow, 1997. Vol. 3. 480 p. (In Russ.).
2. Vasil'ev A. N., Yablokov N. P. Predmet, sistema i teoreticheskie osnovy kriminalistiki [Subject, system and theoretical foundations of criminology]. Moscow, 1984. 144 p. (In Russ.).
3. Volkov D. YU. Psihologicheskie faktory, vliyayushchie na formirovanie pokazanij podozrevaemogo, obvinyаемого pri nahozhdenii doprashivaemogo v sledstvennom izolyatore [Psychological factors affecting the formation of the testimony of the suspect, the accused while being interrogated in the detention center]. Aktual'nye voprosy naznacheniya i ispolneniya ugovolnykh nakazaniy : sb. nauch. tr. / pod obshch. red. V. N. Nekrasova – Topical issues of appointment and execution of criminal penalties : collection of scientific papers : ed. by V. N. Nekrasov. Vologda, 2017. P. 53–56. (In Russ.).
4. Killeso E. G. Metodika rassledovaniya ubijstv, sopryazhennykh s bezvestnym ischeznoveniem poterpevshego: pervonachal'nyj etap rassledovaniya : dis. ... kand. yurid. nauk [Methods of investigation of murders involving the disappearance of the victim: initial stage of investigation : the diss. ... PhD. in Law]. St. Petersburg, 2004. 214 p. (In Russ.).
5. Koldin V. YA., Yablokov N. P. Kriminalistika [Criminalistics]. Moscow, 1990. 464 p. (In Russ.).
6. Musabirov R. D. Osobennosti pervonachal'nogo etapa rassledovaniya tyazhkih nasil'stvennykh prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ya, sovershennykh ranee sudimymi licami : dis. ... kand. yurid. nauk [Features of the initial stage of investigation of serious violent crimes against life and health committed by previously convicted persons : the diss. ... PhD. in Law]. Ufa, 2003. 242 p. (In Russ.).
7. Obrazcov V. A. Kriminalisticheskaya klassifikaciya prestuplenij [Criminalistic classification of crimes]. Krasnoyarsk, 1988. 592 p. (In Russ.).
8. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy FSIN Rossii : inform.-analit. sb. [Key performance indicators of the system of the Federal Penal Service of Russia : information and analytical collection]. Tver, 2015–2018. (In Russ.).

9. Prokopenko B. L. Osobennosti rassledovaniya ubijstv, sovershennyh osuzhdennymi v mestah lisheniya svobody : dis. ... kand. yurid. nauk [Features of investigation of the murders committed by convicts in prison : the diss. ... PhD. in Law]. Voronezh, 2009. 248 p. (In Russ.).
10. SHuruhnov N. G. Kriminalistika. 2-e izd., ispravl. i dop. [Criminalistics : 2nd edition, rev. and augm.]. Moscow, 2008. 720 p. (In Russ.).
11. SHuruhnov N. G. Rassledovanie prestuplenij, sovershaemyh osuzhdennymi v ispravitel'no-trudovyh uchrezhdeniyah [Investigation of crimes committed by convicts in correctional institutions]. Moscow, 1992. 144 p. (In Russ.).

УДК 343.85

Роль семьи и референтных групп в формировании противоправного поведения несовершеннолетних

Е. О. СМОЛЕВА – научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук;

С. Н. ШИШИГИНА – научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России

Реферат

Статья посвящена актуальной для современной России проблеме противоправного поведения несовершеннолетних и выявлению роли семьи и референтных групп в его формировании. Анализ преступности подростков позволил выявить ее характеристики, вызывающие тревогу: групповой характер, рецидивность, совершение преступления в состоянии опьянения. По данным социологических опросов, на формирование противоправного поведения несовершеннолетних оказывают влияние следующие факторы:

1) на уровне семьи: неправильные стили семейного воспитания (безконтрольность, попустительство и неумение взаимодействовать со своими детьми в сложных ситуациях, наказания, безразличие со стороны родителей); девиантные паттерны поведения (алкоголизм, криминальность членов семьи). Внутрисемейное общение направлено преимущественно на контроль успеваемости и посещения школы. В ответ подростки испытывают негативные чувства по отношению к родным, часто происходит их фактический отрыв от семьи. При попадании в исправительное учреждение в 30 % случаев связи подростка с семьей не сохраняются. Функции воспитания оказываются для большинства семей непосильными без государственной поддержки, однако механизмы социального контроля не могут компенсировать недостатки семейного воспитания;

2) на уровне школы и референтных групп: школьная дезадаптация, отвержение одноклассниками, делинквентность референтной группы. В компаниях часто возникают ситуации угрозы самооценке, которые приводят к совершению противоправных действий. Под влиянием референтных групп у подростка формируется система ценностей, связанная с материальной обеспеченностью, силой, агрессией.

При возникновении трудных жизненных ситуаций несовершеннолетние предпочитают уход от проблем. За помощью они чаще всего обращаются к друзьям, родителям, учителям, но при просьбе сталкиваются с негативными эмоциями.

К л ю ч е в ы е с л о в а : преступность несовершеннолетних; социально-психологический фактор; трудная жизненная ситуация; стили семейного воспитания; референтные группы.

The role of family and reference groups in the formation of the illegal behavior of minors

E. O. SMOLEVA – Researcher of the Federal State Budgetary Institution of Sciences Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences;

S. N. SHISHIGINA – Researcher of the Organizational Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article is devoted to the problem of unlawful behavior of minors that is relevant for modern Russia and identifying the role of the family and reference groups in its formation. An analysis of juvenile delinquency revealed its alarming characteristics: group character, recidivism and the commission of a crime while intoxicated. According to sociological polls the following factors influence the formation of the unlawful behavior of minors:

1) at the family level: the wrong styles of family education (lack of control, connivance and inability to interact with their children in difficult situations, punishment, indifference on the part of parents); deviant behavior patterns (alcoholism, criminality of family members). Intra-family communication is mainly aimed at monitoring progress and school attendance. In response, adolescents have negative feelings towards their relatives, and their actual separation from the family often happens. When in prison in 30% of cases, the connection of the teenager with the family is not maintained. For most families parenting functions are impossible without state support, but social control mechanisms cannot compensate for shortcomings in family education.

2) at the level of the school and reference groups: school disadaptation, rejection by classmates, delinquency of the reference group. In companies there are often situations of threatening self-esteem that lead to the commission of illegal actions. Under the influence of reference groups in a teenager, a value system is formed, connected with material security, strength, and aggression.

When difficult life situations arise minors prefer to avoid problems. For help they often turn to friends, parents, teachers, but when asking for help they face negative emotions from outside.

Key words: juvenile delinquency; socio-psychological factor; difficult life situation; family education styles; reference groups.

Обострение социальных проблем в стране, вызванное экономическими кризисами последнего десятилетия, оказывает влияние на изменения негативного характера в структуре преступности несовершеннолетних. Правительство Российской Федерации, региональные государственные органы исполнительной власти уделяют повышенное внимание деятельности системы социальной профилактики правонарушений, направленной на предупреждение противоправного поведения и ликвидацию проявлений различных девиаций в подростковой среде: алкоголизма, наркомании, безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних. Однако принимаемые профилактические меры оказываются недостаточными.

Сегодня на поведение несовершеннолетних влияют факторы, вызывающие его антисоциальность: воздействие девиантной субкультуры, распространение в подростковой среде асоциальных и антисоциальных установок и образцов поведения, семейное неблагополучие, школьная дезадаптация, в целом неблагополучная социальная ситуация развития [15].

В зарубежных исследованиях последних лет наряду с признанием личностных черт в качестве главных детерминант делинквентного поведения значительно возрос интерес к когнитивным факторам и факторам, связанным с развитием личности. Со-

гласно теории социального научения социализация зависит от приобретения реакций контролирования себя. На отказ от противоправного поведения влияют антиципаторное самоосуждение (интериоризованные моральные санкции), когнитивные оценки риска потерять положение в обществе (неформальные санкции) или риск понести законное наказание (формальные санкции). По мнению А. Бандуры, законопослушное поведение основывается в основном «на сдерживании посредством предпочтения общественно полезных занятий, нежели на угрозе правовых санкций» [1, с. 172]. Неудачная социализация проявляется в предпочтении делинквентами скорее сиюминутного, чем отсроченного вознаграждения. Неспособность к отсрочке вознаграждения может возникнуть в случае недостижимости цели из-за отсутствия возможности или недостаточности знаний. Этот дефицит поведения складывается под воздействием моделирующих влияний в рамках семьи или группы сверстников. В делинквентной среде совершение антисоциальных действий моделируется и подкрепляется как косвенно, так и прямо [1, с. 171–172]. Л. Берковиц при исследовании связи между фрустрацией и криминальностью выделил два типа криминальной личности: социализированный и индивидуальный [6]. Согласно теории социального научения люди, относящиеся

к социализированному типу, совершают противоправные действия, потому что они научились такому поведению в интеракциях с ближайшим окружением (то есть путем моделирования). Индивидуальный тип формируется в результате повторяющихся и, возможно, интенсивных фрустраций. Большинство правонарушителей могло подвергнуться воздействию как фрустрации, так и антисоциальных моделей. Данный вывод подтверждается многочисленными исследованиями [2], согласно которым делинквенты испытывали значительно больше деприваций и фрустраций по сравнению с неделинквентными детьми.

В отечественной науке в качестве факторов, обуславливающих противоправное поведение, выделяют неблагоприятные индивидуальные особенности несовершеннолетних [4, с. 25; 11, с. 11–23; 12, с. 26–28], специфику межличностных отношений [3, с. 35–70; 16, с. 116–134; 22, с. 56–58], деформации в ценностно-мотивационной системе личности [9, с. 59], дефекты семейного и школьного воспитания [5, с. 20–28; 23, с. 151–157], проблемы саморегуляции поведения [18, с. 40–43].

Несовершеннолетние правонарушители характеризуются неадекватной самооценкой [18]. Нарушению поведения предшествует изменение Я-концепции подростка, проявляющееся в неадекватном отношении к окружающим и ожидании негативного отношения от них [19]. Для личности с девиантным поведением характерны специфические социальные позиции, связанные с размыванием своего Я, чему способствуют негативная Я-концепция и жесткая групповая принадлежность, «сильное превалирование групповой идентификации над процессами индивидуализации» [8, с. 7].

Противоправное поведение несовершеннолетних рассматривается рядом авторов как форма протеста против нарушенных взаимоотношений в конфликтной ситуации

в семье, воспитательных воздействий родителей [17]. Пусковым механизмом является наличие психологической проблемы [20]. Закреплению паттернов девиантного и противоправного поведения способствует негативный жизненный опыт [10].

В связи с этим в наши задачи входило определение роли семьи и референтных групп в формировании девиантного и противоправного поведения несовершеннолетних.

В своем исследовании мы опирались на данные государственной статистики, размещенные в открытом доступе отчеты правоохранительных органов, а также материалы социологического исследования Института социологии РАН по теме «Исследование факторов, затрудняющих социализацию детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, построение и апробация модели их социальной реабилитации». В целевую группу входили дети и подростки в возрасте от 10 до 18 лет, состоящие на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав, территориальных отделах МВД, находящиеся в специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типов.

По данным МВД России, в 2017 г. несовершеннолетними и при их участии совершено чуть менее 45 тыс. преступлений, из них практически четверть (23 %) составляют тяжкие и особо тяжкие (см. табл. 1).

Анализ данных о преступлениях несовершеннолетних позволил выявить позитивные тенденции. Во-первых, уменьшение в три раза за последние десять лет числа преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. Удельный вес преступлений несовершеннолетних в общем числе расследованных преступлений снизился с 8 % в 2007 г. до 4 % в 2017 г., а доля тяжких и особо тяжких преступлений несовершеннолетних уменьшилась с 34 до 23 % (см. табл. 1).

Таблица 1

Социально-криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних

Показатели	Годы								
	2007	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Преступления совершены несовершеннолетними или при их соучастии (тыс.)	154,7	78,5	71,9	64,3	67,2	59,5	61,8	53,7	45,3
Удельный вес от расследованных преступлений (%)	7,8	5,5	5,5	5,1	5,4	5,0	4,9	4,5	4,1
В том числе тяжкие и особо тяжкие (тыс.)	46,7	23,5	19,9	14,5	14,6	13,8	13,3	11,5	10,2
Удельный вес от общего числа преступлений несовершеннолетних (%)	33,6	29,9	27,6	22,6	21,8	23,3	21,8	21,5	22,6

Во-вторых, стабильное уменьшение численности несовершеннолетних, совершивших преступные деяния. В 2017 г. числен-

ность несовершеннолетних преступников уменьшилась в три раза по сравнению с 2007 г. и составила 42,5 тыс. чел. (см. табл. 2).

Таблица 2

Характеристика несовершеннолетних преступников

Показатели	Годы								
	2007	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего несовершеннолетних, совершивших преступления (тыс. чел.)	132,0	72,7	66,0	59,5	60,8	54,1	55,4	48,6	42,5
Совершивших преступление в группе (тыс. чел.)	63,5	29,7	28,0	24,6	25,4	22,6	23,3	21,5	19,9
удельный вес (%)	48,1	40,9	42,5	41,4	41,8	41,8	42,2	44,2	46,8
Несовершеннолетними без постоянного источника дохода (тыс. чел.)	39,3	16,4	14,2	13,2	12,0	10,2	9,8	5,5	3,7
удельный вес (%)	29,8	22,5	21,6	22,2	19,7	18,9	17,6	11,3	8,7
Ранее совершившими преступление (чел.)	22,4	13,9	13,0	12,9	14,1	14,1	14,2	12,8	11,0
удельный вес (%)	17,0	19,1	19,6	21,8	23,2	26,1	25,7	26,3	25,9
В состоянии алкогольного опьянения (тыс. чел.)	13,9	7,3	7,2	8,3	8,4	7,5	7,4	6,7	5,4
удельный вес (%)	16,3	9,9	11,0	13,9	13,9	13,9	13,5	13,8	12,6
В состоянии наркотического опьянения (чел.)	199	172	236	261	410	596	649	541	343
удельный вес (%)	0,15	0,3	0,4	0,4	0,7	1,1	1,2	1,1	0,8

Но все эти тенденции касаются абсолютных показателей. Анализ относительных показателей, характеризующих противоправное поведение несовершеннолетних, позволяет выявить зависимости иного плана (см. табл. 2). На протяжении последних десяти лет остается достаточно высокой доля несовершеннолетних, совершивших преступление в группе (выше 40 %; в 2017 г. она достигала 47 %), доля ранее совершивших преступление постепенно увеличивается (с 17 % в 2007 г. до 26 % в 2017 г.).

Также остается актуальной проблема совершения подростками преступлений в состоянии опьянения: после относительного минимума 2010 г. в 10 % удельный вес несовершеннолетних, совершивших противоправные действия в состоянии алкогольного опьянения, снова вырос до 13–14 %. Также заметный прирост зафиксирован по доле несовершеннолетних, совершивших преступление в состоянии наркотического опьянения: с 0,1 % в 2007 г. до 1,2 % в 2015 г. и 0,8 % в 2017 г.

Результаты социологических опросов не только подтверждают негативные статистические данные, но и в отдельных случаях обнаруживают большую степень серьезности проблемы. Так, среди несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных

колониях, 78 % заявили, что совершили преступление в группе (половина – что среди участников были взрослые); 46 % – в состоянии алкогольного опьянения. Четверо из пяти воспитанников воспитательной колонии состояли на учете в ОВД. До того как подростки попали в колонию, половина из них воровали сумочки, кошельки, совершали кражи из магазинов, домов, дач; каждый третий угрожал оружием, избивал, чтобы отнять деньги, вещи; убегал из дома (см. рис. 1). В списке противоправных действий драки, вымогательство денег, принуждение к сексу, угон велосипедов, скутеров, мотоциклов и автомобилей.

Ситуация в семье является одной из основных причин формирования девиантности, проявляющейся в том числе в наиболее опасной форме – противоправном поведении. Многие исследователи в группу риска относят детей из неполных семей. Однако на сегодняшний день и статистика, и социологические опросы не подтверждают в полной мере эти выводы. По данным, представленным на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, о несовершеннолетних, совершивших преступления (форма № 12 ведомственной отчетности), из 22,9 тыс. осужденных в неполной семье проживало 10,3 тыс. подростков, в

полной – 10,2 (см. табл. 3). По данным социологических опросов, среди воспитанников до попадания в воспитательную колонию с обоими родителями проживали 33 % опрошенных, только с матерью – 45 %, только с отцом – 9 %. Среди подростков, состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних, более половины проживают в полных семьях (27 % с обоими родителями, 28 %

с мамой и отчимом); в неполных семьях – 35 %. Эти данные говорят о том, что хотя неполные семьи относятся к группе риска по причинам большей вероятности материального неблагополучия и загруженности единственного родителя на работе, основное внимание следует уделять социально-психологическому климату в семье.

Рис. 1. Перечень противоправных действий несовершеннолетних, отбывающих лишение свободы, до их попадания в воспитательную колонию, % от числа респондентов

Основными проблемами семейного воспитания являются непоследовательность воспитывающих воздействий и отсутствие должного контроля со стороны родителей. Так, 42 % воспитанников воспитательной колонии отметили, что родителей мало ин-

тересовало, как и с кем они проводят время. Только каждого четвертого проверяли на предмет курения, употребления алкоголя или наркотиков. У каждого седьмого следили за посещением школы и знали друзей.

Таблица 3

Виды воспитания несовершеннолетних осужденных по категориям тяжести (по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации)

Категории тяжести	Всего несовершеннолетних осужденных	Вид воспитания		
		В полной семье	С одним родителем	Вне семьи
Небольшой тяжести	2888	1310	1272	306
Средней тяжести	7009	2933	3149	927
Тяжкие	11 351	5195	4982	1174
Особо тяжкие	1568	749	681	138
Неосторожные	100	61	34	5
Итого	22 916	10 248	10 118	2550

Несовершеннолетние правонарушители подмечают больше негатива, чем позитива в отношении к ним родных. Только каждый четвертый (25 %) может сказать, что ему доверяют, каждый третий (35 %) чувствует, что его любят и о нем заботятся. Состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних подростки взрослые в основном заставляют учиться (в 45 % случаев) и часто ругают (23 %); в каждом десятом слу-

чае встречаются наиболее опасные с точки зрения психологии формы: родители мало внимания обращают на своих детей (11 %), позволяют им делать все, что хочется (9 %). В семьях воспитанников воспитательных колоний проблемы проявляются еще более ярко: частые ссоры (24 %), нехватка внимания со стороны родителей (20 %). Нередки случаи, когда подростка сильно били (33 %). Только один из десяти воспитанников за-

явил, что у него были хорошие отношения с родителями. Родителям подростков зачастую не удастся добиться выполнения своих требований, для них характерно попустительство и неумение взаимодействовать со своими детьми в сложных ситуациях.

Ранее проведенное нами исследование [21] показало, что в семьях воспитанников воспитательных колоний наиболее часто встречаются следующие нарушения процесса воспитания: гиперпротекция (59 % от общего числа анализируемых семей), гипопротекция (24 %), максимальное удовлетворение любых потребностей несовершеннолетнего (41 %), игнорирование потребностей несовершеннолетнего (41 %), чрезмерность требований-запретов (47 %), недостаточность требований-запретов (29 %), чрезмерность санкций за нарушение требований (23 %), минимальность санкций (53 %). В соответствии с классификацией типов неправильного воспитания, основанной на устойчивом сочетании нарушений характеристик воспитательного процесса, нами было выделено пять типов. Преобладающим стилем неправильного семейного воспитания является доминирующая гиперпротекция (сочетание гиперпротекции с повышенным уровнем требований-запретов), которая представлена в 41 % случаев. Следующие по распространению типы неправильного семейного воспитания – потворствующая гиперпротекция и гипопротекция (представлены в 18 % случаев). Для потворствующей гиперпротекции характерно максимальное удовлетворение потребностей в сочетании с низким уровнем выдвигаемых требований и минимальностью санкций. При гипопротекции практически полностью отсутствует контроль над поведением несовершеннолетнего. Далее по распространению идут неустойчивые типы воспитания. Неустойчивый стиль семейного воспитания с низким уровнем удовлетворения потребностей и высоким уровнем требований-запретов встречается в 12 % случаев. Неустойчивый стиль семейного воспитания с ярко выраженными элементами эмоционального отвержения встречается достаточно редко – в 4 % случаев.

Итак, несовершеннолетние воспитываются в условиях семейной депривации: мало поощрений, взаимопонимания, много физических наказаний, отчуждения.

Поэтому у подростков возникают соответствующие ответные чувства по отношению к своей семье. Половина из них считает, что семья – это самые родные люди;

каждый пятый (22 %) – место, где тебя по-настоящему любят. Вместе с тем четвертая часть респондентов (25 %) воспринимает семью как источник пищи, одежды, денег и просто людей, с которыми вынужден жить вместе; каждый восьмой (12 %) – как источник проблем и придирок. Каждый десятый (10 %) собирается уйти из семьи при первой возможности. Половина подростков (45 %) любят оставаться дома только когда там никого нет.

При попадании несовершеннолетних в исправительное учреждение в 30 % случаев по различным причинам не сохраняются связи подростка с семьей. Только каждого третьего (32 %) воспитанника навещают родные, каждый второй (48 %) получает из дома посылки/передачи.

Наряду с неправильными стилями воспитания в семьях несовершеннолетних правонарушителей регулярно демонстрируются девиантные и криминальные паттерны поведения. В четверти семей родители (родитель) выпивают несколько раз в неделю, в трети семей – несколько раз в месяц. Каждый второй воспитанник воспитательной колонии попадал под влияние проживающих вместе с ним под одной крышей судимых родственников: чаще всего отца или отчима (44 % случаев), брата/сестры (15 %). У каждого десятого судимы и мать, и отец, ближайшие родственники.

По мнению экспертов из образовательных учреждений, работа с семьями, вовлекающими детей в совершение преступлений или противоправных действий, на уровне школы неэффективна и требует активного межведомственного взаимодействия. Понимая необходимость работы с семьей, школа не обладает достаточными полномочиями и компетенциями для решения сложностей самих семей, поскольку главный субъект школьной деятельности – дети.

Другим значимым фактором противоправного поведения является неблагоприятная ситуация в школе. Традиционно выделяются следующие предпосылки девиантного поведения:

- низкая успеваемость (для 30 % респондентов основной проблемой являются трудности в учебе);
- плохое поведение в школе (20 % респондентов состоят на учете в комиссии по делам несовершеннолетних по инициативе школы как трудные ученики);
- проблемы во взаимоотношениях с преподавателями и одноклассниками (15 % считают, что учителя к ним придираются;

7 % отмечают враждебное отношение одноклассников).

При отсутствии авторитета и взаимопонимания в семье и школе подростки находят отдушину во взаимоотношениях со сверстниками. Треть респондентов считает, что время лучше проводить с друзьями, чем со своей семьей или одному дома. Некомпетентность в межличностном общении наряду с заниженной оценкой социума приводят несовершеннолетнего в группу сверстников асоциальной направленности. У 56 % респондентов были друзья, состоявшие на учете в милиции; также практически половина среди друзей совершали противоправные поступки: воровали (54 %); употребляли наркотики (42 %); часто и много выпивали (18 %). Самопрезентация как члена делинквентной группы – безрассудного, шокирующего своим поведением – сопровождается повышением внешней оценки. И подтверждение этой оценки происходит в зависимо-

сти от соответствующей репутации, которая создается делинквентными поступками. Совместное времяпрепровождение не отличается разнообразием: шатание по улицам (80 % респондентов); игры во дворе в футбол, баскетбол, волейбол (70 %); распитие слабоалкогольных напитков (72 %); поход в клуб, бар, на дискотеку (40 %); кражи (35 %) и другие правонарушения (см. рис. 2).

Можно сделать вывод о недостаточно организованном досуге подростков: наиболее распространенными занятиями являются прогулки с друзьями (49 % респондентов), Интернет (35 %), телевизор (18 %). Только треть подростков (32 %) занимаются спортом в секциях или клубах, но и то больше половины из них (19 %) не на регулярной основе, а эпизодически. Достаточно часто подростки отмечают скуку, что дома (11 %), что вместе с друзьями (16 % почти всегда, 61 % иногда).

Рис. 2. Формы совместного досуга, в % от числа респондентов

Разнообразие в досуг несовершеннолетних вносит употребление психоактивных веществ. Среди воспитанников воспитательных колоний 45 % употребляли алкоголь несколько раз в неделю, 7 % – ежедневно. Самый ранний опыт употребления наркотиков зафиксирован в 9-летнем возрасте. Практически половина (46 %) впервые попробовали наркотик в 12–13 лет. Употребление психоактивных веществ опасно не только постепенным разрушением личности, но и связями с противоправным поведением (см. приведенные выше данные по преступности несовершеннолетних).

Психологи ищут истоки противоправного поведения в мотивационной сфере. Результаты эмпирических исследований приводят

к выводу о том, что «мотивационная сфера правонарушителей сдвинута от общественного к личностному, от социального к индивидуальному... от духовного к материальному, от должного к желаемому, от устойчивого к ситуативному, от рационального к эмоциональному» [13, с. 36].

Для несовершеннолетних правонарушителей характерна определенная система ценностей и социальных установок. Каждый пятый воспитанник воспитательной колонии считает, что нет ничего плохого в том, что люди курят «травку», каждый шестой – в том, чтобы сильно отличаться от других людей своим поведением, своими мыслями, привычками. Если в целом несовершеннолетние высказываются против проявления

насилия и агрессии (при отвлеченном или обобщенном характере вопросов), то только половина из них выражает несогласие с тем, что если кто-то нападет на них, то они ударят в ответ. Косвенное подтверждение склонности к агрессивным проявлениям можно заметить у каждого четвертого, кто согласен с высказыванием: «Когда я зол по-настоящему, другим людям лучше держаться от меня подальше».

Также психологи обращают внимание на проблемы временной перспективы у несовершеннолетних правонарушителей: низкий уровень общей осмысленности жизни, слабость функций планирования и прогнозирования поведения [9]. Жизненные планы правонарушителей расплывчаты, неконкретны, краткосрочны. При пребывании в исправительном учреждении большая часть осужденных не нацелена на реализацию дальних жизненных планов [14]. По данным нашего исследования, четвертую часть воспитанников воспитательных колоний (22 %) больше заботит то, что произойдет в ближайшее время, а не в отдаленном будущем. Они не могут сказать, какие цели в их жизни, в каких сферах привлекателен успех. Но чаще всего успех в жизни у несовершеннолетних правонарушителей ассоциируется в основном с материальной составляющей: богатством (30 %), наличием престижной собственности (20 %), возможностью жить не хуже других (28 %). Среди ценностей называются наличие крепкой семьи и детей (22 %) и честно прожитая жизнь (25 %).

Подростки считают, что человек правильно прожил жизнь, если его уважают и ценят люди (55 %); он имеет крепкую семью, друзей (41 %); может обеспечить себя и свою семью всем, что они захотят (35 %); прожил жизнь, как хотел, и делал в жизни, что хотел (29 %). Такие человеческие качества, как честность, доброта, смелость, дружелюбие, не получают должного признания, поскольку в современной жизни нужно быть сильным (40 %), уверенным в себе (38 %), удачливым (36 %), обеспеченным (33 %).

Подтвердился и отмечаемый И. Ю. Борисовым [7] факт склонности несовершеннолетних к рискованному поведению: 36 % воспитанников воспитательных колоний идут на риск просто ради удовольствия, 28 % нравится проверять себя, делая что-то рискованное.

К проявлениям девиантного или противоправного поведения несовершеннолетнего подталкивает невозможность найти другой выход из сложившейся трудной жизненной ситуации (ТЖС). По мнению самих подростков, серьезную проблему, с которой им трудно справиться самостоятельно, представляют ситуации с учебой (48 %), отсутствие взаимопонимания, конфликты с родителями (28 %), недостаток любви и заботы со стороны взрослых (25 %), отсутствие денег (28 %), недостаток развлечений (26 %), скука, отсутствие интересных занятий (22 %). При возникновении тяжелой жизненной ситуации несовершеннолетние предпочитают уход в Интернет, игру, телевидение (32 %), уход в себя (22 %), поиск собеседника (24 %), иногда самостоятельный поиск выхода (10 %). В редких случаях (15 %) подросток с кем-то советовался. За помощью они чаще всего обращались родителям (84 %), друзьям (69 %), учителям (64 %). Отметили, что не обращались за помощью к школьному психологу 62 % респондентов, администрации школы – 55 %, но и взрослые тоже не обращали на них внимание. При просьбе о помощи столкнулись с негативными эмоциями со стороны родителей 23 % подростков, учителей – 30 %, администрации школы – 20 %, сотрудников милиции – 21 %. Только друзья и школьный психолог не ругали, не угрожали и не стыдили. Подростки считают, что помогли им справиться с проблемой друзья (25 %), изредка – родители (15 %).

Как влияет на совершение противоправных действий материальный фактор? Финансовые проблемы характерны для семей несовершеннолетних правонарушителей, в том числе для 60 % семей воспитанников воспитательных колоний (см. табл. 4).

Таблица 4

Финансовое положение семей несовершеннолетних правонарушителей

Финансовое положение	Семьи воспитанников воспитательных колоний, %	Семьи несовершеннолетних, состоящих на учете в комиссии по делам несовершеннолетних, %
1	2	3
Мы не могли свести концы с концами, всегда в долгах	33	10

1	2	3
Денег едва хватало на самое необходимое	29	28
Экономии, но жили прилично	28	44
Могли многое себе позволить и имели сбережения	3	14
Не отказывали себе ни в чем	3	4

Чаще всего к совершению правонарушения подростков подталкивает пример сверстников (34 % случаев). Несовершеннолетние говорят о том, что им не хотелось показаться в глазах сверстников лохом или трусом. Таким образом, подтверждается тезис о том, что в компаниях несовершеннолетних часто возникают ситуации угрозы самооценке, которые приводят к совершению противоправных действий.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день продолжают вызывать тревогу такие характеристики преступности несовершеннолетних, как групповой характер, рецидивность, совершение преступления в состоянии опьянения.

На формирование противоправного поведения несовершеннолетних оказывают влияние следующие факторы:

1) социально-психологические факторы на уровне семьи: неправильные стили семейного воспитания (безконтрольность, наказания, отчуждение, безразличие со стороны родителей), девиантные паттерны поведения (алкогольная или наркозависимость членов семьи, криминальность). Внутрисемейное общение направлено пре-

имущественно на контроль успеваемости и посещения школы. Часто происходит фактический отрыв подростка от семьи. Функции воспитания оказываются для большинства семей непосильными без государственной поддержки, однако механизмы социального контроля не могут компенсировать недостатки семейного воспитания;

2) социально-психологические факторы на уровне школы и референтных групп: школьная дезадаптация, отвержение одноклассниками, делинквентность референтной группы.

Несовершеннолетние воспринимают как трудности, с которыми они не могут справиться самостоятельно, ситуации неудовлетворенности базовых потребностей в заботе и уходе, эмоциональной привязанности, потребности в разнообразной досуговой деятельности. На фоне ослабленного социального контроля происходит рост девиаций. Поэтому в целях профилактики и коррекции противоправного поведения несовершеннолетних необходима разработка мероприятий, направленных на усиление механизмов социального контроля в подростковой среде и изменение самой среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бандура А. Теория социального научения. СПб., 2000.
- Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. М., 2000.
- Башкатов И. П. Психология неформальных подростково-молодежных групп. М., 2000.
- Беличева С. А. Основы превентивной психологии. М., 1993.
- Белкин А. С. Теория педагогической диагностики и предупреждения отклонений в поведении школьников : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1980.
- Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2001.
- Борисов И. Ю. Механизм гедонистического риска и его роль в отклоняющемся поведении молодежи // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 3. С. 63–74.
- Бухлина Л. Ю. Исследование социальных позиций подростков с различной степенью изоляции от семьи // Девиантология : хрестоматия / авт.-сост. Ю. А. Клейберг. СПб., 2007. С. 24–32.
- Васильева Ю. А. Особенности смысловой сферы личности при нарушении социальной регуляции поведения // Психол. журн. 1997. № 2. Т. 18. С. 58–78.
- Змановская Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2004.
- Ковалев В. В. Социально-психиатрический аспект проблемы девиантного поведения у детей и подростков // Нарушения поведения у детей и подростков. М., 1981. С. 11–23.
- Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб., 2010.
- Лунеев В. В. Функции мотивации // Криминальная мотивация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1986. С. 19–36.
- Наприс А. В. Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодежного возраста : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 1997.
- Неумоева Е. В. Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте // Девиантология : хрестоматия / авт.-сост. Ю. А. Клейберг. СПб., 2007. С. 84–93.
- Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М., 2007.
- Птичкина Е. Л. Внутрисемейные детерминанты девиантного поведения старших подростков : дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
- Реан А. А. Практическая психодиагностика личности : учеб. пособие. СПб., 2001.
- Свистунова Е. В. Особенности Я-концепции подростков с нарушением поведения : дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.

20. Смолева Е. О. Анализ психологических теорий девиантности несовершеннолетних. URL: <http://psychology.snauka.ru/2014/06/3322> (дата обращения: 25.01.2017).
21. Смолева Е. О. Влияние стилей семейного воспитания на формирование локуса контроля несовершеннолетних // Психопедagogика в правоохранительных органах. 2009. № 4 (39). С. 57–59.
22. Фельдштейн Д. И. Трудный подросток. М.; Воронеж, 2008.
23. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. В. Семейная психотерапия. Л., 1989.

REFERENCES

1. Bandura A. Teoriya social'nogo naucheniya [Theory of social learning]. St. Petersburg, 2000. (In Russ.).
2. Bandura A., Wolters R. Podrozkovaya agressiya [Adolescent Aggression]. Moscow, 2000. (In Russ.).
3. Bashkatov I. P. Psihologiya neformal'nyh podrozkovo-molodezhnyh grupp [Psychology of informal youth groups]. Moscow, 2000. (In Russ.).
4. Belicheva S. A. Osnovy preventivnoj psihologii [Fundamentals of preventive psychology]. Moscow, 1993. (In Russ.).
5. Belkin A. S. Teoriya pedagogicheskoy diagnostiki i preduprezhdeniya otklonenij v povedenii shkol'nikov : avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [Theory of pedagogical diagnostics and prevention of deviations in the behavior of schoolchildren : the diss. ... Dsc. in Pedagogy]. Moscow, 1980. (In Russ.).
6. Berkovic L. Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol' [Aggression: causes, consequences and control]. St. Petersburg, 2001. (In Russ.).
7. Borisov I. YU. Mekhanizm gedonisticheskogo riska i ego rol' v otklonyayushchemsya povedenii molodezhi [The mechanism of hedonistic risk and its role in deviant behavior of young people]. Mir psihologii i psihologiya v mire – World of psychology and psychology in the world. 1995. Iss. 3. P. 63–74. (In Russ.).
8. Buhlina L. YU. Issledovanie social'nyh pozicij podrozkov s razlichnoj stepen'yu izoljacii ot sem'i [Study of social positions of adolescents with different degrees of isolation from the family]. Deviantologiya : hrestomatiya / avt.-sost. YU. A. Klejberg – Deviantology : chrestomathy : auth.-comp. Yu. Kleiberg. St. Petersburg, 2007. P. 24–32. (In Russ.).
9. Vasil'eva YU. A. Osobennosti smyslovoj sfery lichnosti pri narushenii social'noj reguljacii povedeniya [Features of the semantic sphere of personality in violation of social regulation of behavior]. Psihol. zhurn. – Psychological journal. 1997. Iss. 2. Vol. 18. P. 58–78. (In Russ.).
10. Zmanovskaya E. V. Deviantologiya (Psihologiya otklonyayushchegosya povedeniya) : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedenij [Deviantology (Psychology of deviant behavior) : tutorial for students of higher educational institutions]. Moscow, 2004. (In Russ.).
11. Kovalev V. V. Social'no-psihiatricheskij aspekt problemy deviantnogo povedeniya u detej i podrozkov [Socio-psychiatric aspect of the problem of deviant behavior in children and adolescents]. Narusheniya povedeniya u detej i podrozkov – Behavioral disorders in children and adolescents. Moscow, 1981. P. 11–23. (In Russ.).
12. Lichko A. E. Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrozkov [Psychopathy and accentuation of character in adolescents]. St. Petersburg, 2010. (In Russ.).
13. Luneev V. V. Funkcii motivacii [The functions of motivation]. Kriminal'naya motivaciya / otv. red. V. N. Kudryavcev – Criminal motivation : ed. by V. N. Kudryavtsev. Moscow, 1986. P. 19–36. (In Russ.).
14. Napris A. V. Psihologicheskaya harakteristika lichnostnyh zhiznennyh planov i ih vliyanie na povedenie osuzhdennyh molodezhnogo vozrasta : avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [Psychological characteristics of personal life plans and their impact on the behavior of young convicts : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Psychology]. Ryazan, 1997. (In Russ.).
15. Neumoeva E. V. Odinochestvo kak psihicheskij fenomen i resurs razvitiya lichnosti v yunosheskom vozraste [Loneliness as a mental phenomenon and resource of personality development in adolescence]. Deviantologiya : hrestomatiya / avt.-sost. YU. A. Klejberg – Deviantology : chrestomathy : auth.-comp. Yu. Kleiberg. St. Petersburg, 2007. P. 84–93. (In Russ.).
16. Pirozhkov V. F. Kriminal'naya psihologiya [Criminal psychology]. Moscow, 2007. (In Russ.).
17. Ptichkina E. L. Vnutrisemejnye determinanty deviantnogo povedeniya starshih podrozkov : dis. ... kand. psihol. nauk [Intrafamily determinants of deviant behavior of older adolescents : the diss. ... PhD. in Psychology]. Moscow, 2001. (In Russ.).
18. Rean A. A. Prakticheskaya psihodiagnostika lichnosti : ucheb. posobie [Practical psychodiagnosics of personality : tutorial]. St. Petersburg, 2001. (In Russ.).
19. Svistunova E. V. Osobennosti YA-koncepcii podrozkov s narusheniem povedeniya : dis. ... kand. psihol. nauk [Features I-concept of adolescents with behavioral disorders : the diss. ... PhD. in Psychology]. Moscow, 2001. (In Russ.).
20. Smoleva E. O. Analiz psihologicheskijh teorij deviantnosti nesovershennoletnih [Analysis of psychological theories of juvenile deviance]. Available at: <http://psychology.snauka.ru/2014/06/3322> (accessed 25.01.2017). (In Russ.).
21. Smoleva E. O. Vliyanie stilej semejnogo vospitaniya na formirovanie lokusa kontrolya nesovershennoletnih [The influence of family education styles on the formation of the control locus of minors]. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah – Psychopedagogics in law enforcement agencies. 2009. Iss. 4 (39). P. 57–59. (In Russ.).
22. Fel'dshtejn D. I. Trudnyj podrozkok [Difficult teenager]. Moscow ; Voronezh, 2008. (In Russ.).
23. EHjdemiller EH. G., YUstickij V. V. Semejnaya psihoterapiya [Family psychotherapy]. Leningrad, 1989. (In Russ.).

УДК 343.974:343.8

О причинах и условиях совершения массовых беспорядков осужденными в местах лишения свободы

А. А. АЛИМПЬЕВ – адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России

Реферат

Статья посвящена исследованию причин и условий совершения массовых беспорядков осужденными, содержащимися в местах лишения свободы.

Целью исследования является предложение мер организационно-правового и профилактического характера по противодействию массовым беспорядкам на основе выявленных закономерностей в поведении осужденных, склонных к их совершению.

В статье проведен анализ экспериментальных данных, полученных в ходе изучения социально-психологических особенностей осужденных, сквозь призму которых вскрываются причины и условия, способствующие совершению массовых беспорядков в пенитенциарных учреждениях.

Приводятся примеры и обосновываются предложения по учету зарубежного и отечественного ретроспективного опыта стимулирования законопослушного поведения у осужденных при отбытии наказания в местах лишения свободы.

Основные положения статьи представляют авторское видение проблемных моментов в профилактической деятельности исправительных учреждений, способствующих совершению массовых беспорядков группами осужденных отрицательной направленности.

Автором сделаны выводы, результаты которых представлены в объективированных предложениях по ослаблению причин и условий, способствующих совершению массовых беспорядков в пенитенциарных учреждениях ФСИН России.

Ключевые слова: массовые беспорядки; причины и условия совершения массовых беспорядков; места лишения свободы.

On the causes and conditions of mass disorders committed by convicts in places of detention

A. A. ALIMPIEV – Adjunct of the Department of Criminal Law and Criminology of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract

The article is devoted to the study of the causes and conditions of the commission of mass disorders by convicts held in places of deprivation of liberty.

The purpose of the study is to propose measures of organizational, legal and preventive nature to counter mass disorders based on the identified patterns in the behavior of convicts who are prone to committing them.

The article analyzes the experimental data obtained during the study of the socio-psychological characteristics of convicts through the prism of which reveals the causes and conditions conducive to the commission of disorders in penal institutions.

Examples and proposals for accounting for foreign and domestic retrospective experience of encouraging law-abiding behavior among convicts while serving their sentences in places of detention are given.

The main provisions of the article represent the author's vision of the problem points in the preventive activities of correctional institutions, which contribute to the commission of mass disorders by groups of convicts of negative orientation.

The author has drawn conclusions the results of which are presented in objectified proposals to alleviate the causes and conditions conducive to the commission of mass disorders in the penal institutions of the Federal Penal Service of Russia.

Keywords: mass disorders; the causes and conditions of the mass disorders; places of imprisonment.

Массовые беспорядки как негативное социальное и уголовно-правовое явление затрагивают не только сферу охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при проведении массовых мероприятий, но и систему обеспечения режима изоляции осужденных в учреждениях ФСИН России при исполнении наказания в виде лишения свободы.

Вероятность совершения осужденными к лишению свободы массовых беспорядков, сопровождающихся погромами, поджогами, уничтожением и повреждением имущества, применением насильственных действий в отношении представителей органов государственной власти, социальной, этнической, религиозной и иной группы лиц, достаточно велика ввиду сформировавшихся

ся антиобщественных установок, которые и способствовали привлечению к уголовной ответственности указанных лиц.

В связи с этим и для территориальных органов внутренних дел, осуществляющих профилактическую работу в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы по месту регистрации, и для служб, исполняющих наказания, в контексте профилактики массовых беспорядков и группового нарушения общественного порядка огромное значение приобретают уяснение причин их совершения, а также разработка на этом основании действенных мер по недопущению подобных фактов со стороны осужденных и ранее судимых.

Вместе с тем начальной стадии профилактической работы с категорией осужденных предшествует выявление отличительных психологических особенностей осужденных лиц антиобщественной направленности по сравнению с категориями положительно характеризующихся групп заключенных и законопослушных граждан.

В криминологическом прогнозировании поведения осужденных в местах лишения свободы или лиц, находящихся под условным осуждением, на первый план выдвигается определение социальной идентичности индивидуума, понимание которой позволяет установить причины группового поведения и ответить на вопрос, что толкнуло отдельного осужденного на вступление в ряды бунтующих как в местах лишения свободы, так и при проведении незаконных собраний, митингов, шествий и т. д.

Известный тезис о том, что подобное притягивает подобное, находит свое отражение в формировании особой субкультуры в местах лишения свободы, которая и ориентирует субъекта на антиобщественную установку, заставляет искать сходство со своей референтной группой и находить отличие от не разделяющих ее ценности иными общностями людей.

Полагаем, что в деле противодействия массовым беспорядкам в местах лишения свободы и профилактики их совершения ранее судимыми лицами, находящимися на свободе, эффективным средством является психологическое и социальное изучение их идентичности.

Что касается вопросов о причинном комплексе массовых беспорядков в местах лишения свободы, то интерес представляют результаты исследования личности осужденных на предмет их криминализации. Так,

психологами при исследовании был применен метод сравнения особенностей самоидентификации. Выборку составили 893 человека, отбывавшие на тот момент наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях ФСИН России по Свердловской области, характеризовавшиеся как отрицательно настроенные. Контрольная группа состояла из 320 осужденных, вставших на путь исправления, этих же учреждений.

По итогам настоящего исследования была выявлена значительная разница в особенностях социального поведения сравниваемых групп, которые нашли отражение в том, что у группы отрицательно характеризующихся осужденных в большей степени возникает трудность в самоидентификации, нежели у категории вставших на путь исправления [4, с. 98].

Отличия в эмоционально-волевой сфере лиц, совершивших насильственные преступления, и законопослушных граждан, а также судимых за ненасильственные преступления, выделял Ю. М. Антонян, подчеркивая, что насильственным преступникам в большей мере присуща «ярко выраженная импульсивность» [1, с. 54–55].

Логично в связи с этим предположить, что упомянутая импульсивность снижает личный контроль над происходящими событиями у участников массовых беспорядков, приводит к необдуманным поступкам и разрушительным стихийным действиям.

Нашу гипотезу подтверждают фактические данные проведенного в 1969–1974 гг. психолого-криминологического исследования по изучению характерных особенностей членов городских молодежных группировок антиобщественного характера, приговоренных к отбытию наказания в исправительных учреждениях Татарской ССР [2, с. 38].

Круг исследуемых составили лица, дифференцированные на две группы по 40 осужденных в каждой: 1) лица 18-летнего возраста, совершившие впервые преступное деяние, 2) 20-летние осужденные, отбывающие срок наказания в виде лишения свободы повторно.

Контрольная группа состояла из студентов, обучавшихся на первом курсе Казанского государственного университета, в количестве 40 человек [2, с. 39].

Исследование в группах проводилось по параметрам, характеризующим такие качества и способности, отражающиеся в психомоторике человека, как чувство времени и пространства.

Прибегнув к помощи разработанных в лаборатории Казанского государственного университета программ, опираясь на применение комплекса методик исследования высшей нервной деятельности, мы установили достаточно большие различия между сравниваемыми группами как в восприятии действительности, так и в психологических реакциях при выполнении условных заданий [2, с. 46].

Так, по уровню тревожности группа осужденных в своем большинстве превзошла своих законопослушных сверстников, что также подтвердилось превосходством студентов по критерию эмоциональной устойчивости [2, с. 47].

Проявилось яркое отличие и в заниженных возможностях осужденных по переработке поступающей информации, что выразилось в увеличении времени, необходимого для решения вводных заданий, и большем по сравнению со студентами количестве ошибок при их выполнении [2, с. 48].

Эксперимент показал, что у осужденных имеются определенные проблемы в ориентировании во времени и пространстве. По этому показателю студенты продемонстрировали большую точность и более низкий уровень тормозного процесса [2, с. 49].

Проведенное исследование являет собой любопытный факт и одновременно предстает аргументом в обосновании тезиса о том, что разница в обработке поступающих из объективной действительности данных и восприятии информации между насильственными преступниками и законопослушными гражданами явно наличествует.

Объединяя рассмотрение характеристики лиц, совершивших групповые нарушения общественного порядка и насильственные преступления, с соответствующим причинным комплексом, отметим, что в гипотетической возможности возникновения массовых беспорядков в местах лишения свободы не последнюю роль играет упомянутая выше неполноценность в интеллектуально-волевой сфере осужденных.

В механизме массовых беспорядков, совершаемых осужденными как в местах лишения свободы, так и вне мест их изоляции от общества, вступает во взаимодействие сочетание определенных условий и причин.

О. В. Старков, описывая обстоятельства, предшествующие массовым беспорядкам в местах лишения свободы, относил их к «множащейся криминогенной ситуации». Как правило, поводом для их начала выступали «защита своих прав осужденными» и «отста-

ивание ценностей», считающихся наиболее престижными в среде осужденных, сохранение влияния на контингент осужденных криминальными авторитетами [8, с. 211].

Приведенные В. Г. Громовым данные анкетного опроса осужденных о причинах массовых беспорядков демонстрируют оправдательную позицию – адекватный ответ на «незаконные действия администрации исправительного учреждения, выражающиеся в грубом отношении к осужденным, превышении власти и злоупотреблении полномочиями». Именно на это обстоятельство указало подавляющее количество участвовавших в опросе респондентов, что составило 55,8 % от общего числа опрошенных. Относительно наличия поводов и условий, способствующих массовым эксцессам в исправительных учреждениях, 30 % из числа практических сотрудников указало на «неудовлетворительное материально-бытовое обеспечение осужденных и условия их содержания» [3, с. 75–85].

Однако сами осужденные эти причины в анкетном опросе не указали, хотя, как показывает практика, массовые неповиновения сотрудникам администрации исправительных учреждений, перерастающие в массовые беспорядки, вуалируются именно под требования улучшения социально-бытовых условий режима содержания.

Примеры судебной практики иллюстрируют данное положение и при квалификации призывов к массовым беспорядкам.

Так, будучи осужденным, Журавлев С. В. в период отбывания наказания в одном из исправительных учреждений УФСИН России по Забайкальскому краю, преследуя личные интересы, необоснованно желая изменить условия содержания в колонии, вопреки установленным правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений и режиму отбывания наказания в исправительном учреждении общего режима, заведомо зная о неприязненном отношении части отрицательно настроенных осужденных к сотрудникам колонии, решил использовать указанный факт в своих интересах и путем призывов и личным примером вовлечь данную категорию осужденных в участие в массовых беспорядках.

В материалах данного уголовного дела нашли отражение факты погромов и поджогов общежития исправительной колонии, в результате которых был причинен ущерб на сумму 135 731 руб. 95 коп. [7].

Вероятно, отклик в форме активных противоправных действий был связан и с вы-

соким статусным положением, занимаемым Журавлевым С. В. в среде осужденных. Возможно, оно и повлияло на мотивацию заключенных осуществить погромы под страхом психологического или силового воздействия со стороны группы, занимающей лидирующее криминальное положение, которую представлял виновный.

О наличии аналогичного приведенному в примере мотива говорит в своей работе С. А. Хохрин, проведший диссертационное исследование по теме совершения массовых беспорядков в местах лишения свободы.

Анкетирование, организованное им в местах лишения свободы среди осужденных, установило, что массовые беспорядки в пенитенциарных учреждениях совершаются под давлением авторитета неформальных лидеров [9, с. 142].

Очевидно, что ситуация, при которой осужденный делает выбор в пользу участия в групповых эксцессах под страхом применения к нему насилия со стороны криминальных авторитетов, говорит о том, что администрация пенитенциарного учреждения потеряла полный контроль за внутренними процессами в среде контингента осужденных и это неминуемо повлечет осложнение оперативной обстановки, а массовые беспорядки станут эффективным средством шантажа.

Запущенный маховик хода массовых беспорядков в местах лишения свободы является закономерным следствием недостатков в организации оперативного обслуживания, сбора оперативной информации о взаимоотношениях осужденных, намерениях неформальных лидеров и криминальных авторитетов, диктующих свои условия потерявшей контроль над ситуацией администрации учреждения.

Сложившаяся ситуация может привести:

- к дальнейшему несоблюдению режима отбывания наказания;
- попустительству со стороны обслуживающего персонала и безнаказанности осужденных за нарушение режима;
- нарушению прав отдельных категорий осужденных со стороны отрицательно настроенной группы заключенных;
- формированию отдельных группировок заключенных, их дифференциации и дальнейшему противостоянию за распределение сфер влияния.

Перечисленные условия облегчают переход внешней множасьей ситуации в фазу возникновения конфликта, инспирированного организаторами в различных целях, к

которым можно отнести облегчение условий режима содержания, противодействие администрации исправительного учреждения в исполнении ее служебных функций, расправу над определенной группой лиц.

Владея информацией о психологических особенностях осужденных за насильственные преступления, рецидивистов и отрицательно характеризующихся заключенных, не желающих встать на путь исправления, которые практически во всех случаях являются организаторами и активными участниками массовых беспорядков, мы исключаем в качестве причины совершения последних злоупотребление своими полномочиями и превышение власти при повседневном исполнении служебных обязанностей со стороны сотрудников системы исполнения наказаний.

Мы вовсе не отрицаем, что неправомерные действия сотрудников могут являться условием и поводом для вспышки протеста, но никаким образом они не могут стать причинами бунта.

Напротив, ситуация будет обострена, если администрация учреждения пойдет на поводу у группы осужденных отрицательной направленности. Выполнение требований осужденных, организовавших массовое неповиновение, и уступка им инициативы при ведении переговорного процесса свидетельствуют о непрофессионализме и некомпетентности соответствующих должностных лиц системы исполнения наказаний.

Что касается непрофессионализма отдельных сотрудников пенитенциарной системы, то интерес и вместе с ним определенную озабоченность вызывают данные исследования 312 аттестованных сотрудников учреждений ФСИН России по Свердловской области. Проведенное по методике изучения процессов идентификации личности и определения правосознания обследование поставило под сомнение устойчивость их поведения в экстремальных ситуациях с позиции следования нормативным и служебно-профессиональным нормам [4, с. 113–115].

Представив вероятность наступления массовых беспорядков в учреждениях с персоналом, имеющим такие моральные качества, можно сказать, что проблемы организационно-управленческого плана, во-первых, выступают условиями для организации групповых нарушений, во-вторых, порождают причины, по которым отдельный субъект преступления считает допустимым принять в нем участие.

Но указанное обстоятельство лишь создает благоприятные условия для совершения массовых беспорядков, причины же их связаны с психологической структурой личности, предрасположенной к насилию и агрессии.

Компетентные органы должны обратить внимание на данный факт и начать осуществлять целенаправленную профилактическую работу в отношении лиц подобного психологического склада. Но на сегодняшний день в уголовно-исполнительной практике отсутствует законодательно и нормативно закреплённая система, регламентирующая порядок фиксации информации о первоначальных условиях формирования личности.

Углублённое познание психологической структуры личности, вставшей на преступный путь, способствующее вовлечению осуждённого в сферу целенаправленного индивидуального профилактического воздействия, нашло отражение в практической деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан после произошедших в уголовной политике Казахстана изменений и нововведений, в частности принятия закона о пробации [5].

Пробация как социально-правовой институт и инструмент реализации уголовно-исполнительной политики представляет собой систему правовых, социальных и контрольных мер, применяемых в отношении осуждённых и ранее судимых лиц в целях предупреждения совершения преступлений и коррекции их поведения.

Закон Республики Казахстан «О пробации», кроме осуждённых и ранее судимых лиц, вовлекает в орбиту своего действия подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых одновременно с приобретением ими соответствующего процессуального статуса составляется индивидуальная программа оказания социально-правовой помощи. Созданию данной программы предшествует досудебный доклад, содержащий информацию о личностных особенностях обвиняемого и подозреваемого, который готовится сотрудниками службы пробации.

С учетом того что служба пробации является структурным подразделением Комитета уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан, можно предположить наличие предупредительного эффекта в отношении личности потенциального осуждённого, гипотетически приговариваемого в дальнейшем к отбытию наказания в местах лишения свободы, полная информация о котором предстанет перед администрацией учреждения к моменту его прибытия.

Возможное внедрение и дальнейшая адаптация в деятельности пенитенциарных учреждений ФСИН России элементов института пробации, на наш взгляд, расширили бы возможности изучения профилируемых лиц в социальной и психологической плоскостях, что также могло бы способствовать увеличению объема информации об особенностях неблагоприятных моральных и материальных условий нравственного формирования личности каждого из осуждённых.

По нашему мнению, имея достаточно данных подобного характера, можно объяснить и в дальнейшем спрогнозировать агрессивность и жестокость учиняемых массовых беспорядков в местах лишения свободы, а также выяснить истинные причины происхождения конфликта индивидуума с обществом, который впоследствии и приводит человека на скамью подсудимых.

Полагаем, что рассматривавшееся свойство тревожности, имманентно присущее на психофизиологическом уровне насильственным преступникам, затрудняет им не только возможность личной самореализации, но и развитие соответствующих индивидуальных качеств и способностей, позволяющих заняться приемлемым социально одобряемым видом профессиональной деятельности.

Психологические дефекты, препятствующие адекватному восприятию действительности, ограниченный потенциал способностей, умений, навыков вкупе с негативными и асоциальными качествами приводят в ответственный период жизни такого индивида к пониманию ущербности его личности.

Объединение на почве взаимных преступных и антиобщественных интересов с такими же людьми, избирающими деструктивные формы поведения в виде насилия, представляется естественной реакцией на социальные условия жизни индивидуумов подобного типа.

Но смысл деятельности органов исполнительной системы и их профилактические задачи скорее бы обесценились, если с полной фаталистичностью признать, что сознание и мотивация осуждённых с таким складом личности не подвергается никакому исправительному воздействию.

Повышению эффективности профилактической работы в учреждениях ФСИН России могло бы способствовать активное переориентирование личности отрицательно характеризующихся осуждённых на диаметрально противоположные принятым в криминальной субкультуре адаптационные

модели, то есть постановка их на рельсы социально одобряемого поведения.

При формировании предложения по совершенствованию профилактической работы с такой категорией осужденных мы вынуждены прибегнуть к термину «провокация», но в данном случае она будет означать изменение внутренних мотивов личности осужденного, и, возможно, при положительном применении войдет в методологию пенитенциарной практики как одноименный самостоятельный метод.

Провоцировать к изменению мотивов можно при помощи проведения культурно-досуговых мероприятий, улучшения социально-бытовых условий, применения мер поощрения, предоставления определенных привилегий за соблюдение режима.

Примечателен в этой связи существующий опыт Бразилии, в федеральных тюрьмах которой введена программа по поощрению чтения. Согласно данной программе прочтение одной книги сокращает срок заключения на четыре календарных дня. При этом необходимо подтверждение усвоенного материала в форме написания сочинения по прочитанному произведению, которое предоставляется на рассмотрение комиссии.

Не менее интересными в той же Бразилии являются инициативы по поощрению общественно полезного труда. Арестанты тюрьмы муниципалитета Санта-Рита-ду-Сапукаи, занимаясь на велотренажерах, подключенных к динамо-машинам, обеспечивают электричеством городские уличные фонари. Заключение таким образом получают возможность физических тренировок, вычитывающих один день за каждые 16 часов, проведенных на велотренажере [6].

Моделируя гипотетическое использование такого рода мер в исправительных учреждениях Российской Федерации, обращаем внимание на то, что для потенциальных участников массовых беспорядков они бы имели больший профилактический эффект, чем действующая система дисциплинарных взысканий.

Признав заслуживающим внимания зарубежный опыт профилактики преступлений в местах лишения свободы, было бы несправедливым обойти стороной факт успешного перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в отечественных трудовых колониях в 20–30-е гг. XX в., благодаря которому А. С. Макаренко считается выдающимся педагогом.

Система Макаренко строилась на воспитании трудом, коллективом и постоянной

практике спортивных игр, прививающих чувство коллективизма.

Круговая коллективная порука использовалась им исключительно в положительном русле. Мотивация через поощрение за производственные успехи отрядов, соревновавшихся между собой, кроме привития личной трудовой дисциплины рождала в каждом правонарушителе чувство коллективизма. А. С. Макаренко создал условия для трансформации побуждений к объединению на почве антиобщественных взглядов и противоправного поведения в мотивацию к общественно полезному труду.

Результаты труда воспитанников по масштабам и сложности поражают сознание. По меркам своего времени колонисты выдавали высокотехнологичную продукцию на построенных ими же заводах по производству электромеханических инструментов. На одном из таких заводов выпускались знаменитые фотоаппараты «ФЭД» [10], которые сейчас по ценности можно приравнять к популярному телефону iPhone.

В современных условиях невозможно представить колонию для несовершеннолетних, наладившую производство электронной техники или компьютерных программ. А между тем А. С. Макаренко и его воспитанникам решение такой задачи оказалось по силам.

В дополнение к вышесказанному выразим надежду, что со временем бразильский опыт по повышению культурного уровня осужденных найдет отражение в УИК РФ, нормативных актах ФСИН России и воплотится в уголовно-исполнительной практике.

Таким образом, проведя анализ причин и условий совершения массовых беспорядков в местах лишения свободы, а также исследовав эмпирические данные, отражающие особенности, характеризующие личность совершивших их и состоявших в группах антиобщественной направленности осужденных, мы пришли к следующим выводам:

1. Совокупность результатов психологических исследований свидетельствует о наличии близкого сходства в личностных структурах у лиц, совершивших массовые беспорядки, насильственные преступления, состоящих в преступных группах, и резко их отличия от законопослушных граждан.

Возможности по адаптации и самореализации законным путем затруднены у таких лиц из-за наличия импульсивности, депрессивности и тревожности.

2. Попустительство сотрудников нарушениям заключенных, уступки лидерам групп

отрицательной направленности приводят к потере оперативных позиций и контроля над ситуацией, являются условием, облегчающим совершение массовых беспорядков в местах лишения свободы.

3. Противодействие криминальных авторитетов администрации исправительных учреждений представляет собой множасьую криминогенную ситуацию, которая неизбежно приводит к совершению массовых беспорядков в местах лишения свободы.

Связующим звеном между множасьей криминогенной ситуацией и непосредственным совершением массовых беспорядков выступают поводы под такими предложениями, как защита своих прав осужденными и отстаивание ценностей, считающихся наиболее престижными в среде осужденных.

4. Психологическая структура личностных особенностей выступает ведущей причиной совершения массовых беспорядков, о чем говорят данные психологических исследований. При этом отмечается влияние на причинный комплекс отсутствия соответствующих условий для полноценного развития личности.

Этим может быть объяснена мотивация насильственной формы поведения, вступления в ряды антиобщественных группировок и проявления агрессии.

Для ослабления действия причин и условий, способствующих совершению массовых беспорядков в пенитенциарных учреждениях ФСИН России, предлагаем следующий комплекс организационно-правовых и профилактических мер:

1. В условиях Российской Федерации заслуживает учета и внедрения казахстанский опыт применения института пробации. В соответствии с замыслом и логикой данного института компетентными органами проводится социально-психологический анализ

личности, попадающей в орбиту уголовных правоотношений.

2. В осуществлении профилактической деятельности с проблемным контингентом осужденных большое значение должно придаваться культурно-досуговой сфере, благоприятно влияющей на нравственное переформатирование отдельной личности осужденного, подавление его агрессивных наклонностей и настроения. Пример Бразилии, в исправительной практике которой применяется система поощрений за повышение своего культурного уровня, что влечет сокращение срока отбытия наказания, убеждает нас в том, что при внедрении подобных мер в России удалось бы переориентировать отрицательно настроенных осужденных на социально одобряемые формы поведения.

3. Наряду с возможностью внедрения зарубежного опыта профилактики преступлений в местах лишения свободы считаем реализуемой ретроспективу элементов системы А. С. Макаренко в воспитательных учреждениях системы ФСИН России. По нашему мнению, распространение этого полезного опыта будет способствовать ранней профилактике рецидивной преступности, перевоспитанию несовершеннолетних преступников, их самореализации и объединению коллективов с целью решения производственных задач, а не совершения групповых преступных действий.

4. Подбор и расстановка сотрудников исправительных учреждений ФСИН России на ответственные участки деятельности должны происходить только после качественно проведенного мониторинга морально-психологической готовности сотрудников и кандидатов на службу к действиям в условиях чрезвычайной ситуации при массовых нарушениях режима.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. М., 2000. 451 с.
2. Булатов Р. М. Преодолевая навязанные стереотипы: социальное и биологическое в правонарушающем поведении: теоретико-экспериментальный аспект. Казань, 2014. 100 с.
3. Громов В. Г. Массовые беспорядки как чрезвычайное событие в местах лишения свободы // Проблемы совершенствования правовых основ деятельности органов, исполняющих наказания : тр. Академии МВД России. М., 1995. С. 75–85.
4. Злоказов К. В. Конструирование идентичности и криминализация личности : моногр. Екатеринбург, 2017. 142 с.
5. О пробации : закон Республики Казахстан от 30.12.2016 № 38-ЗРК. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z160000038>
6. Почему заключенные в бразильских тюрьмах так много читают. URL: <http://www.meta.kz/interesnie-fakti/826121-pochemu-zaklyuchennyye-v-brazilskih-tyurmah-tak-mnogo-chitayut.html>
7. Приговор Краснокаменского городского суда (Забайкальского края) от 23.07.2012 по делу № 1-283/2012. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/8YdDz6hEiWH5>
8. Старков О. В. Предупреждение преступлений : учеб. пособие. М., 2005. 284 с.
9. Хохрин С. А. Массовые беспорядки, совершаемые осужденными в исправительных учреждениях (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 212 с.
10. «Я живу среди темных дикарей»: 125 лет назад родился Антон Макаренко. http://www.aif.by/timefree/history/_ya_zhivu_sredi_temnyh_dikarey_125_let_nazad_rodilsya_anton_makarenko

REFERENCES

1. Antonyan YU. M., Enikeev M. I., EHminov V. E. Psihologiya prestupleniya i nakazaniya [Psychology of crime and punishment]. Moscow, 2000. 451 p. (In Russ.).
2. Bulatov R. M. Preodolevaya navyazannye stereotipy: social'noe i biologicheskoe v pravonarushayushchem povedenii: teoretiko-eksperimental'nyj aspekt [Overcoming imposed stereotypes: social and biological in offending behavior: theoretical and experimental aspect]. Kazan, 2014. 100 p. (In Russ.).
3. Gromov V. G. Massovye besporyadki kak chrezvychnoe sobytie v mestah lisheniya svobody [Riots as an extraordinary event in places of deprivation of liberty]. Problemy sovershenstvovaniya pravovyh osnov deyatelnosti organov, ispolnyayushchih nakazaniya : tr. Akademii MVD Rossii – Problems of improving the legal framework of the bodies executing punishment : Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 1995. P. 75–85. (In Russ.).
4. Zlokazov K. V. Konstruirovaniye identichnosti i kriminalizatsiya lichnosti : monogr. [The construction of identity and the criminalization of the personality : monograph]. Ekaterinburg, 2017. 142 p. (In Russ.).
5. O probacii : zakon Respubliki Kazahstan ot 30.12.2016 № 38-ZRK [On probation : law of the Republic of Kazakhstan from 30.12.2016 № 38-LRK]. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000038> (In Russ.).
6. Pochemu zaklyuchennye v brazil'skih tyur'mah tak mnogo chitayut [Why prisoners in Brazilian prisons read so much]. Available at: <http://www.meta.kz/interesnie-fakti/826121-pochemu-zaklyuchennye-v-brazil'skih-tyurmah-tak-mnogo-chitayut.html> (In Russ.).
7. Prigovor Krasnokamenskogo gorodskogo suda (Zabajka'skogo kraja) ot 23.07.2012 po delu № 1-283/2012 [The verdict of the Krasnokamensk city court (Zabaikalsky Krai) from 23.07.2012 in the case № 1-283/2012]. Available at: <http://sudact.ru/regular/doc/8YdDz6hEiWH5> (accessed). (In Russ.).
8. Starkov O. V. Preduprezhdenie prestuplenij : ucheb. posobie [Crime prevention : tutorial]. Moscow, 2005. 284 p. (In Russ.).
9. Hohrin S. A. Massovye besporyadki, sovershaemye osuzhdennymi v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah (ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekt) : dis. ... kand. yurid. nauk [Mass riots committed by convicts in correctional institutions (criminal law and criminological aspects) : the diss. ... PhD. in Law]. Ryazan, 2011. 212 p. (In Russ.).
10. «YA zhivu sredi temnyh dikarej»: 125 let nazad rodilsya Anton Makarenko [«I live among the dark savages»: Anton Makarenko was born 125 years ago]. Available at: http://www.aif.by/timefree/history/_ya_zhivu_sredi_temnyh_dikarej_125 let_nazad_rodilsya_anton_makarenko (In Russ.).

УДК 336.225.682

К вопросу о либерализации наказания в налоговой сфере

С. А. ЯДРИХИНСКИЙ – доцент кафедры административного и финансово-го права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Ку-тафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье анализируется правовая проблема справедливого размера наказания за налоговое правонарушение, исследуются законный интерес налогоплательщика в уменьшении величины налогового штрафа и обязанность налогового органа принимать во внимание данный интерес, предлагается в каждом случае назначения наказания налогоплательщику учитывать причиненный им государству финансовый ущерб. Автором делается вывод о том, что современная плоская шкала налогового наказания излишне сурова: все без исключения правонарушения предусматривают наказание только в виде денежных взысканий (штрафов), и у правоприменителя нет возможности маневрировать в вопросе назначения наказания, что не в полной мере отвечает целям налогово-правового регулирования. В статье обосновывается позиция о необходимости дифференцированного подхода при определении меры ответственности виновного лица с учетом общеправовых и отраслевых принципов соразмерности, разумности и справедливости в зависимости от характера и тяжести совершенного правонарушения, размера причиненного ущерба, предлагается в качестве альтернативы денежному штрафу ввести такую налоговую санкцию, как предупреждение, а также неизвестное ранее налоговому праву России понятие «малозначительность деяния», использование которого видится целесообразным и оправданным для некоторых правонарушений с формальным составом.

Ключевые слова: налогоплательщик; налоговый орган; законный интерес; финансовый ущерб; наказание; ответственность; штраф; предупреждение; малозначительность деяния; справедливость.

On the issue of liberalization of punishment in the tax area

S. A. YADRIKHINSKY – Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Northwestern Institute (branch) of the O. E. Kutafin University (MSLA), PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article analyzes the legal issue of fair punishment for a tax offence; explores the legal interest of the taxpayer to reduce the value of tax penalty and the duty of the tax authority to take into account this interest; it is proposed in each case of sentencing the taxpayer to take into account the financial damage caused to the state; it is concluded that the modern flat scale of tax punishment is too harsh: without exception, all offences provide for punishment only in the form of monetary penalties (fines); the law enforcement official does not have the opportunity to maneuver in the issue of sentencing, which does not fully meet the goals of tax and legal regulation; the article substantiates the position of the need for a differentiated approach in determining the measure of responsibility of the perpetrator, taking into account the general legal and sectoral principles of proportionality, reasonableness and fairness, depending on the nature and severity of the offence, the amount of damage caused; as an alternative to a monetary fine, it is proposed to introduce such a tax sanction as a warning, as well as the concept of «insignificant act» not previously known to Russian tax law, the use of which seems expedient and justified for some offences with a formal composition.

Keywords: taxpayer; tax authority; legitimate interest; financial damage; punishment; liability; fine; prevention; insignificance of the act; justice.

Никто не хочет привлекаться к юридической ответственности, но даже самые законопослушные налогоплательщики не застрахованы от ошибок, связанных в том числе и с запутанным законодательством о налогах и сборах.

Став участником налогового отношения по привлечению к ответственности, налогоплательщик (привлекаемое лицо) приобретает целый комплекс специальных законных интересов, направленных на облегчение своей имущественной участи, улучшение правового положения.

Прежде всего, налогоплательщик заинтересован в уменьшении размера штрафа, что предусмотрено ст. 112 и 114 НК РФ. Данному законному интересу корреспондирует обязанность, закрепленная за руководителем (заместителем руководителя) налогового органа, по выявлению обстоятельств, смягчающих налоговую ответственность, при рассмотрении материалов налоговой проверки. В обязанность должностного лица входит не просто оценка и учет смягчающих обстоятельств, а принятие соответствующих мер по их отысканию вне зависимости от сделанного заявления (ходатайства) налогоплательщика. Безусловно, и налогоплательщик стремится обнаружить перед налоговым органом благоприятные обстоятельства. В поле зрения налогоплательщика попадает все, что может благоприятствовать ему, служить исключением или смягчению

ответственности: любое слабое место акта налоговой проверки, сомнительность обвинительного доказательства, недостаточная обоснованность того или иного утверждения должностного лица, фрагментарность налоговой проверки и т. д. Налогоплательщик также не лишен возможности собирать и представлять доказательства, свидетельствующие об отсутствии его вины либо направленные на смягчение ответственности, приводить аргументы и акцентировать внимание на спорных фактах и обстоятельствах, которые бы порождали сомнения в виновности неустранимого характера, ставили под вопрос доводы и выводы налогового органа.

Индивидуализация наказания как правовой принцип предполагает учет этих обстоятельств при определении размера налоговых санкций, подлежащих применению к налогоплательщику.

Законодатель установил лишь минимальный предел снижения налоговой санкции (в два раза), поэтому с учетом оценки соответствующего смягчающего обстоятельства правоприменитель (налоговый орган, суд) может уменьшить размер взыскания и более чем в два раза. Перечень смягчающих обстоятельств открыт, и правоприменительная практика выявила достаточно разнообразные обстоятельства, подлежащие учету. Это самостоятельное выявление и исправление налогоплательщиком оши-

бок в налоговой декларации, совершение правонарушения впервые, факт отсутствия ущерба для бюджета, отсутствие умысла на совершение налогового правонарушения, уплата недоимки и пеней до вынесения решения суда, отсутствие достаточных денежных средств для уплаты налогов и налоговых санкций, отсутствие прибыли, наличие задолженности перед контрагентами, наличие задолженности по заработной плате, нахождение налогоплательщика в тяжелом финансовом положении, совершение предпринимателем правонарушения в период беременности, наличие на иждивении у предпринимателя жены и детей, если к налоговой ответственности привлекается вновь созданная организация, единственным учредителем которой является физическое лицо, при социальной направленности деятельности предприятия или осуществлении особо значимого вида деятельности, раскаянии налогоплательщика, нахождении предпринимателя на лечении и др. [4].

Снижение размера штрафа налоговой инспекцией не является препятствием для уменьшения налоговой санкции еще и судом, если это уменьшение, по мнению налогоплательщика, произошло не в полной мере.

Требования индивидуализации, соразмерности налоговых санкций тяжести правонарушения, обоснованности в своей интегративной основе образуют качественные признаки принципа справедливости. Все они взаимосвязаны, дополняют, взаимобуславливают друг друга.

Оппоненты могут задаться вопросом, как законный интерес налогоплательщика в уменьшении размера или исключении штрафа соотносится с принципом неотвратимости наказания. Снижение размера ответственности – это поиск баланса интересов или компромисса между отдельно взятым налогоплательщиком и государством. Наказание должно быть справедливым.

Кроме того, само наказание должно быть исполнимым, то есть посильным для налогоплательщика, и не превращаться в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права частной собственности [11]. Еще не стерся из памяти карательный характер санкций ст. 13 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации», признанного неконституционным [14].

В начале девяностых годов налоговые санкции, превышая в несколько раз величину самого ущерба, стали заметным источником пополнения бюджетной системы. «Нарушение налогового законодательства, – отмечает А. А. Гогин, – приносило отечественной казне значительно более высокий доход, чем его правильное и точное исполнение» [1, с. 48]. Такая аномалия затрагивала законные интересы широких масс налогоплательщиков. Нередко применение санкций приводило к последующей несостоятельности налогоплательщика.

Требование к справедливому размеру ответственности обращено как к законодателю (при установлении величины санкции), так и к правоприменителю. Именно по этой причине правоприменитель должен учитывать имущественное положение лица, привлекаемого к ответственности, характер совершенного правонарушения, степень вины и иные существенные обстоятельства деяния. На это неоднократно указывал Конституционный суд Российской Федерации, говоря о дифференцированном подходе в вопросе юридической ответственности.

В науке налогового права разными учеными поднимается вопрос об освобождении от штрафа в связи с малозначительностью деяния [2, 3, 15]. Особенно остро он стоит в отношении формальных составов. Действующее законодательство о налогах и сборах этого сделать не позволяет, поскольку такого понятия не содержит. А. В. Демин данное обстоятельство считает серьезным упущением [2, с. 232]. Причем эту позицию ученый обосновывает не с точки зрения интересов налогоплательщика, а с точки зрения рациональности взыскания малозначительных сумм в духе А. Смита. Наказание в силу мизерности величины штрафа в этом случае действительно не выполняет тех функций, которые в него заложены (превентивная, карательная), а административные издержки достаточно высоки.

Привлечение налогоплательщика к ответственности является актом имущественного воздействия на нарушителя со стороны налогового органа. В настоящий момент НК РФ предусматривает плоскую шкалу санкций, носящих безальтернативный характер: за все виды налоговых правонарушений назначается денежное взыскание – штраф. На наш взгляд, это излишне суровый подход, воплощающий избыточное государственное принуждение. Он не позволяет правоприменителю определять меру ответственности виновного лица с учетом общеправовых и

отраслевых принципов соразмерности, разумности и справедливости в зависимости от личности правонарушителя, характера и тяжести совершенного правонарушения, размера причиненного ущерба и других определяющих индивидуализацию ответственности существенных обстоятельств.

Решением проблемы могло бы быть введение в НК РФ такой налоговой нематериальной санкции, как предупреждение, имеющей глубокие исторические корни в административном праве. Особенно это касается налоговых правонарушений, совершенных впервые, формальных составов, не влекущих финансового ущерба для государства. Нет никакой необходимости начинающего предпринимателя или заблудившегося в лабиринтах исчислений налогоплательщика сразу наказывать рублем, если правонарушение не повлекло ущерба для бюджета или этот ущерб возмещен. У налогоплательщика должно быть право на ошибку. Данное предложение основывается на двух взаимосвязанных фундаментальных принципах юридической ответственности: дифференциации и индивидуализации.

Применение мер налоговой ответственности должно соотноситься с охраняемыми законом ценностями и конституционно закрепленными целями в сфере фискального принуждения и предусматривать не только количественное, но и качественное измерение. Предупреждение как альтернатива денежному штрафу выступает правовым средством дифференциации и индивидуализации налоговой ответственности.

В научной литературе отмечается особая воспитательно-профилактическая роль предупреждения в системе мер административной ответственности [5]. Почему бы этот опыт не использовать в налоговых отношениях, природа которых по своей сути очень схожа с административными? Речь идет о тех налоговых правонарушениях, которые формально состоялись, но угрозы общественным отношениям при этом не возникло либо эта угроза оказалась незначительной.

Достаточно часто и налоговый орган, и суд приходят к выводу о незначительности нарушения и, как следствие, нецелесообразности применения штрафа как неадекватного последствия того вреда, который причинен в результате правонарушения. Однако закон не позволяет полностью отказать от денежного взыскания: правоприменитель может только снизить размер санкции.

Примером нецелесообразного применения штрафа может быть ситуация, в которой налогоплательщик самостоятельно исправляет допущенную ошибку: представляет уточненную налоговую декларацию и доплачивает недостающую сумму налога. Закон связывает освобождение от налоговой ответственности наряду с доплатой налога еще и с фактом уплаты пеней. Если же пени не уплачены или уплачены позже, налогоплательщик подвергается двадцати-процентному штрафу от суммы изначально недоплаченного налога (ст. 81 НК РФ).

Очевидно, что налогоплательщик, самостоятельно устранивший занижение налоговой базы и возместивший финансовый ущерб казне, действует добросовестно и такое поведение должно поощряться государством. Допущенное нарушение закона становится незначительным, поскольку последующие действия налогоплательщика фактически сводят его на нет. Поэтому и применение штрафа нецелесообразно. В таком правопонимании выражался бы баланс частного и публичного интереса. В конце концов, налоговый орган мог бы никогда и не обнаружить выявленные самим налогоплательщиком недостоверные сведения, приведшие к занижению суммы налога.

При неуплате налога, безусловно, ущемляются публичные интересы. Конституционный суд Российской Федерации неоднократно связывал имущественный характер ответственности за совершение налоговых правонарушений с причиненным государству финансовым ущербом [13, 12]. По мысли суда, введение ответственности направлено на восполнение ущерба от налогового правонарушения.

Таким образом, ущерб казне становится обязательным признаком, подлежащим принятию во внимание правоприменителем. Тогда по смыслу ст. 122 НК РФ наказуемым является такое бездействие налогоплательщика, которое привело не только к возникновению задолженности по этому налогу, но и к ущербу казне. При этом возможны такие ситуации, когда по разным видам налогов и в различные бюджеты может быть переплата и недоимка одновременно, например по налогу на прибыль организации – переплата, по НДС – недоимка, а бюджет один – федеральный.

Очевидно, что негативные последствия от бездействия такого налогоплательщика будут отличаться от действий налогоплательщика, имеющего только недоимку: интерес государства как собственника

бюджетных средств либо не умаляется, либо умаляется в меньшей степени. Вопрос в том, насколько оправданно такого налогоплательщика подвергать наказанию с учетом принципа единства бюджетной системы Российской Федерации (ст. 28, 29 БК РФ), если величина переплаты по другому налогу, зачисляемому в тот же бюджет, сопоставима или превышает величину недоимки.

В отношениях с налогоплательщиком налоговый орган представляет интересы публично-правового образования. Соответственно, в конечном итоге налогоплательщику противостоит публичное образование, участвующее в налоговом отношении опосредованно. Судебной практике известны случаи, когда публичное образование оспаривало действия налогового органа и федерального казначейства, выразившиеся в возврате налогоплательщику за счет бюджета муниципального образования излишне уплаченного налога. Суды признают такой спор имеющим экономическую основу, публично-правовым по своему характеру, возникшим из налоговых правоотношений и подлежащим рассмотрению [7; 9; 6].

Если исходить из допущения, что в правоотношениях по уплате налога налогоплательщику противостоит публично-правовое образование, то привлечение к ответственности возможно с предварительного разрешения вопроса о материальных последствиях такого нарушения для отдельно взятого бюджета или даже в целом бюджетной системы.

Конституционный суд Российской Федерации рассматривал конституционность п. 2 ст. 119 и п. 1 ст. 122 НК РФ в ситуации привлечения налогоплательщика к ответственности за неуплату единого налога на вмененный доход (ЕНВД) и непредоставление по нему налоговой декларации, при том что он выполнял такие же налоговые обязанности в рамках упрощенной системы налогообложения (УСН), которую, добросовестно заблуждаясь, применял ошибочно. По мнению заявителя, действия налогоплательщика не нанесли ущерба бюджетной системе, а потому привлечение его к ответственности неправомерно.

Суд исходил из того, что налоги от применения упрощенной системы налогообложения и системы налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности поступают в бюджеты разных уровней: ЕНВД – в бюджеты муниципальных районов и городских

округов, УСН – бюджеты субъектов Российской Федерации.

С учетом самостоятельности бюджетов разных уровней, разграничения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации (ст. 28–31 БК РФ) суд заключил, что бюджетной системе наносится ущерб, что делает необходимым взыскание налоговых санкций за неуплату единого налога на вмененный доход и непредоставление по нему налоговых деклараций. Соответственно, такого ущерба бы не было нанесено, если бы речь шла о бюджете одного уровня.

Налоговый орган в своей контрольной деятельности должен исходить из принципов полноты, всесторонности и объективности. В задачи налогового органа входит определение действительного размера налогового обязательства. В отношениях по привлечению налогоплательщика к ответственности действуют те же принципы.

НК РФ надлежало исполнению налогоплательщиком обязанности по уплате налога увязывает с моментом вынесения налоговым органом решения о зачете сумм излишне уплаченных или излишне взысканных налогов, пеней, штрафов в счет исполнения обязанности по уплате соответствующего налога (подп. 4 п. 3 ст. 45).

В деле № 9334/12 президиум ВАС РФ отметил, что закон не позволяет считать обязанность по уплате налога исполненной не на момент принятия решения о зачете, а на более раннюю дату [8]. А умаляются ли от этого интересы бюджета? Стало ли там меньше средств от непринятия такого решения? И что решение налогового органа может принципиально изменить в бюджете? Очевидно, в бюджете меньше средств не стало. Ведь решение налоговой инспекции лишь формализует эти отношения, а бюджет в целом не страдает.

Головинским районным судом г. Москвы рассматривалось дело, по которому налогоплательщица приговором от 21 марта 2008 г. была осуждена по ч. 1 ст. 198 УК РФ (уклонение физического лица от уплаты налогов). В вину ей ставилось то, что после реализации принадлежавшей ей на праве собственности квартиры налог на доходы с физического лица не был уплачен в бюджет, налоговая декларация не сдавалась. По делу была назначена налоговая судебная экспертиза. Из заключения эксперта следовало, что в случае предоставления вычета сумма была бы скорректирована

в сторону уменьшения. Принимая во внимание право налогоплательщика на имущественный налоговый вычет (подп. 2 п. 1 ст. 220 НК РФ), президиум Московского городского суда приговор отменил, при этом особо отметил, что отсутствие обращения налогоплательщика в налоговые органы о предоставлении налогового вычета существенного значения не имеет, так как при решении вопроса об уголовной ответственности следует исходить из права на вычет [10].

А. В. Демин вообще считает, что отчуждение недвижимого имущества не приносит экономической выгоды, то есть дохода, поскольку приращение собственности в результате сделки у продавца отсутствует: происходит лишь смена формы собственности с товарной на денежную, причем – по общим правилам рыночного обмена – в эквивалентном значении. И только налоговые вычеты (п. 1–2 ст. 220 НК РФ) частично компенсируют несправедливость применения данной фикции [2, с. 286–287].

Так почему же подходы, используемые в уголовном праве, не могут быть использованы в налоговом праве? И в том, и в другом случае речь идет о юридической ответственности, возникающей в налоговой сфере.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что назрела необходимость перехода от плоской шкалы налоговых наказаний (налоговых штрафов) к системе наказаний, в которой штраф будет выступать исключительной мерой ответственности. В целях дифференциации налоговой ответственности в НК РФ следует закрепить несколько видов санкций. Представляется важным расширить пределы дискреционных полномочий налоговых органов и судов в вопросе применения налоговых санкций на основе дифференцированного подхода. Для реализации этого предложения целесообразно ввести в НК РФ нематериальную санкцию – предупреждение. При назначении наказания следует учитывать действительный финансовый ущерб бюджета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гогин А. А. Налоговые правонарушения: толкование отдельных положений // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. 2010. № 2 (2). С. 47–50.
2. Демин А. В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 452 с.
3. Журавлева О. О. Налоговые санкции: понятие, система и перспективы развития // Журн. рос. права. 2014. № 10. С. 112–124.
4. Завойкина Н. В поиске смягчающих обстоятельств // ЭЖ-Юрист. 2006. № 39. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Кирилин А. В. Предупреждение и его особая роль как меры административной ответственности // Адм. право и процесс. 2011. № 10. С. 31–32.
6. По делу № А21-1293/2009 Арбитражного суда Калининградской области : постановление Президиума Высш. Арбитраж. суда Рос. Федерации от 21.12.2010 № 10490/10 // Вестн. Высш. Арбитраж. суда Рос. Федерации. 2011. № 3.
7. По делу № А21-5063/2007 Арбитражного суда Калининградской области : постановление Президиума Высш. Арбитраж. суда Рос. Федерации от 11.11.2008 № 6870/08 // Вестн. Высш. Арбитраж. суда Рос. Федерации. 2009. № 3.
8. По делу № А40-69427/11-140-302 Арбитражного суда города Москвы : постановление Президиума Высш. Арбитраж. суда Рос. Федерации от 20.11.2012 № 9334/12 // Вестн. Высш. Арбитраж. суда Рос. Федерации. 2013. № 3.
9. По делу № А57-6986/2009 Арбитражного суда Саратовской области : постановление Президиума Высш. Арбитраж. суда Рос. Федерации от 23.11.2010 № 10062/10 // Вестн. Высш. Арбитраж. суда Рос. Федерации. 2011. № 3.
10. По делу Головинского районного суда г. Москвы по надзорной жалобе осужденной К. о пересмотре приговора от 21 марта 2008 года : постановление Президиума Мос. гор. суда от 05.06.2009 № 44у-180/09. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. По делу о проверке конституционности отдельных положений абзаца шестого статьи 6 и абзаца второй части первой статьи 7 Закона Российской Федерации от 18 июня 1993 года «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» в связи с запросом Дмитровского районного суда Московской области и жалобами граждан : постановление Конституцион. суда Рос. Федерации от 12.05.1998 № 14-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 20. Ст. 2173.
12. По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования» в связи с запросами Арбитражного суда города Москвы и Арбитражного суда Пензенской области : постановление Конституцион. суда Рос. Федерации от 19.01.2016 № 2-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 5. Ст. 762.
13. По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа : постановление Конституцион. суда Рос. Федерации от 14.07.2005 № 9-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3200.
14. По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» : постановление Конституцион. суда Рос. Федерации от 17.12.1996 № 20-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1. Ст. 197.
15. Рыжиков А. М. К вопросу о понятии малозначительности в делах об административных и налоговых правонарушениях // Адм. и муницип. право. 2008. № 6. С. 81–83.

REFERENCES

1. Gogin A. A. Nalogovye pravonarusheniya: tolkovanie otdel'nyh polozhenij [Tax offenses: interpretation of certain provisions]. Vektor nauki Tol'yat. gos. un-ta – Vector of science of Togliatti State University. 2010. Iss. 2 (2). P. 47–50. (In Russ.).
2. Demin A. V. Neopredelennost' v nalogovom prave i pravovye sredstva ee preodoleniya : dis. ... d-ra jurid. nauk [Uncertainty in tax law and legal means to overcome it : the diss. ... Dsc. in Law]. Ekaterinburg, 2014. 452 p. (In Russ.).
3. ZHuravleva O. O. Nalogovye sankcii: ponyatie, sistema i perspektivy razvitiya [Tax sanctions: concept, system and development prospects]. ZHurn. ros. prava – Journal of Russian Law. 2014. Iss. 10. P. 112–124. (In Russ.).
4. Zavojkina N. V poiske smyagchayushchih obstayatel'stv [In search of mitigating circumstances]. EHZH-YUrist – EL-Lawyer. 2006. Iss. 39. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
5. Kirin A. V. Preduprezhdenie i ego osobaya rol' kak mery administrativnoj otvetstvennosti [Warning and its special role as a measure of administrative responsibility]. Adm. pravo i process – Administrative Law and Process. 2011. Iss. 10. P. 31–32. (In Russ.).
6. Po delu № A21-1293/2009 Arbitrazhnogo suda Kaliningradskoj oblasti : postanovlenie Prezidiuma Vyssh. Arbitrazh. suda Ros. Federacii ot 21.12.2010 № 10490/10 [In case No. A21-1293/2009 of the Arbitration Court of the Kaliningrad Region : decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation from 21.12.2010 No. 10490/10]. Vestn. Vyssh. Arbitrazh. suda Ros. Federacii – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2011. Iss. 3. (In Russ.).
7. Po delu № A21-5063/2007 Arbitrazhnogo suda Kaliningradskoj oblasti : postanovlenie Prezidiuma Vyssh. Arbitrazh. suda Ros. Federacii ot 11.11.2008 № 6870/08 [In case No. A21-5063/2007 of the Arbitration Court of the Kaliningrad Region : decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation from 11.11.2008 No. 6870/08]. Vestn. Vyssh. Arbitrazh. suda Ros. Federacii – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. Iss. 3. (In Russ.).
8. Po delu № A40-69427/11-140-302 Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy : postanovlenie Prezidiuma Vyssh. Arbitrazh. suda Ros. Federacii ot 20.11.2012 № 9334/12 [In the case No. A40-69427/11-140-302 of the Moscow Arbitration Court : decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation from 20.11.2012 № 9334/12]. Vestn. Vyssh. Arbitrazh. suda Ros. Federacii – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2013. Iss. 3. (In Russ.).
9. Po delu № A57-6986/2009 Arbitrazhnogo suda Saratovskoj oblasti : postanovlenie Prezidiuma Vyssh. Arbitrazh. suda Ros. Federacii ot 23.11.2010 № 10062/10 [In the case No. A57-6986/2009 of the Arbitration Court of the Saratov Region : decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation from 23.11.2010 No. 10062/10]. Vestn. Vyssh. Arbitrazh. suda Ros. Federacii – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2011. Iss. 3. (In Russ.).
10. Po delu Golovinskogo rajonnogo suda g. Moskvy po nadzornoj zhalobe osuzhdennoj K. o peresmotre prigovora ot 21 marta 2008 goda : postanovlenie Prezidiuma Mos. gor. suda ot 05.06.2009 № 44u-180/09 [In the case of the Golovinsky District Court of Moscow on the supervisory complaint of the convict K. on the revision of the verdict from 21 March 2008 : decree of the Presidium of the Moscow City Court from 05.06.2009 № 44y-180/09]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
11. Po delu o proverke konstitucionnosti otdel'nyh polozhenij abzaca shestogo stat'i 6 i abzaca vtorogo chasti pervoj stat'i 7 Zakona Rossijskoj Federacii ot 18 iyunya 1993 goda «O primenenii kontrol'no-kassovyh mashin pri osushchestvlenii denezhnyh raschetov s naseleniem» v svyazi s zaprosom Dmitrovskogo rajonnogo suda Moskovskoj oblasti i zhalobami grazhdan : postanovlenie Konstitucion. suda Ros. Federacii ot 12.05.1998 № 14-P [In the case on the verification of the constitutionality of certain provisions of the sixth paragraph of Article 6 and the paragraph of the second part of the first part of Article 7 of the Law of the Russian Federation of June 18, 1993 «On the use of cash registers for cash settlements with the population» in connection with the request of the Dmitrovsky District Court of Moscow region and complaints of citizens : decree of the Constitutional Court of the Russian Federation from 12.05.1998 No. 14-P]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. Iss. 20. Art. 2173. (In Russ.).
12. Po delu o proverke konstitucionnosti podpunkta «a» punkta 22 i punkta 24 stat'i 5 Federal'nogo zakona ot 28 iyunya 2014 goda № 188-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam obyazatel'nogo social'nogo strahovaniya» v svyazi s zaprosami Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy i Arbitrazhnogo suda Penzenskoj oblasti : postanovlenie Konstitucion. suda Ros. Federacii ot 19.01.2016 № 2-P [In the case on the verification of the constitutionality of subparagraph «a» of paragraph 22 and paragraph 24 of Article 5 of the Federal Law of June 28, 2014 No. 188-FZ «On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Mandatory Social Insurance» in connection with the requests of the Arbitration Court court of the city of Moscow and the Arbitration Court of the Penza region : decree of the Constitutional Court of the Russian Federation from 19.01.2016 No. 2-P]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. Iss. 5. Art. 762. (In Russ.).
13. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 113 Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanki G. A. Polyakovej i zaprosom Federal'nogo arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga : postanovlenie Konstitucion. suda Ros. Federacii ot 14.07.2005 № 9-P [In the case on the verification of the constitutionality of the provisions of Article 113 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen G. A. Polyakova and the request of the Federal Arbitration Court of the Moscow District : decree of the Constitutional Court of the Russian Federation from 14.07.2005 No. 9-P]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. Iss. 30 (part two). Art. 3200. (In Russ.).
14. Po delu o proverke konstitucionnosti punktov 2 i 3 chasti pervoj stat'i 11 Zakona Rossijskoj Federacii ot 24 iyunya 1993 goda «O federal'nyh organah nalogovoj policii» : postanovlenie Konstitucion. suda Ros. Federacii ot 17.12.1996 № 20-P [In the case on the verification of the constitutionality of paragraphs 2 and 3 of part one of Article 11 of the Law of the Russian Federation of June 24, 1993 «On Federal Tax Police Authorities» : decree of the Constitutional Court of the Russian Federation from 17.12.1996 No. 20-P]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. Iss. 1. Art. 197. (In Russ.).
15. Ryzhikov A. M. K voprosu o ponyatii maloznachitel'nosti v delah ob administrativnyh i nalogovyh pravonarusheniyah [On the issue of the concept of insignificance in cases of administrative and tax offenses]. Adm. i munic. pravo – Administrative and municipal law. 2008. Iss. 6. P. 81–83. (In Russ.).

УДК 343.01

О конструировании цели наказания в уголовном законе

С. А. БОРОВИКОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии ВПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье исследуются цели наказания, закрепленные в ст. 43 УК РФ. Обращается внимание на сходства и отличия используемых подходов к определению цели уголовного наказания как в законодательствах разных стран, так и в различные исторические периоды, обосновывается необходимость критической оценки существующего законодательного решения.

В ходе сравнительного анализа формулируется вывод о том, что действующая редакция целей наказания в уголовном законе определена чрезмерно широко, тем самым создается иллюзия их достижения, а в ряде случаев речь приходится вести о конкуренции целей между собой. Так, первая из указанных в ст. 43 УК РФ цель по восстановлению социальной справедливости есть качество, которое должно быть присуще наказанию. Вторая – исправление осужденного – представляет один из нескольких способов достижения первой. Однако самой целью наказания исправление осужденного не является. Третья из формулировок – предупреждение преступлений – в наибольшей степени являет собой цель наказания, однако выглядит довольно пространной и требует уточнения. Кроме того, в ней не содержится четкой направленности на человека, который может совершить или совершил преступление.

Предлагается провести корректировку целей уголовного наказания в законе. Цель наказания должна быть одна и иметь единую направленность. В этой связи предлагаем под целью наказания понимать удержание лиц от совершения преступлений. Единая и понятная цель наказания, с одной стороны, будет являться четким ориентиром при конструировании вида и размера как основного, так и дополнительного наказания в санкциях статей Особенной части, а с другой – позволит судам избирать наказание, наиболее соответствующее предполагаемому результату.

К л ю ч е в ы е с л о в а : преступление; наказание; цель наказания; восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение преступлений; удержание лица.

On the construction of the purpose of punishment in criminal law

S. A. BOROVIKOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The subject of consideration of this paper is the study of the purposes of punishment enshrined in article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation. Attention is drawn to the similarities and differences in the approaches used to determining the purpose of criminal punishment in the laws of different countries and historical periods, the need for a critical assessment of the existing legislative decision.

In the course of a comparative analysis the conclusion is formulated that the current version of the purposes of punishment in criminal law is overly broad, which creates the illusion of its achievement and in some cases the competition of its parts among themselves. So the first of those mentioned in article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation the purpose of restoring social justice is a quality that should be inherent in punishment. The second of the purposes stated in the law – the correction of the convict – is one of several ways to achieve it. However the very purpose of the punishment is not to correct the convict. The third of these purposes – the prevention of crimes – is most consistent with the purpose of punishment, but it is quite lengthy and requires clarification. In addition it does not contain a clear focus on a person who can or has committed a crime.

According to the results of the analysis it is proposed to carry out an adjustment of the purposes of criminal punishment in the law. The purpose of punishment should be one and have a common focus. In this regard it is proposed to define as the purpose of punishment – retention persons from committing crimes. The single and understandable

purpose of punishment on the one hand will be a clear guideline in constructing the type and size of both the main and additional punishments in the sanctions of the articles of the Special Part, and on the other will allow the courts to choose the punishment that most corresponds to the intended result.

Key words: crime, punishment; purpose of punishment; restoration of social justice; correction of a convict; prevention of crimes; retention of a person.

Поиск способов качественного улучшения уголовного законодательства связан с анализом его норм. Попытки изучить, почему в определенных случаях действующий уголовный закон на практике не приносит желаемого результата, выглядят естественными. В этой связи, несомненно, важным выступает совершенствование техники конструирования уголовного закона. Приемы и способы построения диспозиций в тех или иных составах преступлений, подбор видов наказаний и их размеров в санкциях в соответствии с характером и степенью общественной опасности деяния, формулирование квалифицирующих признаков являются неотъемлемой частью современной науки уголовного права. Все это следует признать необходимым и крайне значимым. Однако механизмы совершенствования диспозиций уголовно-правовых норм, которым в последнее время по праву стало уделяться много внимания, еще длительное время могут работать вполсилы. Внешне это напоминает ситуацию блуждания с завязанными глазами, когда возможность применить те или иные средства есть, но вероятность, что цель будет достигнута, даже учитывая разнообразие применяемых средств, низкая. Поэтому, полагаем, необходимо обратить внимание на цель наказания, провести анализ ее реального соответствия современным потребностям. В научной литературе уже давно вполне обоснованно высказываются суждения о кризисе наказания [2; 4, с. 197–203]. Следствием этого, как нам представляется, является текущая ситуация с практикой применения закона, когда лицо, зная о последствиях, предусмотренных в УК РФ, намеренно идет на совершение преступления, иногда и второго, и третьего. Так, наглядным проявлением подобного являются коррупционные преступления, совершенные представителями исполнительной или судебной власти, когда предполагается, что эти лица должны знать о запрете, обозначенном в законе. Например, по данным официального сайта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2017 г. по ст. 290 УК РФ «Получение взятки» было осуждено 479 судей, работников суда, прокуроров, следователей, иных

сотрудников правоохранительных органов. Знание о наличии запрета и последующего наказания не удерживает их от совершения преступлений. Видимо, мотивация, формируемая наказанием, слабее преступной мотивации.

При этом не отрицаем, что часть преступлений совершается без надлежащей оценки со стороны виновного: под влиянием сиюминутных порывов, эмоций, либо это ситуации, когда лицо просто не задумывается об уголовно-правовых последствиях своих действий (бездействия) вследствие низкой правовой культуры и т. п. Сюда же можно отнести группу неосторожных преступлений, совершаемых из-за легкомысленного или небрежного поведения.

Отдельно хотелось бы выделить группу преступлений, которые совершаются по идеологическим мотивам, когда лицо имеет возможность объективно оценивать происходящее, но руководствуется иными, отличными от принятых в обществе ценностными ориентирами. Это преступления, совершаемые по террористическим, экстремистским мотивам, а также лицами, ориентированными на традиции «тюремного мира». Они также требуют специфического подхода в вопросе выбора наказания. Еще Платон в своем труде «Законы» отметил: «Нет, мы – люди и даем теперь законы семени людей; поэтому мы вправе бояться, что у нас встретятся граждане с природой неподатливой, точно рог, так что их ничем не проймешь» [9]. Поэтому надо понимать, что в ряде случаев изменить ситуацию к лучшему будет непросто.

Сказанное выше позволяет утверждать, что существует потребность в анализе цели уголовного наказания. Точно сформулированная в законе цель наказания будет оказывать влияние на конструирование санкций и создавать условия для последующего оптимального выбора судом вида и размера наказания. Вопрос определения цели наказания сохраняет свою значимость довольно давно и актуален в настоящее время. В одном из последних российских диссертационных исследований, посвященных целям наказания, приводятся сведения как минимум о 35 зарубежных (включая философ-

ские труды) и 120 российских юридических работах по данной теме [6, с. 5–8]. Логично предполагать, что зарубежных работ значительно больше. Кроме того, цель наказания находит свое отражение в научных трудах по психологии, социологии и педагогике.

Наличие разнообразных подходов к исследованию цели уголовного наказания так или иначе находило отражение в нормативных актах. Так, например, цель наказания в отечественном уголовном законодательстве прошлого века (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1960 г., УК РФ 1996 г.) корректировалась четыре раза.

Действующий УК РФ в ст. 43 называет сразу три цели уголовного наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений. Сходные или близкие по духу подходы можно найти в современных законодательствах соседних государств. Например, три цели в УК Республики Казахстан (ст. 39), УК Республики Молдова (ст. 61) и т. п.

Однако есть страны, где цель наказания в уголовном законе прямо не называется (например, УК Китайской Народной Республики или Уголовное уложение Федеративной Республики Германия) [3]. Однако любые примеры являются частными случаями, которые не убеждают отказаться от формулирования цели таких значимых действий, как уголовное наказание. Необходимо понимать, для чего расходуются существенные государственные ресурсы. Это даст возможность решать вопрос применения наказания эффективнее. Чтобы разобраться с вопросом о целях наказания, следует обратить внимание на то, какие виды наказания применяют государства к преступникам.

Анализ действующего и предшествующего нормативного материала показывает, что на разных этапах развития государств, в том числе и российского, избирались различные способы реагирования на совершение тех деяний, которые определялись в качестве преступных. При этом учитывается не только уровень развития государства и общества, но и ряд других значимых факторов: политических, экономических, социальных, религиозных и других. Как правило, такая реакция выражалась в применении к лицу, признанному виновным в совершении преступления, лишения или ограничений прав, возложении обязанностей. Заметим, что виды наказаний и их размеры в разных государствах имеют как сходство, так и отличия. Например, по данным организации

«Международная амнистия», в 2015 г. наказание в виде смертной казни законодательно и на практике отменено в 140 государствах, это составляет больше $\frac{2}{3}$ стран мира [12]. Маловероятно, что столетие назад подобное было возможно. В качестве альтернативы смертной казни используется пожизненное лишение свободы, которое не всегда предполагает возможность условно-досрочного освобождения.

В настоящее время наиболее распространены для большинства государств являются две группы видов наказаний: 1) связанные с ограничением личной свободы, 2) связанные с ограничением имущественных прав. Кроме того, в законодательстве значительной части стран, в том числе и Российской Федерации, закреплены наказания, которые прямо или косвенно затрагивают иные виды прав (право заниматься определенными видами деятельности, занимать определенные должности, право избирать, избираться, управлять транспортными средствами и т. п.). Такие «поражения в гражданских правах» соответствуют п. «с» ст. 8.2 Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением, 1990 г. (Токийские правила) [7] и направлены на снижение возможностей лица, нарушившего закон, совершить преступление в этой же сфере общественных отношений.

Это позволяет сделать вывод, что имеющиеся виды наказаний все же в ряде случаев дают возможность законодателю и правоприменителю учитывать специфику тех или иных видов преступлений и, как следствие, стремиться к достижению целей наказания, учитывая особенности преступного поведения субъекта, индивидуализируя наказание. Одновременно для регулирования отношений с лицом, нарушившим уголовный закон, государство в ряде случаев выстраивает механизмы, позволяющие контролировать поведение лица, отбывшего наказание, оказывать ему помощь в социализации, а при необходимости реагировать на негативные изменения в нем с целью удержания от совершения действий, запрещенных законом [8].

В то же время следует понимать, что при конструировании диспозиции и санкции статьи Особенной части уголовного закона невозможно учесть особенности личности виновного. Исключением являются составы со специальным субъектом, где в диспозиции нормы признаки все же носят обобщенный характер (мать новорожденного, должностное лицо, военнослужащий

и т. п.). Построение социально ответственной уголовной политики государства предполагает, что при назначении наказания судом должны учитываться не только общественная опасность самого преступления, но и особенности деяния, а также лица, его совершившего (ст. 60–70 УК РФ).

Однако всегда ли суд может найти золотую середину и разрешить имеющиеся противоречия между обозначенными в ст. 43 УК РФ целями наказания, например восстановлением социальной справедливости и исправлением осужденного? Не случайно в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривалось деление наказаний на указанные группы. Между ними в определенной степени наблюдается конкуренция. Так, нередко цель восстановления социальной справедливости в учебной и научной литературе связывают с соразмерностью наказания и опасности преступления, а также с заглаживанием вреда, причиненного преступлением личности, обществу, государству [11, с. 743]. Есть работы, где эта цель ассоциируется с карой [1, с. 27; 5, с. 40, 44]. Представляется весьма непростым делом одновременно исправлять человека и наказывать его. Неслучайно С. В. Познышев писал: «Наказание может иметь лишь одну цель, вытекающую из установленного выше взгляда на него как на орудие предупреждения преступлений. Если поставить наказанию несколько целей, то они или объединятся в одной общей идее, или, если останутся самостоятельными, будут в непримиримом противоречии и антагонизме друг с другом: из каждой из них будут вытекать свои особые требования» [10, с. 52].

Учитывая огромное количество точек зрения, предлагавшихся в научной литературе,

о том, какие цели должны достигаться наказанием, обозначим только одни формулировки, так как в тех или иных сочетаниях они повторяются и пересекаются во множестве различных вариантов: обезвреживание, изгнание виновного, устранение из общества (включая лишение жизни), изоляция, физическое удержание от преступной деятельности, воздействие на психику субъекта, устрашение, кара, возмездие, причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства, удовлетворение потерпевшей стороны, искупление, эксплуатация труда преступников, исправление осужденного, перевоспитание осужденного, приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия, обезвреживание и исключение дальнейшей опасности лица для общества, предупреждение преступлений (общее и специальное), воздействие на других неустойчивых членов общества, лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений, воспрепятствование осужденному продолжать преступную деятельность, восстановление социальной справедливости, достижение социальной справедливости. Учитывая богатство русского языка, полагаем, что этот перечень неполон. Как правило, авторы выделяют две-три цели наказания.

Из сравнения вышеназванных вариантов логично следуют вопросы: какой конечный результат мы ожидаем от наказания? для чего устрашается либо в определенных случаях изолируется от общества преступник? для чего с ним проводятся мероприятия по коррекции поведения?

Обобщив ответы на эти вопросы, увидев в них сходные признаки, можно попытаться решить задачу о цели наказания.

Продолжение следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963. 186 с.
2. Гилинский И. Я. Наказание: криминологический подход // Время новостей. 2008. 30 июня. URL: <http://www.vremya.ru/2008/114/13/207255.html> (дата обращения: 01.08.2018).
3. Головенков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. М., 2017. 312 с.
4. Дикаев С. У. Кризис лишения свободы в контексте проблемы социальной адаптации лиц, отбывших и отбывающих наказание в виде лишения свободы // Рос. криминолог. взгляд. 2007. № 2. С. 197–203.
5. Дуюнов В. К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск, 2000. 504 с.
6. Крюков В. В. Цели уголовного наказания: понятие, виды, механизмы достижения : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 251 с.
7. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) : приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федер. закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.
9. Платон. Законы. М., 1999.
10. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М., 1907. 129 с.
11. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1. Преступление и наказание. 1133 с.

12. Смертная казнь: инфографика. URL: <https://amnesty.org.ru/ru/2016-04-06-smertnaja-kazn-infografika/> (дата обращения: 23.06.2018).

REFERENCES

1. Belyaev N. A. Celi nakazaniya i sredstva ih dostizheniya v ispravitel'no-trudovyh uchrezhdeniyah [Purposes of punishment and means of achieving them in correctional labour institutions]. Leningrad, 1963. 186 p. (In Russ.).
2. Gilinskij I. YA. Nakazanie: kriminologicheskij podhod [Punishment: criminological approach]. Vremya novostej – News time. June 30. Available at: <http://www.vremya.ru/2008/114/13/207255.html> (accessed 01.08.2018). (In Russ.).
3. Golovnenkov P. V. Uголовное ulozhenie (Uголовnyj kodeks) Federativnoj Respubliki Germaniya: nauchno-prakticheskij kommentarij i perevod teksta zakona [Criminal code (criminal code) of the Federal Republic of Germany: scientific and practical commentary and translation of the text of the law]. Moscow, 2017. 312 p. (In Russ.).
4. Dikaev S. U. Krizis lisheniya svobody v kontekste problemy social'noj adaptacii lic, otbyvshih i otbyvayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody [The crisis of deprivation of liberty in the context of the problem of social adaptation of persons who have served and are serving a sentence of imprisonment]. Ros. kriminolog. vzglyad – Russian criminological view. 2007. Iss. 2. P. 197–203. (In Russ.).
5. Duyunov V. K. Problemy uголовного nakazaniya v teorii, zakonodatel'stve i sudebnoj praktike [Problems of criminal punishment in the theory, legislation and judicial practice]. Kursk, 2000. 504 p. (In Russ.).
6. Kryukov V. V. Celi uголовного nakazaniya: ponyatie, vidy, mekhanizmy dostizheniya : dis. ... kand. yurid. nauk [Objectives of criminal punishment: concept, types, mechanisms of achievement : the diss. ... PhD. in Law]. Saratov, 2017. 251 p. (In Russ.).
7. Minimal'nye standartnye pravila Organizacii Ob»edinennyh Nacij v otnoshenii mer, ne svyazannyh s tyuremnym zaklyucheniem (Tokijskie pravila) Prinyaty 14.12.1990 Rezolyuciej 45/110 General'noj Assamblei OON [Standard minimum rules United Nations in respect of measures not connected with imprisonment (Tokyo rules) : adopted on 14.12.1990 by Resolution 45/110 of the UN General Assembly]. Access from the legal reference system «ConsultantPlus». (In Russ.).
8. Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 23.06.2016 № 182-FZ [About bases of system of prevention of offenses in the Russian Federation : Federal Law from 23.06.2016 No. 182-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. Iss. 26 (Part I). Art. 3851. (In Russ.).
9. Platon. Zakony [Laws]. Moscow, 1999. (In Russ.).
10. Poznyshev S. V. Osnovnye nachala nauki uголовного prava [Basic principles of the science of criminal law]. Moscow, 1907. 129 p. (In Russ.).
11. Polnyj kurs uголовного prava : v 5 t. / pod red. A. I. Korobeeva. [A full course of criminal law in 5 vol. : ed. by A. I. Korobeev.]. St. Petersburg, 2008. Vol. 1. Crime and punishment. 1133 p. (In Russ.).
12. Smertnaya kazn': infografika [The death penalty: the infographic]. Available at: <https://amnesty.org.ru/ru/2016-04-06-smertnaja-kazn-infografika/> (accessed 23.06.2018). (In Russ.).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 616.851:343.8

Состояние, актуальные проблемы и перспективы развития методологии психотерапии осужденных

Н. С. ОБОТУРОВА – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности;

А. М. ЧИРКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности

Реферат

Статья посвящена анализу современного состояния психотерапии осужденных. Выявлены наиболее значимые причины ее недостаточной эффективности, важнейшей из которых является отставание развития теоретической базы, что нивелирует реализацию практико-ориентированной деятельности психологической службы. Показано, что важным фактором использования малоэффективной симптоматической интервенции вместо адекватной этиопатогенетической психотерапии, обращенной к анализу феномена «психическое» на духовном, психическом и телесном уровнях человека, явилось необоснованное заимствование зарубежного психотехнического инструментария и психологических стандартов без учета отечественной ментальности. Обоснована необходимость дальнейшего теоретического осмысления проблем механизмов стрессовой адаптации осужденных и негативной роли в процессе ресоциализации имеющих у осужденных психических личностных расстройств, а также их декомпенсации под влиянием пенитенциарного стресса. Анализируются перспективные пути решения имеющихся проблем, препятствующих ресоциализации осужденных, главным из которых является создание методологической базы психотерапии на основе синтеза достижений современной философской антропологии и других областей естественных и гуманитарных наук. Обосновывается роль междисциплинарного подхода к анализу внутреннего мира человека путем включения в теоретический арсенал психотерапии принципов, парадигм и положений постнеклассической науки, его соотнесения с теологическими воззрениями на природу духовности человека. Актуальным направлением признана разработка регуляции степени стрессовых состояний с целью духовной трансформации внутреннего мира осужденных.

Ключевые слова: психотерапия осужденных; адаптация; дезадаптация; внутренний мир; декомпенсация; духовная дефицитарность; духовность; кризис культуры; междисциплинарный подход; парадигмы и принципы постнеклассической науки; пенитенциарный стресс; психика; психические личностные расстройства; психопатология; психические миксты; преступность; пенитенциарная психология; исправительные учреждения; психология; психологические теории; постнеклассическая наука; методология пенитенциарной психотерапии; мировоззрение; право; принцип некаузальности; принцип иерархичности; программы и методы психотерапии осужденных; осужденные; ресоциализация; симптоматическая интервенция; стрессовые события и состояния; синтез; снижение толерантности к стрессу; сознание; структура совладающего поведения; теология; традиционная культура; этиопатогенетическая психотерапия; факторы и проблемы психотерапии; философская антропология.

State, current problems and prospects for the development of psychotherapy methodology for convicts

N. S. OBOTUROVA – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Philosophy, Associate Professor, Full member of the International Academy of Ecology and Life Safety;

A. M. CHIRKOV – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Medicine, Full Member of the International Academy of Sciences of Ecology and Life Safety

Abstract

The article is devoted to the analysis of the current state of psychotherapy of convicts. The most significant reasons for its lack of effectiveness are identified, the most important of which is the lag in the development of the theoretical base, which levels the implementation of practice-oriented activities of the psychological service. It is shown that the important factors of using ineffective symptomatic intervention instead of adequate etiopathogenetic psychotherapy, addressed to the analysis of the phenomenon "mental" on the spiritual, mental and physical levels of a person, were unwarranted borrowing of foreign psychotechnical tools and penological standards without taking into account the national mentality. The necessity of further theoretical understanding of the problem of the mechanisms of stress adaptation of convicts and the negative role in the process of re-socialization of the psychic personality disorders of the convicted persons, as well as their decompensation under the influence of penitentiary stress is substantiated. Analyzed are the promising ways of solving the existing problems that impede the resocialization of convicts, the main of which is the creation of a methodological basis for psychotherapy based on a synthesis of the achievements of modern philosophical anthropology with other fields of natural and human sciences. The role of an interdisciplinary approach to the analysis of the inner world of a person is substantiated by incorporating into the theoretical arsenal of psychotherapy the principles, paradigms and provisions of post-non-classical science, its correlation with theological views on the nature of human spirituality. The development of the regulation of the degree of stress states with the aim of spiritual transformation of the inner world of convicts is recognized as a current trend.

Key words: psychotherapy of convicts; adaptation; maladjustment; inner world; decompensation; spiritual deficiency; spirituality; cultural crisis; interdisciplinary approach; paradigms and principles of post-non-classical science; penitentiary stress; psyche; mental personality disorders; psychopathology; psychic mixtes; crime; penitentiary psychology; correctional facilities; psychology; psychological theories; post-classical science; penitentiary psychotherapy methodology; worldview; right; principle of non-causality; hierarchy principle; programs and methods of psychotherapy of convicts; convicts; resocialization; symptomatic intervention; stressful events and conditions; synthesis; reduced stress tolerance; consciousness; coping behavior patterns; theology; traditional culture; etiopathogenetic psychotherapy; factors and problems of psychotherapy; philosophical anthropology.

Психотерапия осужденных, находящихся в местах лишения свободы, имеет своей главной целью достижение ресоциализации, что совпадает с основной задачей уголовно-исполнительной системы России. Современное состояние психотерапевтической практики характеризуется недостаточной эффективностью вследствие наличия ряда значимых проблем, затрудняющих различные аспекты ее реализации. О низком уровне эффективности пенитенциарной терапии осужденных в целом свидетельствуют данные о сохранении высоких показателей рецидивности [8]. Как обра-

щает внимание Р. В. Нагорных, «состояние правопорядка, высокий уровень преступности и административной деликтности в России предопределяют необходимость принципиально новых подходов к организации правоохранительной деятельности» [6, с. 3]. В этой связи рассмотрение наиболее важных проблем и основных факторов, препятствующих развитию пенитенциарной психологической интервенции, и перспективных направлений повышения ее активности в процессах исправления – ресоциализации осужденных, представляется актуальной научно-практической проблемой.

Основной причиной низкой эффективности психотерапевтической работы в исправительных учреждениях является использование симптоматических методов вместо комплексной этиопатогенетической (адресной) психотерапии. Наряду с независимыми от организации психологической службы факторами (изменением структуры преступности и омоложением контингента осужденных, увеличением количества лиц с врожденной и социопсихогенной психопатологией, аномалиями психического развития), явной недостаточностью численного состава психологов (психотерапевтов) и квалифицированных психиатров в исправительных учреждениях, правовыми и целым рядом других проблем особое значение в понижении результативности психотерапии имеет низкий уровень профессиональной подготовки психологов в области пограничной психиатрии и приверженность большинства психотерапевтов устаревшим и малоэффективным инструментальным методам [12]. К другим факторам, усложняющим решение целей и задач психотерапии, относятся рост психической полифункциональной недостаточности у осужденных, патоморфоз психических личностных и других психических расстройств, снижение толерантности к стрессу, деформации структуры совладающего поведения и т. д.

Объективной причиной несоответствия пенитенциарной психотерапии современному уровню науки и явной неразработанности ее методологической базы является дисгармоничное развитие психологической службы в направлении преимущественного решения формальных проблем практико-ориентированной работы в ущерб созданию пенитенциарно-психологических теорий. Негативная практика использования симптоматической психотерапии обусловлена сохраняющимся на протяжении последних 25 лет снижением уровня теоретико-методологического оснащения исправительной психотерапевтической работы [9]. Так, из обширного теоретического поля психотерапии выпали достижения антропологической философии и современной психологии в изучении духовного мира, свидетельствующие о необходимости обращения к анализу проявлений феномена «психическое» на всех уровнях существования человека – духовном, психическом и телесном. Практически не используются подходы и принципы постнеклассической методологии, направленной на раскрытие топологии и динамики психического с целью восста-

новления целостности сознания и деятельности личности. К причинам этих пробелов В. М. Поздняков отнес недостаточное развитие пенитенциарно-психологической теории, «необоснованный рост экспорта зарубежного психотехнического инструментария и интернационализацию психологических стандартов без учета отечественной ментальности» [9, с. 3–4].

В связи с этим методология пенитенциарной психотерапии испытывает кризис, а бездумное следование образцам западных психотерапевтических интервенций в обход традиционной культуре народов нашего государства негативно сказывается на процессе ресоциализации осужденных. С другой стороны, падению научно-методологического потенциала пенитенциарной психотерапии способствуют ее прикладной характер и негативная зависимость от довлеющих ошибочных императивов, воззрений, гипотез и полаганий, «самодостаточных» школ объясняющей академической психологии, нивелирующих значение истинного духовного мира человека [1].

Невостребованными остались криминологические и психологические теории и концепции Ю. А. Алферова, В. А. Черносвитова и многих других отечественных исследователей, а в качестве основы пенитенциарной практики до сих пор используются исключительно психологические теории, тогда как психотерапия в качестве теоретического базиса всегда имела под собой фундамент философского знания. Развиваясь в замкнутом пространстве пенитенциарной психологии, пенитенциарная психотерапия испытывает дефицит достижений современной отечественной научной мысли, аккумулируя негативные последствия кризиса философии постмодерна и психологии. Выбор симптомо-ориентированного психотерапевтического инструментария связан с отсутствием междисциплинарного подхода, в частности рефлексии философской антропологии, хотя именно она и способна осуществить научное обоснование целеполаганий исправительной психологии и явиться основанием развития стратегий и тактики психотерапии [7].

Несмотря на имеющиеся исследования, использующие междисциплинарный подход к анализу психических состояний, основанный на синтезе парадигм современной философии и естественных наук, в большинстве случаев на практике реализуются редуccionистские методологические подходы и принципы психотерапии осужденных

[1]. В то же время широкое взаимодействие современного гуманитарного знания с естественными науками на принципах неклассичности способствовало бы поиску механизмов противодействия кризису культуры, его деформирующему влиянию на общественное сознание, порождающему новые формы нарушений морали и нравственности. Под влиянием указанных явлений и факторов во многом нерешенными остаются узловые проблемы теории и практики пенитенциарной психотерапии осужденных. Являясь важнейшим инструментом исправления, психотерапия вынуждена учитывать и охватывать многие сферы жизнедеятельности человека, в то время как психологическая сущность субъекта, его внутренний мир остаются за гранью познания. Их изучение в настоящее время должно осуществляться на базе постнеклассичности и синтеза подходов, используемых в различных областях науки и гуманитарных знаний.

Анализ внутреннего мира и духовной сущности осужденных вне междисциплинарного подхода не в состоянии противостоять тенденциям современного психологизма, рассматривающего человека в качестве животного, машины (системы) или «сверхсущества», наделенного абсолютной свободой [3; 13]. Близкими по своей теоретической и практической безрезультативности к подобным редукционистским трактовкам личности осужденных – субъектов психотерапии относятся бесконечные поиски и классификации их психических параметров (черт, свойств и т. д.), особенностей поведения в зависимости от многих переменных – возраста, состава преступления и т. д. Это затрудняет поиск и выделение базовых характеристик личности осужденного, отражающих сущность его внутреннего мира и определяющих интенциональность и причины отклонений поведения [3].

Осевой и сквозной научной проблемой психотерапии остается нерешенность теоретических вопросов адаптации и реадaptации осужденных к условиям лишения свободы. Ее сущность заключается в том, что широко транслируемое понимание и определение адаптации осужденных к нахождению в неволе противоречиво. И если в работах многих известных авторов (Ю. М. Антоняна, О. А. Васильченко, А. Д. Глоточкина, А. И. Мокрецова, О. А. Малышевой, А. С. Новоселовой, В. Ф. Пирожкова, В. М. Позднякова, В. Я. Семке, С. И. Гусева и Г. Я. Снигиревой, А. И. Ушатикова и Б. Б. Казака и др.) декларируется

необходимость и возможность достижения позитивной социально-психологической адаптации лиц, отбывающих наказание, то в других исследованиях убедительно обосновывается положение о противоестественности подобного процесса, имеющего явную дезадаптивную направленность, характерную для стагнирующих и деградирующих сред [4; 5]. В то же время авторы, указывающие на позитивную роль адаптации, отмечают, что нахождение в местах лишения свободы усугубляет имеющиеся у осужденных отклонения, которые явились причиной их социальной изоляции.

Принимаемая в ряде учреждений за цель адаптации выработка внешне соответствующего режиму поведения осужденных нарушает смысл и цель их нахождения в неволе, и следствием подобной «бесцелевой» деятельности являются стагнация и распад целостной системы адаптации-реадaptации [1; 2; 3]. Под адаптацией осужденных сегодня понимают цепь многократно повторяющихся стрессовых событий и состояний, обозначаемых как прерывистый или хронический пенитенциарный стресс, часто сопровождающийся дезадаптацией [3]. То есть адаптация уступает место формированию устойчивых форм дезадаптации – болезней адаптации, пограничных психических расстройств и т. д., препятствующих ресоциализации. Особая роль в нарушении психического состояния осужденных принадлежит процессам декомпенсации психических личностных расстройств под действием стресса, что крайне усложняет задачи пенитенциарной психотерапии [13]. Однако в пенитенциарной литературе отсутствует научно обоснованный подход к решению этой проблемы, уступая место устранению не только негативного, но и исправительного потенциала стресса, что противоречит главной цели ресоциализации – исправлению осужденного. В таком случае активное содействие эффективной и полной ресоциализации нивелируется, взамен на первое место выдвигается психологическое сопровождение, способствующее приспособлению к нахождению в неволе, ведущему, как известно, к призонизации осужденных.

В этой связи перспективы повышения эффективности психологической работы с осужденными в первую очередь связаны с разработкой методологической базы психотерапии – научно-теоретического обоснования программ и методов психологического воздействия. Являясь важнейшим инстру-

ментом научного познания, методология вместе с тем выступает гарантом соблюдения социальных, правовых, нравственных и иных норм воспитательных мероприятий психологической и психопедагогической направленности в процессе ресоциализации осужденных. Ее значимость обуславливается и крайней сложностью самого психологического воздействия на имеющееся многообразие форм личностных деформаций и психосоциальной дезадаптации [12]. Поскольку трансформация криминальной направленности осужденных в процессы их психического развития и правосознательного поведения оказалась недостижимой на основе стандартных технологий психотерапии, то первостепенную значимость приобретают научно ориентированные методы философско-антропологического анализа психических состояний и механизмов самоорганизации личности осужденных.

Особая важность при этом принадлежит развитию теоретических основ, анализу и осмыслению философско-антропологических постулатов и принципов психотерапии на основе междисциплинарного подхода к выбору адекватных путей и методов приобщения осужденных к духовной культуре наших народов с целью выработки мировоззренческой позиции. Научный подход при этом является гарантом психологической безопасности осужденных, поскольку использует соответствующие критерии оценки степени и динамики нравственной трансформации психической сферы субъекта. Актуальным остается и выбор теоретических основ и идей построения базовых стратегий интервенции, определяющих адресный, то есть патогенетический характер психотерапевтической помощи. Допускаемые же упрощения «сложноорганизованной системы», какой является духовный и психический мир человека, подвергаемый психотерапевтической интервенции, и принятие второстепенных факторов в качестве интеграторов ее деятельности приводят к разрушению ее структуры [13].

Понимание феномена «психическое» возможно на базе принципов и парадигм постнеклассичности, обосновывающей взаимодействие психологии с философией, естественно-научной мыслью и теологией [7]. Приоритетность выбора духовности в качестве системообразующего фактора внутреннего мира человека, а его дефицитности как причины его повреждения, так и природы психогенной психопатологии принадлежит гуманитарной платфор-

ме психотерапии осужденных [1; 7; 12; 13]. Ее построение основано на комплексном междисциплинарном полипарадигмальном подходе к осмыслению понятий «человек», «духовность» и «сознание» в неразрывной целостности духа, души и тела с позиции традиционных ценностей нашей многовековой культуры и ее религиозности. Утрата целостного восприятия психики человека, его души и духовности привела к наращиванию снежного кома теорий, гипотез, равно как и способов психотерапии, появлению многочисленных бесцелевых симптоматических практик избавления от личностных проблем и самих стрессовых состояний, что снижает эффективность ресоциализации с помощью психотерапии. Синтез же психологии с естествознанием и духовной культурой, равно как и с философской антропологией, открывает перспективы познания природы психики и предназначения человека. В этой связи рассмотрение проблемных аспектов психотерапии обуславливает ее направленность к современным парадигмам сознания, психики и духовности человека [7].

Другим важнейшим направлением развития пенитенциарной психотерапевтической практики является решение крайне сложной научно-практической задачи – регуляции уровня стресса у осужденного с помощью методов психотерапии. Постоянное стрессовое состояние должно явиться триггером духовного и психического развития – инициации правосознательного поведения [3; 12]. То есть при всех его негативных свойствах стресс в условиях лишения свободы остается основным психотерапевтическим фактором трансформации психической сферы. Особое значение при этом приобретает решение проблем, связанных со снижением и регуляцией степени выраженности дезадаптивных психических состояний. Это обуславливает важность более активного развития исследований взаимосвязи психических личностных расстройств с пенитенциарным стрессом, а также необходимость дальнейшей разработки и освоения современных методов их предупреждения и коррекции.

Таким образом, к актуальным направлениям развития психотерапии относится разработка собственной теоретико-методологической базы, что помимо активации междисциплинарных исследований требует приобщения пенитенциарной психологии и психотерапии к современным постулатам построения постнеклассической науки – ос-

воению имеющихся и разработке новых теорий, концепций, смысловых моделей и т. д. Создание же эффективного психопрактического научного конструкта обуславливает, в свою очередь, необходимость раскрытия топологии и динамики не только самих феноменов «психическое», «сознание» и «душа», но и нарушений их целостности в виде духовной дефицитарности, психосоциогенных расстройств и т. д. Проведенные в этом направлении исследования, равно как и успехи духовно ориентированной психотерапии, указывают на важность учета состояний духовной сферы личности осужденных, степень дефицитарности которой имеет прямую положительную корреляцию с интенсивностью проявлений пенитенциарного стресса и уровнем декомпенсации психических расстройств [11; 12; 13]. Получению этих данных и разработке духовной парадигмы стресса и адаптации способствовало привлечение принципов постнеклассичности – некаузальности психического, иерархичности регуляции психики и поведения человека наряду с использованием постулатов и теорий фундаментальной науки. Раскрытие же духовной сущности человека и природы дезадаптивных состояний осужденного, его криминальной интенциональности составляют базовые мишени психотерапии, что находится в полном соответствии с главной целью постнеклассической науки – познанием духовной сущности человека. Обогащение методологии пенитенциарной психотерапии понятиями энтропии, бифуркации, теории хаоса, теории функциональных систем в синтезе с метапсихологическими и философскими

теориями сознания предоставляет возможность выработки мировоззренческой позиции на базе принятия духовности человека [1; 3].

Помимо указанного к важным факторам повышения результативности психотерапии следует отнести мониторинг просоциальной и духовной трансформации личности осужденных; приведение вопросов и критериев диагностики психических и стрессовых расстройств в соответствие их нозологическим формам; решение блока правовых аспектов психотерапии и изменение законодательной базы, допускающей возможность отказа осужденных от психотерапевтической интервенции; разработку программ и методов патогенетической психотерапии стрессовых и психических расстройств, поскольку ее эффективность зависит от соответствия природе имеющейся личностной психопатологии; разработку обширных программ и технологий культуротерапии в комплексе с методами экзистенциальной и духовной психотерапии в соответствии с этнорелигиозными убеждениями осужденных; повышение компетентности пенитенциарных специалистов в сфере диагностики и психотерапии психических расстройств; повышение уровня взаимодействия психотерапевтов с представителями Русской православной церкви и религиозными организациями других конфессий и т. д. Решение этих задач крайне важно в современных условиях, где «востребована консолидированная позиция ученых, выработанная на основе заинтересованного диалога и расширенного междисциплинарного сотрудничества» [10, с. 6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабурин С. В., Оботурова Н. С., Чирков А. М. Методологические подходы к проблеме психологического стресса у сотрудников исправительных учреждений и осужденных // Приклад. юрид. психология. 2014. № 3.
2. Бабурин С. В., Чирков А. М. Проблемы стресса и адаптации в пенитенциарной психологии // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2014. № 25.
3. Бабурин С. В., Чирков А. М. Психолого-педагогические основы пенитенциарной психологии : учеб. пособие. Вологда, 2014. 576 с.
4. Диденко А. В. Расстройства личности у осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы : учеб. пособие / под общ. ред. В. Я. Семке. Томск, 2010. 240 с.
5. Корель В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. С. 95.
6. Нагорных Р. В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.
7. Оботурова Н. С., Чирков А. М. Философско-антропологические основы психотерапии осужденных // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2018. № 2 (42).
8. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2017 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018. 358 с.
9. Поздняков В. М. Актуальные проблемы пенитенциарной психологии как науки и области психопрактики // Юрид. психология. 2015. № 2. С. 3–8.
10. Поздняков В. М. Реформа уголовно-исполнительной системы России и новые задачи пенитенциарной психологии // Психопедагогика в правоохранит. органах. 2012. № 2 (49).
11. Сочивко Д. В. Духовно ориентированный подход в рамках гештальт-терапии: формирование понятийного аппарата // Консультатив. психология и психотерапия. 2008. № 3. С. 19–35.
12. Чирков А. М. Полиmodalная психотерапия ассоциации стрессовых и психических личностных расстройств // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2017. № 1 (37). С. 67–71.

13. Чирков А. М. Системогенез стрессовой адаптации осужденных // Психопедагогика в правоохранит. органах. 2018. № 1 (72). С. 40.

REFERENCES

1. Baburin S. V., Oboturova N. S., Chirkov A. M. Metodologicheskie podhody k probleme psihologicheskogo stressa u sotrudnikov ispravitel'nykh uchrezhdenij i osuzhdennykh [Methodological approaches to the problem of psychological stress in correctional officers and convicts]. *Priklad. yurid. psihologiya – Applied legal psychology*. 2014. Iss. 3. (In Russ.).
2. Baburin S. V., Chirkov A. M. Problemy stressa i adaptacii v penitenciarnej psihologii [Problems of stress and adaptation in penitentiary psychology]. *Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*. 2014. Iss. 25. (In Russ.).
3. Baburin S. V., Chirkov A. M. Psihologo-pedagogicheskie osnovy penitenciarnej psihologii : ucheb. posobie [Psychological and pedagogical bases of penitentiary psychology : tutorial]. Vologda, 2014. 576 p. (In Russ.).
4. Didenko A. V. Rasstrojstva lichnosti u osuzhdennykh, otbyvayushchih nakazaniya v mestah lisheniya svobody : ucheb. posobie / pod obshch. red. V. Ya. Semke [Personality disorders in convicted prisoners who are serving sentences in places of Imprisonment : tutorial : ed. by V. Ya Semke]. Tomsk, 2010. 240 p. (In Russ.).
5. Korel' V. Sociologiya adaptacij: voprosy teorii, metodologii i metodiki [Sociology of adaptations: issues of theory, methodology and methodology]. Novosibirsk, 2005. P. 95. (In Russ.).
6. Nagornyy R. V. Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii v pravoohranitel'noj sfere : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Administrative and legal regulation of the state service of the Russian Federation in the field of law enforcement : the author's abstract of the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 2017. (In Russ.).
7. Oboturova N. S., Chirkov A. M. Filosofsko-antropologicheskie osnovy psihoterapii osuzhdennykh [The philosophical-anthropological foundations of psychotherapy convicts]. *Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*. 2018. Iss. 2 (42). (In Russ.).
8. Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar'–dekabr' 2017 g.) : inform.-analit. sb. [Key performance indicators of the Penal system (January–December 2017) : information and analytical collection]. Tver, 2018. 358 p. (In Russ.).
9. Pozdnyakov V. M. Aktual'nye problemy penitenciarnej psihologii kak nauki i oblasti psihopraktiki [Actual problems of penitentiary psychology as a science and the field of psychological practice]. *Yurid. psihologiya – Legal psychology*. 2015. Iss. 2. P. 3–8. (In Russ.).
10. Pozdnyakov V. M. Reforma ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii i novye zadachi penitenciarnej psihologii [Reform of the penitentiary system of Russia and new tasks of penitentiary psychology]. *Psihopedagogika v pravoohranit. organah – Psychopedagogics in law enforcement agencies*. 2012. Iss. 2 (49). (In Russ.).
11. Sochivko D. V. Duhovno orientirovannyj podhod v ramkah geshtal't-terapii: formirovanie ponyatiynogo apparata [Spiritually-oriented approach within Gestalt therapy: formation of conceptual apparatus]. *Konsul'tativ. psihologiya i psihoterapiya – Counseling psychology and psychotherapy*. 2008. Iss. 3. P. 19–35. (In Russ.).
12. Chirkov A. M. Polimodal'naya psihoterapiya asociacii stressovykh i psihicheskikh lichnostnykh rasstrojstv [Polymodal psychotherapy Association of stress and mental personality disorders]. *Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*. 2017. Iss. 1 (37). P. 67–71. (In Russ.).
13. Chirkov A. M. Sistemogenez stressovoj adaptacii osuzhdennykh [The stress system Genesis adaptation of convicts]. *Psihopedagogika v pravoohranit. organah – Psychopedagogics in law enforcement agencies*. 2018. Iss. 1 (72). P. 40. (In Russ.).

УДК 316.64

Исследование социальной установки обучающихся в ведомственном вузе к мигрантам

К. Б. МАЛЫШЕВ – профессор кафедры социологии Вологодского государственного университета, доктор психологических наук, доцент;

О. А. МАЛЫШЕВА – доцент кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук

Реферат

Для исследования социальной установки обучающихся в вузах Вологодской области к мигрантам был использован многомерный типологический подход. В рамках настоящей статьи предлагается авторский взгляд на создание методики – анкеты «Типы установки личности по отношению к мигрантам».

Критериями авторской концепции этого подхода являются целостность, системность, базисность. Были выбраны и апробированы следующие методы: подбор психологических характеристик, их обобщение, сравнение и отождествление с характеристиками базового эталона, выявление профиля изучаемого качества, свойства субъекта.

В данной работе были применены следующие принципы типологического подхода: индуктивно-дедуктивного исследования, «правильности» разбиения множества

на подмножества, полярной дихотомичности, единой полярной дихотомической симметрии, образования «мерности» в типологии, упорядоченности, типологической «всеохватности», эталонного типологического базиса, изоморфизма, семантической близости, гомоморфизма, операционализации понятия.

Ключевые слова: целостность; системность; базисность; единая дихотомическая симметрия; многомерность; эталонный типологический базис; семантическая близость.

Study of social attitudes towards migrant of students in a departmental university

K. B. MALYSHEV – Professor of the Department of Sociology of the Vologda State University, Dsc. in Psychology, Associate Professor;

O. A. MALYSHEVA – Associate Professor of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogy

Abstract

To study the social attitudes of students in higher education institutions of the Vologda region towards migrants a multidimensional typological approach was used. In the framework of this article is offered the author's view on the creation of a methodology – a questionnaire on «Types of personality attitude towards migrants».

The criteria of the author's concept of this approach are integrity, consistency, basicity. The following methods were selected and tested: selection of psychological characteristics, their generalization, comparison and identification with the characteristics of the basic standard, identification of the profile of the quality studied, properties of the subject.

In this work the following principles of the typological approach were applied: inductive-deductive research, «correctness» of partitioning a set into subsets, polar dichotomy, single polar dichotomous symmetry, formation of «dimensionality» in typology, orderliness, typological «inclusiveness», reference typological basis, isomorphism, semantic proximity, homomorphism, operationalization of the concept.

Keywords: integrity; consistency; basicity; single DJ potamitissa symmetry; multidimensional; typological reference is the basis of the semantic proximity.

В настоящее время мигранты становятся все более заметной, хотя и неустойчивой социальной группой, оказывающей влияние не только на рынок труда, но и на социальную ситуацию в российском обществе. Об этом свидетельствуют как данные государственной статистики, так и социологические опросы населения. С увеличением количества мигрантов коренное население постепенно начинает менять свои взгляды и оценки с позитивных или нейтральных на негативные по отношению к поселившимся рядом с ними «чужакам». Наиболее заметен рост негативного отношения к мигрантам среди молодежи. По данным социологических опросов, «число молодых респондентов, считающих влияние мигрантов на культуру России разрушительным, более чем в два раза больше, чем тех, кто оценивает это влияние положительно». Мигрант – это

лицо, которое меняет место жительства в государстве или переезжает на постоянное место жительства в другое государство по причине национально-правовой, экономической, политической нестабильности [4].

Отношение населения к мигрантам формируется под воздействием различных факторов, условий жизни и изменений, происходящих в массовом сознании. Выстраивая свое отношение к мигрантам, молодежь более других социальных групп подвержена влиянию ксенофобских настроений. Поэтому так важно иметь методологические инструменты для исследования динамики социальных изменений в молодежной среде, в том числе измерения установок к мигрантам. Исследуя установки студенческой молодежи к мигрантам, мы исходили из понимания установки как готовности действовать определенным способом с теми или

иными социальными объектами на основе устоявшихся взглядов и сформировавшегося к ним отношения [3].

В исследовании социальной установки к мигрантам приняли участие обучающиеся четырех вузов Вологодской области: Вологодского института права и экономики (ВИПЭ ФСИН России), Вологодского государственного университета (ВоГУ), Вологодской государственной молочно-хозяйственной академии (ВГМХА), Череповецкого государственного университета (ЧГУ). Общее количество испытуемых составило 600 чел.

На первом этапе исследования была разработана базисная метрическая модель проявления социальной установки личности к мигрантам. Для решения этой задачи был использован многомерный типологический подход, позволяющий создать анкету «Типы установки личности по отношению к мигрантам». Было дано базисное, то есть полное, упорядоченное описание типологической структуры социальной установки личности по отношению к мигрантам. Рассмотрим теоретическое обоснование базисного подхода.

При построении любых классификаций используются полнота разбиения целого и упорядоченность элементов (частей в целом), что является основанием базисного подхода к изучению психологической информации. Результатом применения этого подхода является построение многомерного базиса как объединения нескольких одномерных базисов.

При построении типологий создаются благоприятные возможности для полного описания психологической информации об объектах (понятиях, явлениях), что является основанием целостного подхода. В обоих случаях возникает возможность измерения психологических характеристик (компонентов) в результате системного структурирования информации, то есть функциональной связанности компонентов – типов.

Многомерный типологический подход имеет следующие признаки: во-первых, совокупность знания, отраженного в концепции, которое приведено в систему на основании проверенных на практике достоверных результатов, во-вторых, прогностические возможности, так как позволяет увидеть пути дальнейшего развития личностных характеристик. Критериями концепции данного подхода являются целостность, системность, базисность.

Для создания анкеты были выбраны и апробированы следующие методы: подбор психологических характеристик, их обобщение, сравнение и отождествление с характеристиками базового эталона, выявление профиля изучаемого качества, свойства субъекта.

Главными принципами рассматриваемого подхода являются: индуктивно-дедуктивное исследование, «правильность» разбиения множества на подмножества, полярная дихотомичность, единая полярная дихотомическая симметрия, образование «мерности» в типологии, упорядоченность, типологическая «всеохватность», эталонный типологический базис, изоморфизм, семантическая близость, гомоморфизм, операционализация понятия.

Для реализации многомерного типологического подхода был использован принцип семантической близости, позволяющий осуществлять сопоставление множества характеристик объекта или понятия с характеристиками другого множества, являющегося эталонным типологическим семантическим базисом [2].

Базис – это множество элементов, обладающее полнотой и порядком [1]. В социальной психологии установка имеет три измерения: аффективное, когнитивное и поведенческое. Отношение к мигрантам нами рассматривалось как «положительное», «отрицательное» и «безразличное». Оценка каждого суждения проводилась с использованием симметрической пятибалльной шкалы от –2 до +2 следующим образом:

- 2 (не согласен);
- 1 (скорее не согласен, чем согласен);
- 0 (неопределенный случай);
- +1 (скорее согласен, чем не согласен);
- +2 (согласен), которые в итоге соответствуют положительным оценкам: 1, 2, 3, 4, 5.

Итак, получаются уровни выраженности типов «установки»:

- 3–4 – это низкий уровень;
- 5–9 – это средний уровень;
- 10–15 – это высокий уровень.

Установки определяются как ориентиры, которые позволяют нам в любой момент предстать перед тем или иным человеком, событием или сообщением в «полной готовности». Предлагаемая анкета, содержащая 36 вопросов, дает возможность определения профиля социальной установки личности по отношению к мигрантам и позволяет выделить разные уровни выраженности этой установки (см. табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление типологических характеристик для создания анкеты

Базис личности (базис эго-состояний)	Установки, типы личности	Диагностические суждения для анкеты «Типы установки личности по отношению к мигрантам»
1	2	3
<p>Артистический (дитя свободное): независим в решениях, оригинален, гибкий, маневренный, заводной, активный, динамичный, свобода в поведении без ограничений. Склонен к импровизации, предпочитает творческие занятия в эстетической сфере (музыка, поэзия, изобразительное искусство)</p>	<p><i>Экстравертированная установка</i></p> <p>Экстрааффективный (вербальный) 1–3</p> <p>Экстрааффективный (невербальный) 4–6</p>	<p>1. Я открыто, эмоционально реагирую на новости о мигрантах, к которым отношусь с сочувствием, позитивно и «ярко» рассказываю об этом окружающим.</p> <p>2. При обсуждении проблем мигрантов у меня проявляются отрицательные эмоции, и это отношение к ним я красноречиво обсуждаю с другими людьми.</p> <p>3. Меня не волнуют проблемы мигрантов и я открыто заявляю об этом окружающим</p> <p>4. Я внешне эмоционально реагирую на новости о мигрантах и отношусь к ним с сочувствием, позитивно, но об этом не делюсь ни с кем.</p> <p>5. У меня возникают отрицательные эмоции по отношению к мигрантам, и я стараюсь ни с кем это не обсуждать.</p> <p>6. При всей внешней эмоциональности я безразличен к мигрантам, но свою позицию я скрываю и стараюсь не обсуждать эту тему с людьми</p>
<p>Предприимчивый (взрослый организующий): хороший организатор, энтузиаст, импульсивный, энергичный, доминантный, агрессивный, предприимчивый, авторитарный, властный, жесткий, решительный, любит признание, любит руководить, хорошо решает задачи, связанные с руководством, статусом и властью</p>	<p><i>Экстравертированная установка</i></p> <p>Экстракогнитивный (вербальный) 7–9</p> <p>Экстракогнитивный (невербальный) 10–12</p>	<p>7. Когда я размышляю о проблемах мигрантов, у меня формируется свое отношение, я выражаю его в ярких, эмоциональных высказываниях, защищая их уверенно, убедительно и обоснованно в возникающих спорах.</p> <p>8. Анализирую ситуации о мигрантах, придерживаясь негативной позиции по отношению к ним, я доказываю это постоянно окружающим.</p> <p>9. Я убежден, что не надо проявлять участия в судьбе мигрантов, и поэтому я абсолютно безразличен к их проблемам и об этом заявляю всем</p> <p>10. Мои убеждения и взгляды сопровождаются жестами и выразительной мимикой, и по моему лицу можно понять, что я позитивно отношусь к мигрантам.</p> <p>11. Я соглашаюсь с негативным отношением к мигрантам части общества и свое мнение не обсуждаю с другими людьми.</p> <p>12. Мои убеждения связаны с безразличием к мигрантам, и этим я ни с кем не делюсь</p>
<p>Социальный (родитель воспитывающий): коммуникабельность, принимает участие в обсуждении и принятии коллективных решений, не пренебрегает советом коллег, зависим от мнения группы. Ласковый, опекающий, заботливый, помогающий, сопереживающий, доброжелательный, советуемый</p>	<p><i>Экстравертированная установка</i></p> <p>Экстраповеденческий (вербальный) 13–15</p> <p>Экстраповеденческий (невербальный) 16–18</p>	<p>13. Моя реакция на просьбы со стороны мигрантов заключается в оказании им помощи, это я обсуждаю с единомышленниками и ищу у них поддержки и понимания в этом вопросе.</p> <p>14. Негативное отношение к мигрантам в своем поведении я могу продемонстрировать в красноречивых высказываниях на людях и организации действий против них.</p> <p>15. Мое равнодушное отношение к проблемам мигрантов проявляется в моем поведении и в разговорах с другими людьми</p> <p>16. Могу принять участие в потасовке, даже совершая несдержанные поступки в защиту мигрантов без обсуждения их проблем.</p> <p>17. Мое негативное отношение к мигрантам скорее проявляется в активных действиях и поступках, нежели в словах.</p> <p>18. Не поддерживаю разговор о судьбах мигрантов, и по моему поведению видно, что я безразлично к ним отношусь и не обсуждаю их проблем</p>

1	2	3
<p>Реалистический (родитель контролирующий): занимается конкретными объектами, развиты математические способности (точность), контролирует свои действия в соответствии с социальными нормативами, стереотипность, нормативное поведение</p>	<p><i>Интровертированная установка</i></p> <p>Интроаффективный (вербальный) 19–21</p> <p>Интроаффективный (невербальный) 22–24</p>	<p>19. Мои внутренние переживания по отношению к мигрантам внешне никак не проявляются, но я могу их передать словами окружающим.</p> <p>20. У меня возникает негативное внутреннее беспокойство по отношению к мигрантам, и это я могу высказать окружающим.</p> <p>21. Мое внутреннее эмоциональное состояние равнодушия по отношению к мигрантам я не скрываю при обсуждении их проблем</p> <p>22. Мои внутренние чувства по отношению к мигрантам проявляются позитивно, но этими чувствами я не делюсь с окружающими людьми.</p> <p>23. Наедине с самим собой у меня возникают отрицательные эмоции по отношению к мигрантам, но это отношение к ним я стараюсь с окружающими людьми не обсуждать и не анализировать.</p> <p>24. Внутри себя я испытываю безразличное эмоциональное состояние по отношению к проблемам мигрантов, и я это не обсуждаю с окружающими людьми</p>
<p>Интеллектуальный (взрослый познающий): аналитичен, рационален, оригинален, эмоционально холоден, любит решать интеллектуальные задачи, получает удовлетворение от умственного труда, стремится к поисково-исследовательской деятельности</p>	<p><i>Интровертированная установка</i></p> <p>Интрокогнитивный (вербальный) 25–27</p> <p>Интрокогнитивный (невербальный) 28–30</p>	<p>25. Моя внутренняя позиция по отношению к мигрантам приводит меня к убеждению в том, что им надо помогать, принимать участие в решении их проблем, и это проявляется в моих высказываниях.</p> <p>26. Мои внутренние убеждения по отношению к мигрантам негативны, и об этом я всегда говорю открыто, призывая других разделить мои взгляды.</p> <p>27. Я внутренне убежден, что не надо вмешиваться в проблемы и судьбы мигрантов, и я заявляю открыто об этом окружающим</p> <p>28. Мое позитивное мнение и внутреннее убеждение по отношению к мигрантам никогда не обсуждаю с другими людьми.</p> <p>29. Внутри меня сформировалось негативное отношение к мигрантам, и это убеждение я ни с кем не обсуждаю.</p> <p>30. Я свое безразличное мнение к проблемам мигрантов скрываю внутри и не обсуждаю это с другими людьми</p>
<p>Конвенциональный (дети адаптивное): предпочитает четко структурированную деятельность, консервативен, не любит смену деятельности, предпочитает работу, связанную с канцелярией, расчетами; преобладают математические способности; стремится к стандартам, регламенту и нормативной деятельности</p>	<p><i>Интровертированная установка</i></p> <p>Интроповеденческий (вербальный) 31–33</p> <p>Интроповеденческий (невербальный) 34–36</p>	<p>31. Моя внутренняя сформированная равнодушная позиция к мигрантам проявляется в широком обсуждении их проблем и последующей активной помощи им.</p> <p>32. Моя внутренняя позиция заключается в негативном отношении к мигрантам и проявляется в призывах против них и соответствующих поступках.</p> <p>33. Моя внутренняя позиция связана с равнодушным отношением к мигрантам, и поэтому я сдержан в поступках, но могу рассказать о своей позиции окружающим</p> <p>34. Я не предпринимаю никаких активных действий и широкого обсуждения проблем мигрантов, стараюсь не затрагивать эти вопросы, хотя отношусь к ним позитивно, и это определяет мою внутреннюю позицию.</p> <p>35. Я внутренне сдержан в своих реакциях по отношению к мигрантам, стараюсь не обсуждать их проблемы со своими знакомыми, хотя отношусь к ним очень негативно.</p> <p>36. Я внутренне безразличен к проблемам мигрантов, и это видно по моему поведению, я стараюсь не говорить на эту тему с близкими людьми</p>

Перепроверим полноту и упорядоченность множества типов социальной установки личности по отношению к мигрантам и рассмотрим реализацию многомерного

типологического подхода при построении соответствующей многомерной типологии. Для выявления полноты и упорядоченности данной типологии был выбран эталонный семантический типологический базис: типология направленности личности Д. Голланда, которая включает шесть типов: артистический, конвенциальный, предприимчивый, интеллектуальный, социальный, реалистический. Характеризуя типологию Д. Голланда, следует отметить, что она является полной, целостной и упорядоченной системой. Полнота и целостность определяются тем, что все профессии включаются в шесть типов личности этой типологии, а упорядоченность проявляется в том, что в ней существуют три пары противоположных полюсов – типов, которые имеют один полярный дихотомический признак «социальное – индивидуальное», который проектируется на единую дихотомию «экстраверсия – интроверсия».

Типология является также трехмерным (трехфакторным) базисом, где выявляются три полярные дихотомические пары типов: «социальный – реалистический», «предприимчивый – интеллектуальный», «артистический – конвенциальный». В «эталонный семантический типологический базис» («базисный конструкт»), таким образом, вошли шесть типов направленности личности. Следует обратить внимание на механизм образования многомерности. Когда впервые заявляется понятие «установка личности», то его измерение на данном этапе отсутствует. Все одномерные базисы строятся по единому полярному дихотомическому принципу «социальное – индивидуальное». Первый одномерный базис – это полярная дихотомическая пара «социальный – реалистический», второй одномерный базис – это другая полярная дихотомическая пара «предприимчивый – интеллектуальный», а третий одномерный базис – это третья полярная дихотомическая пара «артистический – конвенциальный». Связка вышеуказанных трех одномерных базисов образует в нашем исследовании трехмерный (трехфакторный) базис, который мы назвали базисом личности. При создании типологии установки личности использовался принцип семантической близости.

Каждый тип установки личности по отношению к мигрантам рассматривался в направлении единой дихотомии «вербальное – невербальное».

Сопоставим введенный эталонный личностный профессиональный базис и до-

минирующие эго-состояния личности с множеством типов установок личности на основе принципа семантической близости (см. табл. 1). В результате исследования оказалось, что определенный тип личности и тип доминирующего эго-состояния личности тяготеет к определенному типу установки личности (типологический изоморфизм).

В таблице 2 приводится ключ к методике анкеты.

Таблица 2

Ключ к методике «Типы установки личности по отношению к мигрантам»

1. Экстрааффективный – вербальный – 1, 2, 3; 2. Экстрааффективный – невербальный – 4, 5, 6
3. Экстракогнитивный – вербальный – 7, 8, 9; 4. Экстракогнитивный – невербальный – 10, 11, 12
5. Экстраповеденческий – вербальный – 13, 14, 15; 6. Экстраповеденческий – невербальный – 16, 17, 18
7. Интрааффективный – вербальный – 19, 20, 21; 8. Интрааффективный – невербальный – 22, 23, 24
9. Интракогнитивный – вербальный – 25, 26, 27; 10. Интракогнитивный – невербальный – 28, 29, 30
11. Интроповеденческий – вербальный – 31, 32, 33; 12. Интроповеденческий – невербальный – 34, 35, 36

Для социологического анализа проблемы в конце анкеты необходимо было указать некоторые сведения об испытуемом:

37. Ваш пол: муж. – 01; жен. – 02;

38. Ваш возраст: 16–20 лет – 01; 21–25 лет – 02; 26–30 лет – 03;

39. Вы учащийся или студент (курсант, слушатель ФПК):

колледжа – 01; ссуза – 02; вуза – 03.

40. Вы учились в школе: городской – 01; сельской – 02; поселковой – 03;

41. Сейчас вы: учитесь очно – 01; работаете – 02; работаете и учитесь заочно – 03; не работаете и не учитесь – 04.

42. Какими социальными сетями в Интернете вы пользуетесь? (Напишите)

43. Интересующую вас информацию о событиях в регионе, стране и мире вы предпочитаете получать из таких источников, как...

Проведенный социологический анализ показал, что от количества социальных сетей, которыми пользуются обучающиеся (курсанты дневного и заочного отделений, а также слушатели ФПК) ВИПЭ ФСИН России, не зависит социальная установка к мигрантам.

В таблице 3 приведены результаты анкетирования отношения к мигрантам обучающихся в различных вузах Вологодской области.

Таблица 3
Сравнительные результаты анкетирования
отношения к мигрантам обучающихся
ВИПЭ ФСИН России и других вузов
Вологодской области

Исследуемые характеристики	Отношение к мигрантам обучающихся в ВИПЭ / других вузах области (ВоГУ, ВГМХА, ЧГУ – усредненные показатели), в %		
	Позитивное	Безразличное	Отрицательное
	22/15,5	64/72,5	14/12
В целом	10/28,8	38/43	52/28,2
Женщины	21/23	43/59,8	36/17,2
Мужчины	22/17,3	45/66,5	33/16,2
18–20 лет	13/11,5	58/64	29/24,5
21–25 лет	24/10,3	46/83	30/6,7
26–30 лет	75/30	18/45,8	7/24,2
Выпускники городской средней школы	18/37,3	11/51,3	71/11,4
Выпускники сельской средней школы	23/19,8	10/54,8	67/25,4
Выпускники поселковой средней школы			

Если анализировать полученные результаты обучающихся ВИПЭ ФСИН России, то следует отметить, что в целом у них доминирует безразличная позиция (64 %). Мужчины по сравнению с женщинами более безразличны к мигрантам (43 и 38 % соответственно). Отрицательное отношение к мигрантам проявляется у женщин больше, чем у мужчин (52 и 36 %). Большинство обучающихся в ВИПЭ ФСИН России, закончивших городскую среднюю школу (75 %), относятся к мигрантам более позитивно, чем обучающиеся, закончившие сельские и поселковые школы (18 и 23 % соответственно), отрицательное отношение к мигрантам выражают больше выпускники сельских и поселковых средних школ (71 и 67 % соответственно) по сравнению с выпускниками городских средних школ (7 %).

В таблице можно увидеть высокие показатели безразличного и отрицательного отношения к мигрантам обучающихся ведомственного вуза, особенно по возрастным и гендерным характеристикам. Можно предположить, что это вызвано спецификой обучения и службы в учреждениях ФСИН России, однако доказательство данной гипотезы – дело будущих исследований по этой проблеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л., 1984. 176 с.
2. Малышев К. Б. Многомерная типологизация психологической информации. Вологда, 2016. 167 с.
3. Малышев К. Б., Асташов В. Н., Малышева О. А. Опыт измерения социальных установок студенческой молодежи к мигрантам // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира : сб. материалов XII Междунар. науч. конф. «Сорокинские чтения» (19–20 февраля 2018 г.). М., 2018. С. 665–667.
4. Мастикова Н. С. Динамика отношения российской молодежи к мигрантам // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 15. М., 2017. С. 273.

REFERENCES

1. Ganzen V. A. Sistemnye opisaniya v psikhologii [System descriptions in psychology]. Leningrad, 1984. 176 p. (In Russ.).
2. Malyshev K. B. Mnogomernaya tipologizaciya psihologicheskoy informacii [Multidimensional typology of psychological information]. Vologda, 2016. 167 p. (In Russ.).
3. Malyshev K. B., Astashov V. N., Malysheva O. A. Opyt izmereniya social'nyh ustanovok studencheskoj molodezhi k migrantam [Experience in measuring the social attitudes of students to migrants]. Social'naya nespravedlivost' v sociologicheskome izmerenii: vyzovy sovremennogo mira : sb. materialov XII Mezhdunar. nauch. konf. «Sorokinskie chteniya» (19–20 fevralya 2018 g.) – Social injustice in the sociological dimension: challenges of the modern world : collection of materials XII international scientific conference «Sorokin readings» (19–20 February 2018). Moscow, 2018. P. 665–667. (In Russ.).
4. Mastikova N. S. Dinamika otnosheniya rossijskoj molodezhi k migrantam [Dynamics of the attitude of Russian youth to migrants]. Rossiya reformiruyushchayasya : ezhegodnik / отв. red. M. K. Gorshkov. Vyp. 15 – Russia reforming : Yearbook : ed. by M. K. Gorshkov. Vol. 15. Moscow, 2017. P. 273. (In Russ.).

УДК 159.9.072

Об ориентирах в оценке степени психологической готовности осужденных с пожизненными сроками отбывания наказания к освобождению

А. Н. БАЛАМУТ – заместитель начальника психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

В. М. ПОЗДНЯКОВ – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор

Реферат

В статье рассматриваются актуальные вопросы оценки психологической готовности осужденных с пожизненными сроками отбывания наказания к освобождению. Проведен краткий анализ положительного опыта зарубежных стран в вопросах предоставления условно-досрочного освобождения заключенным, приговоренным к пожизненным срокам отбывания уголовного наказания. Достаточно подробно представлены структура и содержательная характеристика дефиниции «психологическая готовность личности осужденного пожизненно» в контексте реализации права условно-досрочного освобождения. Проведен анализ наиболее типичных высказываний осужденных к пожизненному лишению свободы, объясняющих их установочные позиции, обусловленные совокупностью факторов, затрудняющих процесс ресоциализации лиц данной категории.

Определен комплекс актуальных вопросов, возникающих при дальнейшем сопровождении осужденных к пожизненному лишению свободы в процессе подготовки к условно-досрочному освобождению и фактической реализации самой процедуры освобождения. Рассмотрены факторы риска в рамках модели системы оценивания готовности к освобождению осужденных к пожизненному лишению свободы.

Ключевые слова: психологическая готовность; оценка рисков; критерии оценки факторов риска.

On the guidelines for assessing psychological readiness for release of convicts with life imprisonment sentences

A. N. BALAMUT – Deputy Head of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor;

V. M. POZDNYAKOV – Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Faculty of Extreme Psychology of Moscow State Psychological and Pedagogical University, Dsc. in Psychology, Professor

Abstract

The article deals with topical issues of assessing the psychological readiness of convicts with life sentences to release. A brief analysis of the positive experience of foreign countries in the issues of granting parole to prisoners sentenced to life sentence is given. The structure and substantive description of the psychological readiness of the personality of the convicted person for life imprisonment in the context of the realization of the right to parole is presented in sufficient detail. The analysis of the most typical statements of prisoners sentenced to life imprisonment, explaining their attitudes, due to a combination of factors that impede the process of re-socialization of this category of convicts.

A set of topical issues arising from further support of life-sentenced prisoners in the process of preparing for release on parole and the actual implementation of the release procedure itself has been determined. The risk factors were thoroughly considered within

the framework of the model of the system for assessing readiness for release of those sentenced to life imprisonment.

Key words: psychological readiness; risk assessment; risk assessment criteria.

В XXI в. ученые все чаще стали говорить о «кризисе системы наказания» и необходимости внесения стратегических корректив в вопросы реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики [10, с. 405; 1, с. 154–155]. Это обусловлено, с одной стороны, появлением новых криминальных угроз, прежде всего из-за роста масштабов насильственной [3, с. 24] транснациональной преступности [8; 19], а с другой – трансформациями в пенитенциарной субкультуре, связанными с качественными изменениями в составе спецконтингента [22; 2]. Особую обеспокоенность вызывает постоянный рост числа лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы. Введение данного института в России в 1992 г. было во многом конъюнктурно и политически ангажированным [25], в недостаточной мере научно обоснованным в части сопровождения данной категории лиц [24; 15] и реализации ими права на получение условно-досрочного освобождения после 25 лет отбытия наказания [11]. Существенные же изменения, внесенные федеральным законом от 21.07.2004 № 74-ФЗ, когда пожизненное лишение свободы стало применяться как альтернатива смертной казни по расширенному перечню преступных деяний, привели сегодня к тому, что назрела необходимость «решения проблемы увеличения геронтологической группы среди осужденных, характеризующихся осложненной криминальной и ресоциализационной траекторией» [23, с. 3].

Руководство ФСИН России и суды с вопросом по осужденным пожизненно, отбывшим 25 лет наказания и ходатайствовавшим о применении к ним условно-досрочного освобождения, столкнулись в 2014 г. При отказе по первым ходатайствам осужденных одновременно был сформулирован ведомственный заказ на проведение комплексного исследования, в рамках которого пенитенциарным психологам следует дать научно обоснованные ответы на ряд вопросов: как оценить исправился ли осужденный? как должен делаться прогноз рецидивного и иных рисков в аспекте способности данной категории осужденных просоциальным образом реализовать право условно-досрочного освобождения после столь длительного срока пребывания в камерных условиях? кто и как будет брать на себя от-

ветственность за решение по реализации права осужденных пожизненно? и др. Следует отметить, что в концептуально-методологическом аспекте психологи первоначально обозначили приоритетность создания модели психологического мониторинга трансформации личности осужденных пожизненно [20], разработки программ оказания им психологической помощи на разных этапах отбывания наказания [6] и ресоциализационной деятельности с привлечением институтов гражданского общества и ряда категорий специалистов [16]. Кроме того, была актуализирована потребность в расширенном изучении имеющегося зарубежного опыта по процедуре и применяемым средствам при условно-досрочном освобождении заключенных с пожизненными сроками отбывания наказания.

Анализ публикаций и зарубежной пенитенциарной практики показывает, что сегодня существует положительный опыт работы с осужденными пожизненно на основе английской программы СисОП (система оценки риска и потребностей правонарушителя), канадских программ участия заключенных в различных тренингах и группах поддержки с учетом личности преступника и вида преступления, а также исправительной работы с ними в скандинавских странах (Дании, Норвегии, Швеции) и Германии [5].

Следует также отметить, что указанный позитивный опыт и конструктивная практика по условно-досрочному освобождению заключенных данной категории сложились не только в указанных странах, но и во многих других государствах [17]. При этом в компаративных юридических исследованиях отмечается, что сейчас до конца жизни в зарубежных тюрьмах остаются очень немногие заключенные, хотя метаанализов по средней длительности отбывания срока наказания в тюремных учреждениях разных стран по процедуре предоставления им условно-досрочного освобождения нет.

Представляется важным в первую очередь обсудить сложившуюся мировую практику назначения и контроля за отбыванием наказания заключенными пожизненно. Так, в Германии минимальный срок, который следует отбыть заключенному для условно-досрочного освобождения, составляет 15 лет, а для особо тяжких преступлений – 18 лет.

В Англии средняя продолжительность отбывания наказания до проведения первых слушаний перед Национальным советом по условно-досрочному освобождению также составляет 15 лет. В Польше осужденные к пожизненному заключению должны отбыть не менее 25 лет, прежде чем им может быть разрешено условно-досрочное освобождение [9, с. 7]. Следует подчеркнуть, что многими зарубежными учеными доказывается, что меры, принимаемые в отношении приговоренных к пожизненному заключению, не должны ни по содержанию, ни по масштабу выходить за рамки того, что строго обусловлено соображениями общественной безопасности, так как исполнение приговора в отношении них должно служить той же цели, что и в отношении остальных заключенных – индивидуальной профилактике. Из указанной позиции ученых, которая видится частью из них базовым пенологическим принципом, следует, что вопрос о возможном освобождении приговоренного к пожизненному заключению должен рассматриваться, прежде всего, в аспекте соображения общественной безопасности, а также мнения общественности и потерпевшего или осиротевшего родственника жертвы преступления. Кроме указанных моментов освобождение всегда признается целесообразным с учетом оценки его личности и обстоятельств дела. На практике данная процедура заключается в том, что представители администрации дважды в год проводят собеседование с каждым приговоренным к длительному сроку тюремного заключения, во время которого стремятся выяснить его личные проблемы и ситуацию, чтобы решить, какие, с точки зрения режима, условий содержания мероприятия с ним запланировать для дальнейшей перспективы его освобождения. На данном совещании присутствуют сотрудники тюрьмы, которые лучше знают заключенного, в том числе специалист, который проводил собеседование [4, с. 24–25].

На наш взгляд, вопрос о том, когда должен наступать момент для освобождения осужденного пожизненно, вряд ли может быть решен формально, с юридической позиции. С другой стороны, чтобы быть уверенным, что ни один из приговоренных к пожизненному заключению не останется «забытым», обосновывается необходимость законодательного нормирования вопроса о возможности освобождения по прошествии определенного количества лет и проявлении с его стороны просоциальной активно-

сти. Это позволит исключить нереалистичные надежды осужденного пожизненно на автоматическое освобождение без проявления субъектной активности, в том числе через участие в устранении причиненного вреда, программах исправления и ресоциализации и т. д. Важное значение, несомненно, имеет и поддержание осужденным связи с родственниками [14, с. 6]. На это обращено внимание и в постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 24-П (п. «б» ч. 3 ст. 125 и ч. 3 ст. 127 УИК РФ на предмет соответствия Конституции Российской Федерации): было определено, что нормы УИК РФ, исключающие возможность длительных свиданий для пожизненно осужденных в течение первых 10 лет их срока, не соответствуют Конституции Российской Федерации, а также Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Эта норма начала действовать сразу после принятия постановления, и данная категория осужденных уже сейчас имеет право на длительное свидание один раз в год, что создает условия для восстановления, развития и поддержания социально полезных связей осужденных.

По мнению пенологов, гуманным и эффективным решением проблем повышения субъектной просоциальной активности осужденных пожизненно является реализация на практике поощрительных институтов уголовно-исполнительного права [4]. Представляется, что возможность условно-досрочного освобождения выступает ключевым стимулом, который дает надежду и интринсивную мотивацию для исправления лицу, отбывающему пожизненное заключение. Интересен опыт тюрем Канады, где досрочное освобождение лиц, отбывающих пожизненное заключение, возможно по критерию поведения себя как законопослушных граждан, в том числе путем участия и приобретения просоциальных навыков в программе постепенного подконтрольного освобождения [13, с. 53].

В рамках анализа положительного пенитенциарного опыта следует особо отметить, что оценка готовности осужденных с пожизненными сроками отбывания наказания к освобождению должна базироваться сразу на двух критериях: внутреннем, связанном с позитивной просоциальной трансформацией личности самого пожизненника, и внешнем, обусловленном предрасположенностью общества простить и принять человека, отбывающего пожизненное лишение свободы, обратно в социум. Что в них яв-

ляется ключевым и как они взаимосвязаны, рассмотрим подробнее.

Первый из указанных критериев требует научной строгости в понимании сути феномена готовности осужденного-пожизненника к просоциально-продуктивному образу жизни [12]. По мнению видного психолога Б. Д. Парыгина, развитие психологической готовности личности заключается в необходимом обеспечении динамического включения человека в просоциальную деятельность, в рамках которой изменяются его психические характеристики (адекватность самооценки, общение и взаимодействие с другими людьми и т. д.). Высокая психологическая готовность личности проявляется на уровне формирования таких образований, как: 1) установка и способность к полному включению в деятельность; 2) установка и способность к нестереотипной деятельности; 3) установка и способность принятия обоснованного решения; 4) установка и способность выдержать испытание стрессом – все это может привести человека к достижению необходимых позитивных результатов [18, с. 114–115].

В отношении психологической готовности осужденных с пожизненными сроками отбывания наказания к освобождению, на наш взгляд, необходимо на разных этапах заключения планировать и реализовывать меры по испытанию и закреплению у них образцов просоциального «варианта жизни» (по В. Н. Дружинину), то есть добиваться прочувствования ими мотивационного настроя и успешности в просоциальных изменениях личности. За счет расширения включения осужденного к пожизненному лишению свободы в разноплановые виды просоциальной деятельности у него будет формироваться психологическая готовность как интегральное личностное образование, если одновременно развиваются такие ее структурные компоненты, как мотивационно-смысловой, познавательный-прогностический, эмоционально-оценочный, волевой и поведенческий. При этом важнейшими условиями развития социально-психологической зрелости личности выступают диалогизация взаимодействия между персоналом исправительного учреждения и осужденными, а также включение в ресоциализирующую работу с последними представителей конфессий и специалистов из институтов гражданского общества [21, с. 78].

Для выяснения степени готовности осужденных к условно-досрочному освобождению необходимо определиться с системой

и процедурой оценивания с методологической и концептуальной позиций: показателями и критериями проявления у объекта динамического наблюдения (личность осужденного), инструментарием оценки, компетентностью и функциями субъектов оценки (сотрудник ИК, специалисты, эксперты), алгоритмом процедуры оценивания (промежуточные и итоговая оценка факторов риска) и подготовки комплексного заключения [7].

По внешнему критерию, предрасположенности общества принять человека, добросовестно отбывшего нормативно определенный срок пожизненного лишения свободы и показавшего позитивную трансформацию личности, и прогнозу возможных факторов риска при попадании в среду, где он своими преступлениями создал ситуации невосполнимости, переживания горя утраты, предварительно надо отметить, что это крайне волнует и самих осужденных-пожизненников. В рамках индивидуальных бесед с ними были зафиксированы следующие высказывания: «Даже родственники не хотят, чтобы мы освободились; мнения родственников и потерпевших учтут, и тут все в отношении меня понятно!», «Администрация ИК может “устраивать” осужденным нарушения, чтобы они не освободились. И общество не хочет этого! Пусть другие освобождаются, а я не хочу! Вы же (общество) сами не дадите мне там нормально жить, я не доверяю вам и боюсь вас! Уж лучше я тут доживу, сколько осталось... Я бы согласился освободиться с условием жить в каком-нибудь доме престарелых или специальном интернате, где будет у меня комнатка для жилья и охрана от общества, – так я привык, я несамостоятелен стал, или в “психушке” спрятаться, а тут режим жесткий сильно...». Или другой вариант высказываний: «25 лет – очень большой срок для УДО, после такого срока я уже буду пенсионером, поэтому, если можно, УДО сократить до 15 лет...»; «До сих пор не было политической воли, поэтому ни одного случая УДО на ПЛС не было. Все зависит от Президента страны и правительства, тогда и на местах станут работать над этим вопросом, но лично мне УДО уже не нужно...»; «УДО на пожизненном лишении свободы просто нет!»; «По-моему, для пожизненно заключенных это на сегодняшний день вообще закрытая тема. Никто этим особо не занимается. Нет механизма ресоциализации таких осужденных»; «Отсутствие социально-психологического сопровождения осужденного для подготовки к

УДО, методик и практики работы с осужденными к ПЛС» и т. д.

Приведенные выше позиции осужденных к пожизненному лишению свободы обоснованы, конечно, совокупностью объективных и субъективных факторов, где определяющими, как показало проведенное исследование, являются: индивидуально-психологические особенности личности и позиция осужденного к пожизненному лишению свободы; недостаточное взаимодействие между отделами и службами в вопросах конструктивного взаимодействия с ними; отсутствие системной психологической работы и ресоциализирующей деятельности с данной категорией лиц.

Мы разделяем мнение зарубежных ученых о том, что под оценкой риска личности осужденного пожизненно понимается тщательное оценивание того, представляет ли он какой-либо риск для самого себя (суицид, членовредительство и пр.), других осужденных и персонала (акты насилия и др.), социума (побег), риск совершения тяжкого преступления внутри пенитенциарного учреждения и после освобождения в социуме. Оценка риска также включает выявленные данные о личных потребностях и особенностях личности, связанных с совершенными преступлениями или деструктивным поведением. Например, наркозависимость может усиливать криминогенную потребность личности, если она приводит к краже денег и другим преступным действиям с целью покупки наркотиков и т. д. [14, с. 5].

Изучение зарубежного и отечественного пенитенциарного опыта работы с осужденными пожизненно позволяет считать, что модель системы оценивания их готовности к освобождению целесообразно разрабатывать по четырем группам факторов риска:

1) социальный (отсутствие образования, семьи (родственников), жилья, профессиональной квалификации; наличие признаков социальной дезадаптации);

2) криминологический (наличие криминальных наклонностей; категоризация пре-

ступлений: насильственные, сексуальные и т. д.);

3) медицинский (наличие аномалий психики, невротических расстройств, социально значимых заболеваний, травм, алкогольной, наркотической аддикций);

4) психологический (наличие трудностей в общении (деструктивных коммуникативных установок, взглядов, позиций), эмоционального неблагополучия (депрессивные состояния, фобии), отсутствие мотивации к работе над своим противоправным поведением, стремления к условно-досрочному освобождению, духовных ориентиров) [7, с. 16].

Кроме сбора показателей по указанным группам факторов необходима и специфичная информация: от лиц, участвовавших в реализации ресоциализирующей деятельности с осужденными (представители конфессий, специалисты из общественных организаций и др.), а также с места предполагаемого возврата в социум осужденного, готовящегося к условно-досрочному освобождению (от потерпевших, родственников и т. д.).

Обсуждение показателей по указанным группам факторов риска в исправительной колонии должны осуществлять специально подготовленные сотрудники ряда служб. Все они должны входить в созданную администрацией исправительного учреждения комиссию, в рамках заседания которой обсуждаются имеющиеся документы по конкретному осужденному «пожизненнику» и делается оценка уровня его готовности к освобождению (низкий, средний, высокий или очень высокий по группам риска). В случае признания нахождения осужденного на очень высоком уровне готовности осуществляется подготовка требуемого пакета документов, который будет направлен в суд для окончательного принятия решения [5, с. 139].

В заключение подчеркнем, что затронутая нами проблема и сделанные предложения требуют междисциплинарного обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю. М. Наука криминология : моногр. М., 2015. 376 с.
2. Анфиногенов В. А. Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2016. 27 с.
3. Афанасьева О. Р. Теоретические основы криминологического исследования и минимизации социальных последствий насильственной преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
4. Бабаян С. Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
5. Баламут А. Н. Актуальные вопросы системы оценивания степени готовности осужденных с пожизненными сроками отбывания наказания к условно-досрочному освобождению // Институт ресоциализации осужденных: состояние, проблемы и перспективы развития : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. (Киров, 26–27 октября 2017 г.). Киров, 2017. С. 138–140.

6. Баламут А. Н. Осужденные к пожизненному лишению свободы и пути оказания им психологической помощи : моногр. М., 2009. 198 с.
7. Баламут А. Н. Психологическое сопровождение осужденных к пожизненному лишению свободы в рамках подготовки их к освобождению (с учетом возможности предоставления условно-досрочного освобождения) : практ. рук. Вологда, 2017. 74 с.
8. Белоцерковский С. Д. Криминологические основы правового регулирования борьбы с организованной преступностью : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 57 с.
9. Бишоп Н. Вопросы и ответы по содержанию осужденных к пожизненному лишению свободы. Алматы, 2007. 10 с.
10. Гишинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2009. 504 с.
11. Горбач Д. В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2012. 24 с.
12. Дружинин В. Н. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. М. ; СПб., 2000. 135 с.
13. Казакова Е. Н. Опыт ресоциализации и социальной реабилитации пожизненно заключенных в Канаде // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2008. № 3. С. 50–55.
14. Лаусен Б. В. Освобождение заключенных, приговоренных к длительным срокам, на условиях probation. Алматы, 2010. 66 с.
15. Мазурина Ю. Е. Уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы и его объект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. 24 с.
16. Мухина В. С. Психологическое сопровождение пожизненно осужденных насильственных преступников // Психолого-педагогическое обеспечение исполнения наказания в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы : сб. науч. ст. / под общ. ред. канд. психол. наук Н. Г. Соболева. Вологда, 2014. С. 23–25.
17. Назаров Д. А. Пожизненное лишение свободы в Республике Корея // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступлений и докл. участников (г. Рязань, 21–23 ноября 2017 г.) : в 8 т. Рязань, 2017. Т. 1. С. 164–166.
18. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб., 1999. 592 с.
19. Пихов А. Х.-А. Теоретические основы противодействия транснациональной преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2018. 55 с.
20. Поздняков В. М. Проблема психологического мониторинга трансформации личности осужденных при отбытии пожизненного лишения свободы: организационно-правовой и методический аспекты // Психолого-педагогическое обеспечение исполнения наказания в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы : сб. науч. ст. / под общ. ред. канд. психол. наук Н. Г. Соболева. Вологда, 2014. С. 5–15.
21. Поздняков В. М. Психология оптимизации взаимоотношений сотрудников и осужденных в исправительных учреждениях // Уголовное наказание в России и за рубежом: теория и практика : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 2005. С. 127–139.
22. Ромашов Р. А., Тонков Е. Н. Тюрма как «Град земной». СПб., 2014. 656 с.
23. Темаев Т. В. Концептуализация социально-экономических и демографических оснований реализации пенитенциарного ресоциализационного потенциала : автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Саратов, 2017. 39 с.
24. Углицкий Д. В. Организация и правовые основы деятельности исправительных учреждений в сфере надзора за осужденными, отбывающими наказание в виде пожизненного лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Псков, 2011. 28 с.
25. Уткин В. А., Детков А. П. Пожизненное лишение свободы : учеб. пособие. Томск, 1997. 136 с.

REFERENCES

1. Antonyan YU. M. Nauka kriminologiya : monogr. [The science of criminology : monograph]. Moscow, 2015. 376 p. (In Russ.).
2. Anfinogenov V. A. Subkul'tura osuzhdennykh i ee vliyaniye na ih povedeniye v usloviyakh izolyatsii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Subculture convicts and its impact on their behavior in isolation : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Stavropol, 2016. 27 p. (In Russ.).
3. Afanas'eva O. R. Teoreticheskie osnovy kriminologicheskogo issledovaniya i minimizatsii social'nykh posledstviy nasil'stvennoy prestupnosti : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Theoretical bases of criminological research and minimization of social consequences of violent crime : the author's abstract of the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 2014. (In Russ.).
4. Babayan S. L. Pooshchritel'nye instituty ugovolno-ispolnitel'nogo prava (teoriya i praktika primeneniya) : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Promotional institutions of the criminal enforcement law (theory and practice) : the author's abstract of the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 2014. (In Russ.).
5. Balamut A. N. Aktual'nye voprosy sistemy ocenivaniya stepeni gotovnosti osuzhdennykh s pozhiznennymi srokami otbyvaniya nakazaniya k uslovno-dosrochnomu osvobozhdeniyu [Topical issues of the system of assessing the degree of readiness of convicts with life terms of serving a sentence for parole]. Institut resotsializatsii osuzhdennykh: sostoyaniye, problemy i perspektivy razvitiya : sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf. (Kirov, 26–27 oktyabrya 2017 g.) – Institute of resocialization of convicts: state, problems and prospects of development : collection of materials of the all-Russian scientific-practical conference (Kirov, October 26–27, 2017). Kirov, 2017. P. 138–140. (In Russ.).
6. Balamut A. N. Osuzhdennyye k pozhiznennomu lisheniyu svobody i puti okazaniya im psihologicheskoy pomoshchi : monogr. [Prisoners sentenced to life imprisonment and ways of providing them with psychological assistance : monograph]. Moscow, 2009. 198 p. (In Russ.).
7. Balamut A. N. Psihologicheskoe soprovozhdeniye osuzhdennykh k pozhiznennomu lisheniyu svobody v ramkakh podgotovki ih k osvobozhdeniyu (s uchetom vozmozhnosti predostavleniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya) : prakt. ruk. [Psychological support for prisoners sentenced to life imprisonment in preparation for their release (taking into account the possibility of parole) : practical guide]. Vologda, 2017. 74 p. (In Russ.).
8. Belocerkovskij S. D. Kriminologicheskie osnovy pravovogo regulirovaniya bor'by s organizovannoy prestupnost'yu : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Criminological bases of legal regulation of fight against organized crime : the author's abstract of the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 2018. 57 p. (In Russ.).
9. Bishop N. Voprosy i otvety po sodержaniyu osuzhdennykh k pozhiznennomu lisheniyu svobody [Questions and answers on the content of prisoners sentenced to life imprisonment]. Almaty, 2007. 10 p. (In Russ.).
10. Gilinskij YA. I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, ehmpiricheskaya baza, social'nyj kontrol'. 2-e izd., pererab. i dop. [Criminology: theory, history, empirical base, social control. 2nd ed., rev. and augm.]. St. Petersburg, 2009. 504 p. (In Russ.).

11. Gorbach D. V. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya v vide pozhiznennogo lisheniya svobody : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Parole from serving a sentence of life imprisonment : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Ryazan, 2012. 24 p. (In Russ.).
12. Druzhinin V. N. Varianty zhizni. Ocherki ehkzistencial'noj psihologii [Life options. Essays on existential psychology]. Moscow ; St. Petersburg, 2000. 135 p. (In Russ.).
13. Kazakova E. N. Opyt resocializacii i social'noj reabilitacii pozhiznenno zaklyuchennyh v Kanade [Experience of re-socialization and social rehabilitation of life prisoners in Canada]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2008. Iss. 3. P. 50–55. (In Russ.).
14. Lausen B. V. Osvobozhdenie zaklyuchennyh, prigovorenyh k dlitel'nym srokam, na usloviyah probacii [Release of prisoners sentenced to long terms, on probation]. Almaty, 2010. 66 p. (In Russ.).
15. Mazurina YU. E. Ugolovnoe nakazanie v vide pozhiznennogo lisheniya svobody i ego ob'ekt : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Criminal punishment in the form of life imprisonment and its object : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Ryazan, 2010. 24 p. (In Russ.).
16. Muhina V. S. Psihologicheskoe soprovozhdenie pozhiznenno osuzhdennyh nasil'stvennyh prestupnikov [Psychological support for life of convicted violent criminals]. Psihologo-pedagogicheskoe obespechenie ispolneniya nakazaniya v otnoshenii osuzhdennyh k pozhiznennomu lisheniyu svobody : sb. nauch. st. / pod obshch. red. kand. psihol. nauk N. G. Soboleva – Psychological and pedagogical support of the execution of the punishment against the convicted to life imprisonment : collection of scientific articles : ed. by PhD. in Psychology N. G. Sobolev. Vologda, 2014. P. 23–25. (In Russ.).
17. Nazarov D. A. Pozhiznennoe lishenie svobody v Respublike Koreya [Life imprisonment in the Republic of Korea]. III Mezhdunarodnyj penitenciar'nyj forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii) : sb. tez. vystuplenij i dokl. uchastnikov (g. Ryazan', 21–23 noyabrya 2017 g.) : v 8 t. – III international penitentiary forum «Crime, punishment, correction» (to the 20th anniversary of the entry into force of the Criminal Executive code of the Russian Federation) : collection of abstracts and reports of participants (Ryazan, November 21–23, 2017) : in 8 vol. Ryazan, 2017. Vol. 1. P. 164–166. (In Russ.).
18. Parygin B. D. Social'naya psihologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii [Social psychology. Problems of methodology, history and theory]. St. Petersburg, 1999. 592 p. (In Russ.).
19. Pihov A. H.-A. Teoreticheskie osnovy protivodejstviya transnacional'noj prestupnosti : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [The theoretical framework of combating transnational crime : the author's abstract of the diss. ... Dsc. in Law]. Krasnodar, 2018. 55 p. (In Russ.).
20. Pozdnyakov V. M. Problema psihologicheskogo monitoringa transformacii lichnosti osuzhdennyh pri otbytii pozhiznennogo lisheniya svobody: organizacionno-pravovoj i metodicheskij aspekty [The problem of psychological monitoring of the transformation of the personality of convicts during the serving of life imprisonment: organizational, legal and methodological aspects]. Psihologo-pedagogicheskoe obespechenie ispolneniya nakazaniya v otnoshenii osuzhdennyh k pozhiznennomu lisheniyu svobody : sb. nauch. st. / pod obshch. red. kand. psihol. nauk N. G. Soboleva – Psychological and pedagogical support of the execution of the punishment against the convicted to life imprisonment : collection of scientific articles : ed. by PhD. in Psychology N. G. Sobolev. Vologda, 2014. P. 5–15. (In Russ.).
21. Pozdnyakov V. M. Psihologiya optimizacii vzaimootnoshenij sotrudnikov i osuzhdennyh v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah [Psychology of optimization of relations between employees and convicts in correctional institutions]. Ugolovnoe nakazanie v Rossii i za rubezhom: teoriya i praktika : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Criminal punishment in Russia and abroad: theory and practice : proceedings of the international scientific-practical conference. Vologda, 2005. P. 127–139. (In Russ.).
22. Romashov R. A., Tonkov E. N. Tyur'ma kak «Grad zemnoj» [The prison as «the earthly city»]. St. Petersburg, 2014. 656 p. (In Russ.).
23. Temaev T. V. Konceptualizaciya social'no-ehkonomicheskikh i demograficheskikh osnovanij realizacii penitenciar'nogo resocializacionnogo potentsiala : avtoref. dis. ... d-ra soc. nauk [Conceptualization of socio-economic and demographic foundations of penal re-socialization potential : the author's abstract of the diss. ... Dsc. in Sociology]. Saratov, 2017. 39 p. (In Russ.).
24. Uglickih D. V. Organizaciya i pravovye osnovy deyatel'nosti ispravitel'nyh uchrezhdenij v sfere nadzora za osuzhdennymi, otbyvayushchimi nakazanie v vide pozhiznennogo lisheniya svobody : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Organization and legal framework of correctional institutions in the field of supervision of convicts serving a sentence of life imprisonment : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Pskov, 2011. 28 p. (In Russ.).
25. Utkin V. A., Detkov A. P. Pozhiznennoe lishenie svobody : ucheb. posobie [Life imprisonment : tutorial]. Tomsk, 1997. 136 p. (In Russ.).

УДК 159.9.07

Смыслжизненные ориентации осужденных, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы

Е. Ф. ШТЕФАН – старший преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Р е ф е р а т

Для уголовно-исполнительной системы России актуальной проблемой является научно обоснованное обеспечение процесса предоставления условно-досроч-

ного освобождения осужденным к пожизненному лишению свободы. Деформации смысловой сферы криминальной личности и длительный срок пребывания в социальной изоляции существенно затрудняют процесс ресоциализации осужденных данной категории. Готовность осужденного вернуться к правопослушному образу жизни в обществе зависит от содержания его ценностно-смысловой сферы, в связи с чем сформированность смысло-жизненных ориентаций может рассматриваться в качестве одного из показателей степени готовности к жизни на свободе.

Результаты исследования по изучению содержания особенностей смысло-жизненных ориентаций у осужденных пожизненно, относящихся к различным возрастным группам, позволили констатировать у них низкий уровень общей осмысленности жизни, узость и слабую структурированность смысла жизни, малую опосредованность смысла жизни жизненными целями и планами. Для осужденных зрелого возраста характерны низкая активность в сфере осуществления смысла жизни и его сосредоточенность на событиях прошлого. Большинство осужденных не хотят размышлять о будущем, они не чувствуют опоры и лишены надежды. Был сделан вывод о необходимости подготовки и апробации психокоррекционных программ по развитию смысловой сферы и смысловой регуляции жизненного пути у данной категории осужденных. Особое внимание необходимо уделить коррекции смысловых деформаций субъективной картины жизненного пути, работе по прояснению системы жизненных целей, ожиданий и желаний, расширению и обогащению смысла жизни новыми источниками.

Ключевые слова: осужденные пожизненно; условно-досрочное освобождение; смысло-жизненные ориентации; смысловая регуляция жизненного пути.

Life-meaning orientations of convicts serving sentences of life imprisonment

E. F. STEFAN – Senior Lecturer at the Department of the Organization of Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology

Abstract

For the penal system of Russia an urgent problem is the scientifically based support of the process of granting of parole of convicts sentenced to life imprisonment. Deformations of the semantic sphere of a criminal personality and a long period of stay in social isolation significantly complicate the process of resocialization of convicts of this category. The readiness of the convicted person to return to a law-abiding life in society depends on the content of his value-semantic sphere, and therefore the formation of life-meaning orientations can be considered as one of the indicators of the degree of readiness for life in freedom.

The results of a study on the content of the characteristics of life-meaning orientations of life convicts belonging to different age groups allowed them to state a low level of general meaningfulness of life, narrowness and weak structured meaning of life, little mediating the meaning of life by life goals and plans. Convicted persons of mature age are characterized by low activity in the implementation of the meaning of life and its focus on past events. Most convicts do not want to think about the future, they do not feel foothold and are hopeless. It was concluded that it is necessary to develop and test psychocorrectional programs for the forming the semantic sphere and the semantic regulation of the life course of this category of convicts. Particular attention should be paid to correcting the semantic deformations of the subjective picture of the life course, working to clarify the system of life goals, expectations and desires, expanding and enriching the meaning of life course new sources.

Key words: convicts for life imprisonment; grant of parole; life-meaning orientation; semantic regulation of life course.

Пожизненное лишение свободы является самой суровой мерой уголовного наказания в Российской Федерации, заключающейся в лишении свободы на срок от момента вступления приговора в законную силу и до биологической смерти осужденного.

Отсутствие перспектив освобождения и строгие условия содержания усугубляются исключительной жестокостью совершенных преступлений и серьезной общественной опасностью содеянного и его последствий.

Российским законодательством предусмотрен особый порядок отбывания наказания и освобождения лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы. При этом они могут быть представлены к условно-досрочному освобождению после фактического отбытия не менее 25 лет лишения свободы. С одной стороны, бессрочность приговора влияет на формирование у них представлений об отсутствии перспективы в будущем выйти на свободу и приводит к размышлениям о бессмысленности своего существования в настоящем. С другой стороны, законодательно закрепленная возможность условно-досрочного освобождения оставляет надежду на освобождение через 25 лет.

Отбывая такие длительные сроки лишения свободы, осужденные нередко не столько исправляются, сколько деградируют. Интересно, что, по мнению сотрудников исправительных учреждений, где содержатся лица данной категории, сохраняют способность здраво рассуждать и контролировать себя как социального человека только 3–4 % от общей численности пожизненно осужденных. В том случае если осужденному все же удастся к указанному периоду сохранить каким-то образом свое физическое и психическое здоровье, то на свободе его ожидают совершенно незнакомые ему условия существования. Человек, привыкнув к строго регламентированному распорядку жизни, когда его активность становится полностью подавленной извне, а вопросы жизнеобеспечения решаются администрацией, скорее всего, утратит большинство навыков к самостоятельному существованию за стенами исправительного учреждения [3].

Существующая неопределенность в отношении возможности освобождения негативным образом влияет и на содержание смысложизненных ориентаций, которые рассматриваются как целостная система сознательных и избирательных связей, отражающая наличие жизненных целей, осмысленность выборов и оценок, а также удовлетворенность жизнью и способность брать за нее ответственность, влияя на ее ход. В ситуации пожизненного лишения свободы смысложизненные ориентации осужденных утрачивают свои функции, переставая быть продуктивными. Они не могут обеспечить позитивное функционирование личности, что в итоге приводит к чувству безысходности и отчаянию.

Предусмотренная законом возможность осужденным пожизненно выйти на свобо-

ду через двадцать пять лет при условии предоставления условно-досрочного освобождения предполагает, что осужденным к моменту выхода на свободу может быть в среднем от 55 лет и более. Как правило, в данном возрасте люди испытывают серьезные трудности в процессе ресоциализации, и чем старше возраст осужденных, тем сильнее они осознают сложности, связанные со своим возможным возвращением в общество. Длительный срок пребывания в строгой изоляции влечет за собой потерю социальных связей, здоровья, снижение коммуникативных умений, а также утрату профессиональных навыков.

Для уголовно-исполнительной системы России актуальной проблемой, требующей тщательной подготовительной работы по ее решению, является научно обоснованное обеспечение процесса предоставления условно-досрочного освобождения осужденным к пожизненному лишению свободы. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с разработкой критериев оценки готовности осужденных вернуться к правопослушному образу жизни в свободном обществе. Анализ основных средств исправления осужденных свидетельствует о том, что процесс стимулирования правопослушного поведения невозможен без внутренней мотивации самого человека [2, с. 32–33].

Особенности смысловой сферы определяют отношение криминальной личности к самой себе, окружающим людям, своей жизни, программируют криминальный образ жизни в целом, играя роль общих психологических предпосылок в генезисе противоправного поведения. Стремление человека к смыслу выступает одной из важнейших потребностей человека, удовлетворение которой определяется умением взять на себя ответственность, верой в собственную способность осуществлять контроль над своей судьбой. Ключевым показателем наличия личностного смысла является осмысленность жизни. Сформированность смысложизненных ориентаций может рассматриваться в качестве одного из показателей степени готовности осужденных к жизни на свободе.

Доля осужденных, обратившихся к психологу за помощью в местах пожизненного лишения свободы, в два раза превосходит аналогичный показатель для осужденных мужчин, отбывающих лишение свободы на определенный срок. На сегодняшний день осужденные к пожизненному лишению свободы во взаимодействии с психологами

и воспитателями, скорее, реализуют собственную потребность в межличностном общении в условиях крайней ограниченности в социальных контактах. Тем не менее работа психологов с осужденными является крайне необходимой для предотвращения дальнейшего распада личности [3].

В связи с вышеизложенным считаем, что психологическое сопровождение осужденных к пожизненному лишению свободы должно включать в себя работу по коррекции деформаций ценностно-смысловой сферы преступников в период всего срока отбывания наказания. Сама по себе коррекционная работа с данной группой осужденных является чрезвычайно трудной задачей, которая дополнительно осложняется личностными изменениями, происходящими под влиянием условий социальной изоляции. Дифференцированный подход к оказанию исправительного воздействия предусматривает обязательный учет возрастных особенностей осужденных.

С целью изучения содержания особенностей смысложизненных ориентаций у осужденных к пожизненному лишению свободы, относящихся к различным возрастным группам, было проведено эмпирическое исследование на базе ИК-2 УФСИН России по Пермскому краю (под нашим руководством в сборе эмпирических данных участвовала М. В. Соболева). В нем приняли участие 60 осужденных, отбывших от пяти до восьми лет лишения свободы. В первую экспериментальную группу вошли 30 осужденных молодежного возраста (25–30 лет), во вторую – 30 осужденных зрелого возраста (40–50 лет). Для сбора эмпирических данных использовались тест «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев), «Морфологический тест жизненных ценностей» (В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина), нестандартизированное интервью.

Анализ полученных эмпирических данных позволил выявить основные тенденции в области смысловой регуляции жизненного пути у осужденных пожизненно. По методике «Смысложизненные ориентации» были получены низкие значения по всем шкалам в обеих группах, что позволяет говорить об отсутствии у осужденных целей на будущее, низкой удовлетворенности своей жизнью, которая утратила временную перспективу и смысл. Более низкие значения (значимость различий при $p \leq 0,01$) по шкале «локус контроля – Я» (я – хозяин жизни) в группе осужденных молодежного возраста свидетельствуют о том, что они в большей степени,

нежели осужденные старшего возраста, сомневаются в способности влиять на события собственной жизни.

Осознание невозможности осуществлять контроль над своей жизнью в местах лишения свободы усиливает ощущение бессмысленности происходящего вокруг, что делает наказание еще более невыносимым. В интервью осужденные отмечали, что воспоминания о тех немногих ярких моментах, которые были в их прошлой жизни, являются для них единственной поддержкой в стенах учреждения, а все то, что происходит с ними сейчас, они называют «днем сурка».

Осужденные молодежного возраста значительно чаще указывали на то, что они надеются на возможное освобождение, однако их тревожит отсутствие отработанного механизма процедуры условно-досрочного освобождения, нечеткость критериев, по которым будет оцениваться степень готовности их к выходу на свободу, а также в целом отсутствие у государства четко заявленной позиции в отношении предоставления осужденным возможности освобождения. Осужденные зрелого возраста, как правило, говорили о понимании ими невозможности их выхода на свободу и смирении с тем, что им придется доживать свои дни в стенах колонии. Почти все усилия осужденных из данной группы сводятся к тому, чтобы приспособиться к жизни в местах лишения свободы и поискам стратегий, которые позволят сохранить определенный психологический комфорт, обеспечивающий достижение душевного покоя.

Сравнительный анализ результатов по методике «Морфологический тест жизненных ценностей» показал значимые различия ($p \leq 0,01$) между группами осужденных разных возрастов по следующим шкалам: саморазвитие, активные социальные контакты, собственный престиж, высокое материальное положение. Осужденные молодежного возраста в большей степени стремятся избежать работы по изменению своей личности, более негативно реагируют на объективную критику своего поведения. Молодые осужденные стремятся сохранить существующие социальные контакты и прилагают усилия к тому, чтобы приобрести новые. В интервью опрошенные также указали, что стараются поддерживать связи с семьей, завязывать новые отношения по переписке. Осужденные зрелого возраста менее заинтересованы в контактах с другими людьми. Меньшая потребность в общении у лиц из данной группы объясняется свойственной

им большей критичностью к другим людям, которая обусловлена возрастными особенностями. Респонденты пояснили, что испытывают недоверие к другим, а также убеждены в бесполезности любых разговоров, так как «не предаст только бог».

Более высокие значения по шкале «собственный престиж» в группе осужденных зрелого возраста свидетельствуют о том, для таких осужденных крайне важной является потребность в уважении. В условиях пожизненного наказания вера в то, что другие люди видят и отмечают твои личностные качества, может являться опорой, помогающей принять нынешний социальный статус и сохранить самоуважение. Для осужденных молодежного возраста более значимым является достижение высокого материального положения.

Отвечая на вопросы нестандартизированного интервью, осужденные из обеих групп (независимо от возраста) в качестве главной ценности для себя указали свободу. Осужденные молодежного возраста значительно чаще отмечали, что наиболее ценным в их жизни являются семья и жизнь, в то время как во второй группе чаще назывались надежда и спокойствие. Осужденные молодежного возраста полагают, что сделать их счастливыми может семья, удача, вера в себя. Больше всего они боятся потерять семью, тяжело заболеть, подвергнуться унижению, разочароваться в других людях. В группе осужденных зрелого возраста опрошенные считают, что счастье зависит от бога и внутреннего спокойствия. Они боятся смерти в стенах колонии, опасаются стать беспомощными и беззащитными, а также лишиться тех маленьких радостей жизни, которые у них есть в виде кофе и сигарет.

Осужденные молодежного возраста заявили о том, что в реализации их жизненных ценностей могут помочь семья, государство и они сами, а осужденные более зрелого возраста в решении своей судьбы практически полностью полагаются на волю случая. В целом полученные данные позволяют констатировать у осужденных пожизненно низкий уровень общей осмысленности жизни, узость и слабую структурированность смысла жизни. Для осужденных зрелого возраста характерна низкая активность в сфере осуществления смысла жизни, сосредоточенность смысла жизни на событиях прошлого. У осужденных из обеих групп наблюдается малая опосредованность смысла жизни жизненными целями и планами.

Длительное пребывание в изоляции и ограниченность сферы общения подавля-

ют у осужденных любое творческое начало, вне зависимости от возраста у осужденных наблюдаются консерватизм и стереотипность мышления, они стараются следовать привычным паттернам поведения, и появление в их жизни чего-то нового вызывает у них раздражение и недоверие. Основное их желание – чтобы очередной день прошел спокойно, без переживаний, поэтому они избегают всякой инициативы, так как боятся, что любое нововведение может нарушить их устоявшийся внутренний мир, который они с таким трудом создавали.

За время длительного пребывания в изоляции осужденные утратили представления о реальной жизни вне стен колонии и потеряли большинство умений и навыков в области социального взаимодействия. Понимание бессрочности наказания вызывает озлобленность у осужденных и усиливает и так уже достаточную деформацию восприятия действительности, что проявляется в отсутствии раскаяния в своем преступлении у значительной части заключенных пожизненно, а также в циничном и пренебрежительном отношении к обществу [5, с. 74–75].

Большинство осужденных пожизненно не хотят размышлять на тему своего будущего, они не чувствуют опоры и лишены надежды. Состояние неопределенности, страх перед будущим они называют самым жестоким наказанием за свои преступления. Жизнь осужденных из обеих групп сконцентрирована исключительно на удовлетворении своих текущих потребностей. Они избегают ответственности за свои мысли, решения и поступки. Те немногие осужденные, которые задумываются о своем существовании, испытывают чувство отчаяния и бессилия и, как они сами отмечают, угасают. Следствием сложившейся ситуации могут быть деструктивные действия, причем они могут быть направлены как на себя, так и на других.

Полученные данные согласуются с результатами проведенного нами исследования по изучению особенностей ценностно-смысловой сферы впервые осужденных и неоднократно судимых лиц. У неоднократно судимых осужденных отсутствуют цели в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Они не воспринимают процесс своей жизни как интересный, наполненный смыслом, не видят смысла в проживании своей жизни, критично оценивают свои успехи в осуществлении жизненных планов, полагают, что продуктивность и осмысленность прожитой части жизни могла бы быть

выше, считают, что не могут сами управлять своей жизнью. В группе впервые осужденных наблюдается умеренный уровень общей внутренней конфликтности ценностей и их доступности, в то время как в группе неоднократно судимых осужденных уровень общей внутренней конфликтности гораздо выше. Указанные различия обусловлены тем, что нахождение в местах лишения свободы приводит к упрощению системы ценностных ориентаций и актуализации низших терминальных ценностей. В процессе отбывания наказания осужденные становятся более «тюремнизированными», и это находит отражение в изменении их ориентации в сфере сознания [7, с. 60].

Социальный мир и жизненный путь в социуме воспринимается криминальной личностью как враждебный, агрессивный, угрожающий, порицающий, источающий тревогу, осмеяние, презрение. Правонарушители в малой степени ориентированы на смысл жизни, в результате чего заметно снижается общая осмысленность их существования [4, с. 24]. У осужденных пожизненно сформировалось устойчивое мнение о том, что государство способно только наказывать, а не помогать.

В процессе ресоциализации усилия должны быть направлены на ликвидацию разрыва, образовавшегося между осужденным и обществом и углубившегося в силу совершения преступления. Усвоенные осужденным позитивная иерархия ценностей и адекватное содержание смысла жизни, устраненные пробелы и деформации в отдельных компонентах правосознания являются одним из важнейших факторов, блокирующих рецидив преступлений [6, с. 170].

Результаты проведенного исследования позволили прийти к выводу о необходимости подготовки и апробации психокоррекционных программ по развитию смысловой сферы и смысловой регуляции жизненного пути у рассматриваемой категории осужденных. В содержание указанных программ целесообразно включить элементы программы по пошаговой отработке функций осознанной психобиографической саморегуляции жизненного пути девиантной личности, разработанной К. В. Карпинским [4, с. 22–24].

Первоочередными задачами психокоррекционной работы с осужденными пожизненно должны стать: активизация системы смысловой регуляции жизненного пути, понижение удельного веса индивидуальных

потребностей в структуре источников смысла жизни, гармонизация ценностно-смыслового отношения к времени жизни, формирование перспективного локуса смысла жизни. Особое внимание необходимо уделить коррекции смысловых деформаций субъективной картины жизненного пути, работе по прояснению системы жизненных целей, ожиданий и желаний, формированию навыков по рефлексии жизненных целей и планов, расширению и обогащению смысла жизни новыми источниками.

Необходимо отметить, что режимные требования пожизненного лишения свободы делают невозможным проведение полноценных групповых занятий, поэтому психологическая работа может проводиться только в индивидуальной форме. Достоинством такой работы является обеспечение конфиденциальности и более глубокий результат воздействия, в то же время она позволяет лучше раскрыть особенности осужденного и снять психологические барьеры, созданные высоким психологическим напряжением.

Как показали результаты проведенного исследования, осужденные молодежного возраста испытывают значительное психологическое напряжение, обусловленное нахождением в условиях социальной изоляции. В связи с этим мероприятия по оказанию психологической помощи данной группе осужденных должны включать работу по формированию эффективного совладающего поведения, направленного на осознание внутренних ресурсов и поиск источников жизненных сил, которые помогут сохранить психологическое здоровье в условиях длительной социальной депривации. В качестве приемов релаксации, позволяющих снимать напряжение, наиболее уместно будет применение медитативных техник, направленных на снижение тревоги.

Для реализации задач, связанных с исполнением наказаний в виде пожизненного лишения свободы, чрезвычайно актуальной проблемой остается подготовка концепции постпенитенциарной ресоциализации. Данную деятельность должны осуществлять специализированные государственные органы и учреждения. В постпенитенциарной ресоциализации выделяют три основных элемента: вторичную социализацию, социальную адаптацию после освобождения из исправительного учреждения и социальную реабилитацию [1, с. 14–15]. Все указанные составляющие процесса постпенитенциар-

ной ресоциализации включают в себя социально-психологическую работу с бывшими осужденными. Для ее осуществления необходимо разработать специальные программы и соответствующее методическое обеспечение указанной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаян С. Л. К вопросу о постпенитенциарной ресоциализации // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4 (36). С. 13–19.
2. Голодов П. В. Средства исправления осужденных: проблемы классификации и правовой регламентации // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2 (34). С. 30–34.
3. Екимова В. И., Кокурина И. В., Кокурин А. В. Осужденные к пожизненному лишению свободы: социально-демографическая, медицинская, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика, а также особенности психологического сопровождения // Психология и право. 2014. № 1. С. 59–72.
4. Карпинский К. В. Психологическая коррекция смысловой регуляции жизненного пути девиантной личности. Гродно, 2002. 139 с.
5. Стуканов В. Г. Психологические особенности правосознания осужденных к пожизненному заключению // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 72–75.
6. Сучкова Е. Л., Штефан Е. Ф. Психологическая коррекция ценностно-смысловой сферы осужденных, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 58–62.
7. Сучкова Е. Л. Психология правосознания осужденных : моногр. Вологда, 2017. 183 с.

REFERENCES

1. Babayan S. L. K voprosu o postpenitenciarnoj resocializacii [On the issue of post-penal resocialization]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2016. Iss. 4 (36). P. 13–19. (In Russ.).
2. Golodov P. V. Sredstva ispravleniya osuzhdennyh: problemy klassifikacii i pravovoj reglamentacii [Means of correction of convicts: problems of classification and legal regulation]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2016. Iss. 2 (34). P. 30–34. (In Russ.).
3. Ekimova V. I., Kokurina I. V., Kokurin A. V. Osuzhdennye k pozhiznennomu lisheniyu svobody: social'no-demograficheskaya, medicinskaya, ugovovno-pravovaya i ugovovno-ispolnitel'naya harakteristika, a takzhe osobennosti psihologicheskogo soprovozhdeniya [Prisoners sentenced to life imprisonment: socio-demographic, medical, criminal-legal and criminal-executive characteristics, as well as features of psychological support]. Psihologiya i pravo – Psychology and law. 2014. Iss. 1. P. 59–72. (In Russ.).
4. Karpinskij K. V. Psihologicheskaya korrekciya smyslovoj regulyacii zhiznennogo puti deviantnoj lichnosti [Psychological correction of semantic regulation of life path of deviant personality.]. Grodno, 2002. 139 p. (In Russ.).
5. Stukanov V. G. Psihologicheskie osobennosti pravosoznaniya osuzhdennyh k pozhiznennomu zaklyucheniyu [Psychological characteristics of justice sentenced to life imprisonment]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2015. Iss. 3 (31). P. 72–75. (In Russ.).
6. Suchkova E. L., SHtefan E. F. Psihologicheskaya korrekciya cennostno-smyslovoj sfery osuzhdennyh, vperve otbvyayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody [Psychological correction of value-semantic sphere of convicts serving their first sentence in the form of imprisonment]. Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2015. Iss. 1 (29). P. 58–62. (In Russ.).
7. Suchkova E. L. Psihologiya pravosoznaniya osuzhdennyh : monogr. [Psychology of legal consciousness of convicts : monograph]. Vologda, 2017. 183 p. (In Russ.).

УДК 159.9

Об опыте формирования навыков конструктивного общения с родственниками у осужденных на этапе подготовки к освобождению средствами социально-психологического тренинга

О. Н. РАКИТСКАЯ – начальник кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

Реферат

Дефицит навыков конструктивной коммуникации во взаимодействии с родственниками приводит к сокращению возможностей удовлетворения потребностей в принятии и поддержке, что может вызвать деструктивные последствия в поведении граждан вплоть до совершения преступлений на бытовой почве. В связи с этим формирование вербальных умений, обеспечивающих сохранение и восстановление семейных отношений как разновидности социально полезных связей, у осуж-

денных представляется целесообразным решением задач по их ресоциализации.

Опыт групповых психокоррекционных занятий с применением принципов и методов социально-психологического тренинга с осужденными женщинами на материале семейных отношений в рамках подготовки к освобождению наряду с возможностями по развитию способности осужденных к осознанию своей роли в осуществляемых коммуникациях в семье, признанию ответственности за сохранение семейных отношений и формированию готовности к саморазвитию в условиях краткосрочного воздействия продемонстрировал трудности обеспечения умений на уровне навыков.

Представляется необходимым применение возможностей социально-психологической, коммуникативной подготовки осужденных, в том числе посредством тренинга, в масштабах, превосходящих объем психокоррекционных занятий в рамках Школы подготовки к освобождению, и длительностью более полугода.

Ключевые слова: социально-психологическая подготовка осужденных женщин; конструктивное общение; отношения с родственниками; ресоциализация на этапе подготовки к освобождению; психокоррекция семейных отношений.

On the experience of the formation skills of constructive communication with relatives of convicts at the stage of preparation for release by means of socio-psychological training

O. N. RAKITSKAYA – Head of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor

Abstract

The lack of constructive communication skills in interaction with relatives leads to a reduction in the ability to meet the needs for acceptance and support, which can cause destructive consequences in the behavior of citizens, even before committing domestic crimes. In this regard the formation of verbal skills that ensure the preservation and restoration of family relationships as a type of socially useful connections for convicts seems to be an expedient solution to the problems of their re-socialization.

Experience of group psychocorrectional exercises using the principles and methods of socio-psychological training with convicted women on the material of family relations in preparation for release, along with the possibilities for developing the ability of convicts to realize their role in communication carried out in the family, recognition of responsibility for the preservation of family relations and formation readiness for self-development under short-term exposure has demonstrated the difficulty of providing skills at the skill level.

It seems necessary to use the possibilities of socio-psychological, communicative training of convicts, including through training, on a scale that exceeds the amount of psycho-correctional activities at the School of preparing for release and lasting more than six months.

Keywords: socio-psychological training of convicted women; constructive communication; relationships with relatives; resocialization at the preparatory stage for release; psycho-correction of family relations.

Значимость поддержания конструктивных отношений с родственниками для процессов социализации и формирования личности позволяет рассматривать семью как фактор воспитательного и исправительно-воздействующего на осужденных. В пенитенциарной практике принято говорить о необходимости мониторинга и поддержания социально полезных связей у осужденных. Каковы бы ни были научные позиции в отношении определения феномена семьи и

статуса родственных связей (С. М. Зубарев, Н. Н. Дерюга, С. А. Муратова, Р. П. Мананкова, В. И. Селиверстов и др.), нельзя не признать их заметную роль в ресоциализации осужденных к лишению свободы [3].

Вопросы коммуникативного характера в той или иной форме включены в подготовку к освобождению осужденных, которая представляет собой комплексную форму работы сотрудников пенитенциарных учреждений, охватывающую несколько направлений де-

тельности по информированию и формированию полезных социальных умений в правовой, социальной, медицинской сферах, которая осуществляется не позднее, чем за шесть месяцев до освобождения, и обладает статусом школы. К психолого-педагогическому и социальному обеспечению функционирования Школы подготовки осужденных к освобождению привлекаются сотрудники пенитенциарного учреждения соответствующего профиля, такие как начальники отрядов или воспитатели, медики, юристы, специалисты групп социальной защиты осужденных и психологи.

О необходимости восстановления отношений с родственниками и конструктивного их развития заявляют исследователи пенитенциарной социальной работы (А. В. Барышева, О. Е. Куренкова, Ю. В. Смирнова и др.), чья деятельность направлена на организацию комплексного и системного процесса подготовки осужденных к освобождению, поскольку обеспечение эффективной ресоциализации осужденных детерминирует профилактику проблем, возникающих после освобождения из исправительного учреждения [2].

Именно проблемный вопрос общения с семьей и ее членами является центральным в данной статье, особенно в аспекте дефицита навыков конструктивного общения с родственниками, наличие которого в том числе проявляется в совершении преступлений на бытовой почве. В содержательном плане действия по ликвидации отмеченного дефицита связаны с социально-психологической компетентностью персонала пенитенциарного учреждения, в частности психологов.

Основываясь на информации об организации психологической подготовки в рамках Школы подготовки осужденных к освобождению и возникающих при этом проблемах [1], мы разработали программу краткосрочного социально-психологического тренинга, ориентированного на освоение ключевых навыков конструктивного общения. В качестве методологической основы занятий и практических заданий выступила коммуникативная модель немецкого психолога и коммуниколога Фридемманна Шульца фон Туна, позволяющая осваивать коммуникативные возможности устной и письменной речи. Комплекс из пяти занятий продолжительностью от 1 до 1,5 часов апробировался на базе ИК-2 УФСИН России по Вологодской области при участии 10 осужденных женщин. В процессе психокоррекционной работы для оценки ее эффективности при-

менялись методы опроса (устного и письменного) и самоотчета с включением процедуры шкалирования.

Коммуникативные трудности естественным образом сопровождают процессы взаимодействия в системе семейных отношений, с чем согласились присутствующие на занятиях участницы. При этом многие отметили, что в условиях изоляции от общества появились дополнительные сложности, актуализирующие потребность в новых формах общения, ранее не рассматриваемых как необходимые («не знаешь, как попросить, чтоб не отказали», «что-нибудь скажешь, так вообще не звонят», «не знаю, о чем говорить, кроме того, что привезти» и пр.). Другими словами, у осужденных женщин присутствует страх того, что родственники прекратят или ограничат общение с ними, в том числе после их освобождения, в силу наличия усвоенных паттернов неконструктивного общения или отсутствия конструктивных. Таким образом, мотивационный потенциал для освоения новых коммуникативных форм, обучение которым должно соответствовать возможностям обучаемых с учетом их психологических особенностей, несомненно присутствует.

Следует отметить более выраженную по сравнению с мужчинами активность осужденных женщин в поддержании родственных связей. Однако при наличии стремления выстраивать отношения с родственниками осужденные женщины редко связывают имеющиеся конфликты с недостаточностью собственных умений конструктивно общаться. Реализуемое поведение рассматривается как правильное, само собой разумеющееся («а как же еще?»). При этом есть расчет на то, что сам факт родства детерминирует конструктивность взаимодействия («что мы не пойдем друг друга? мы же родные», «стерпится-слюбится», «да уж как-нибудь разберемся»). Поэтому работа в женской группе была направлена на осознание дефицита навыков конструктивного общения в отношениях с родственниками, а также конкретизацию фигуры родственника, связь с которым нуждается в реконструкции.

Были разработаны упражнения, обеспечивающие условия для осознания наличия поводов для переживания благодарности и сожаления в отношениях с близкими людьми, родственниками, а также стимулирующие выражение этих чувств в связи с конкретными обстоятельствами, событиями или фактами. Помимо этого задания были направлены на обучение конструктивным

формам просьбы и отказа, выражению критики, связанной с готовностью участников описывать не устраивающие их формы поведения или действия партнеров по общению и формулировать предложения по их коррекции. При этом на занятиях создавались условия для актуализации возможностей принятия критики в отношениях с родственниками для профилактики семейных конфликтов. Было организовано обучение действиям, связанным с принятием критического сообщения с опорой на готовность участников извлекать из него полезную информацию.

Во время занятий участницы обнаруживали высокую заинтересованность («послушать, как у людей», «может, что новое скажут»), а также наличие трудностей в принятии новой информации («непривычно»), что привело к сокращению части информации и ее упрощению во время работы.

Данные анкетирования, которое мы совмещали с устным опросом участниц, свидетельствуют о наличии позитивных результатов работы, отражая при этом аналитические и речевые затруднения при описании конкретных итогов деятельности, изменений в жизни и поведении участниц. Так, некоторые участницы сообщают о применении новых речевых форм устного общения с родственниками, обнаруживая неловкость и стеснение. В этом отношении более органично встраиваются в поведение осужденных образцы письменной речи, формирование паттернов которой в свою очередь зависит от многократного повторения, но его нам не удалось обеспечить в рамках отведенного времени.

В ходе обратной связи в конце занятий в числе запомнившихся особо выделили написание письма родственнику, отношения с которым требуют восстановления и поддержки. При этом они выражали благодарность за наличие в заданиях образцов коммуникативных моделей (текстовых сообщений, реплик, письменных выражений), на которые можно опереться при выполнении упражнения в рамках тренинга, впоследствии включить в своей речевой арсенал.

В качестве полезного результата проведенных занятий можно назвать сформированную у участниц мотивацию для занятий с психологом, о чем свидетельствовало выраженное сожаление по поводу завершения занятий. Желание продолжить тренировки обусловлено у осужденных женщин наличием беспокойства в связи с осознанием не-

достаточной сформированности навыков конструктивного общения вообще и с родственниками в частности («боюсь, сумею ли потом так», «как бы это все запомнить» и т. п.). В связи с этим представляется целесообразным организовать программу занятий социально-психологического тренинга навыков конструктивного общения большей длительности, а также сочетать групповые занятия с индивидуальными.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы и предложения:

1. Система социальных связей с родственниками, семейных отношений представляет собой привлекательный, мотивационно заряженный объект для психокоррекционного воздействия, в отношении которого прогнозируются минимальные эффекты психологического сопротивления со стороны осужденных женщин.

2. Тема конструктивного общения обладает универсальным характером, поскольку в процессе взаимодействия у всех людей возникает необходимость давать и принимать позитивную и негативную обратную связь в ответ на коммуникативные действия партнера, и включение ее в процесс психологического сопровождения осужденных представляется необходимым.

3. Программа социально-психологического тренинга из пяти занятий способствует формированию положительной мотивации к участию осужденных в психокоррекционных занятиях, обеспечивающих их ресоциализацию, и является недостаточной по объему для развития умений конструктивного общения на уровне навыков.

4. Формирование навыков конструктивного общения осужденных целесообразно начинать с области семейных отношений, распространяя полезные коммуникативные модели в другие сферы.

5. Модель социально-психологического тренинга представляется полезной для обеспечения подготовки осужденных к освобождению как в качестве системообразующей различных ее направлений, будучи фрагментарно представленной в работе всех пенитенциарных сотрудников, так и в качестве основы для создания программы (в том числе типовой или примерной), объединяющей содержание необходимых для освоения осужденным тем в коммуникативных ситуациях, в которых они смогут практиковать конструктивные формы общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышева А. В. Проблемы организации школы подготовки осужденных к освобождению в исправительных учреждениях // NovalInfo.ru. 2016. Т. 2. № 45. С. 283–289. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25957620>
2. Куренкова О. Е. Школа подготовки осужденных к освобождению как особая форма социально-педагогической деятельности исправительного учреждения // Право и образование . 2018. № 2. С. 96–102.
3. Попова Е. Э. Семья как форма общественного воздействия на осужденного к лишению свободы // Рос. следователь. 2012. № 7. С. 29–32.

REFERENCES

1. Barysheva A. V. Problemy organizatsii shkoly podgotovki osuzhdennykh k osvobozhdeniyu v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah [Problems of organizing a school for preparing convicts for release in prisons]. NovalInfo.ru. 2016. Vol. 2. Iss. 45. P. 283–289. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25957620> (In Russ.).
2. Kurenkova O. E. SHkola podgotovki osuzhdennykh k osvobozhdeniyu kak osobaya forma social'no-pedagogicheskoy deyatel'nosti ispravitel'nogo uchrezhdeniya [School of training convicts for release as a special form of social and pedagogical activities of a correctional institution]. Pravo i obrazovanie – Law and education. 2018. Iss. 2. P. 96–102. (In Russ.).
3. Popova E. E. Sem'ya kak forma obshchestvennogo vozdeystviya na osuzhdennogo k lisheniyu svobody [Family as a form of public influence on a person sentenced to imprisonment]. Ros. sledovatel' – Russian investigator. 2012. Iss. 7. P. 29–32. (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378

Антикоррупционные личностные качества как цели воспитания: историко-педагогический анализ

О. Б. ПАНОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности;

С. В. ОХАПКИН – начальник учебно-строевого подразделения психологического факультета ВИПЭ ФСИН России

Реферат

Противодействие коррупции является одним из приоритетных направлений политики российского государства. Особая значимость и многоаспектность антикоррупционной сферы обуславливают многовековой научный интерес к ней, делают ее предметом изучения ряда наук, в том числе философии, социологии, психологии, педагогики, юриспруденции и др.

Педагогический аспект антикоррупционной проблематики состоит в определении четких целей воспитания, отражающих ясное представление о том, какие личностные качества соответствуют образу антикоррупционной личности. Античные философы дали четкую категоризацию коррупционно значимым характеристикам, выделив положительные свойства этического и рационалистического уровней. К числу первых отнесены справедливость, бескорытность, добродетельность, объективность, презрение к роскоши, умеренность, жертвенность и др. В качестве интеллектуальных параметров рассматривались общая образованность и правовая просвещенность.

В психологии и педагогике антикоррупционные свойства рассматриваются через призму целостной личности. В качестве целей антикоррупционного влияния исследуются «антикоррупционная направленность», «антикоррупционная устойчивость», «антикоррупционная позиция» и др. По нашему мнению, применительно к педагогическим целям наиболее востребованным является интегративное личностное образование, характеризующееся наличием определенной совокупности свойств, объединенных функциональной целостностью. В роли такого полифункционального личностного образования выступает антикоррупционная позиция как наиболее оптимальная система личностных отношений к существующей реальности, объединяющая мировоззренческий и поведенческий аспекты существования в жизненных обстоятельствах с коррупционным контекстом.

В отечественной практике цели антикоррупционного воспитания подрастающего поколения реализуются средствами предметного, интегративного и институционального подходов в образовательном процессе. Особая актуальность институционального подхода объясняется его ориентированностью на создание условий для овладения достаточным социально-правовым опытом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: антикоррупционное воспитание; цели воспитания; личностные качества; коррупциогенная личность; антикоррупционная направленность; антикоррупционная устойчивость; предметный подход; интегративный подход; институциональный подход.

Anti-corruption personal qualities as goals of education: historical and pedagogical analysis

O. B. PANOVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety;

S. V. OKHAPKIN – Head of the Training Unit of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

Fight corruption is one of the priorities of the Russian state policy. The special state significance and multi-aspect nature of the anti-corruption sphere determine the centuries-old scientific interest in it, makes it the subject of study of a number of sciences including philosophy, sociology, psychology, pedagogy, law, etc.

The pedagogical aspect of anti-corruption issues is to determine the clear objectives of education, reflecting a clear idea of what personal qualities correspond to the image of anti-corruption personality. Ancient philosophers gave a clear categorization of corruption-significant characteristics highlighting the positive properties of ethical and rationalist levels. Among the first are justice, selflessness, virtue, objectivity, contempt for luxury, moderation, sacrifice, etc. General education and legal enlightenment were considered as intellectual parameters.

In psychology and pedagogy anti-corruption properties are considered through the prism of an integral personality. As targets of anti-corruption study they use the terms «anti-corruption orientation», «anti-corruption stability», «anti-corruption position», etc. In our opinion, in relation to pedagogical purposes the most important is integrative personal parameter, characterized by the presence of a certain set of properties, united by functional integrity. The role of such multifunctional personal parameter is the anti-corruption position as the most optimal system of personal relations to the existing reality, combining the ideological and behavioral aspects of existence in life circumstances with the corruption context.

In domestic practice the goals of anti-corruption education of the younger generation are implemented by means of subject, integrative and institutional approaches to the education process. The special relevance of the institutional approach is explained by its focus on creating conditions for young people to get sufficient social and legal experience.

Keywords: anti-corruption education; goals of education; personal qualities; corrupt personality; anti-corruption orientation; anti-corruption stability; anti-corruption position; subject approach; integrative approach; institutional approach.

На современном этапе развития российского государства одной из важнейших задач является противодействие коррупции, затронувшей практически все сферы жизни общества и представляющей серьезную угрозу для безопасности страны. Педагогический аспект решения данной проблемы связан с научным обоснованием модели антикоррупционной личности, базирующейся на четком представлении о системе этических качеств, определяющих правомерное служебное поведение. Представляется целесообразным применительно к целям антикоррупционного воспитания российской молодежи оперировать понятием «антикоррупционная позиция», которая рассматривается нами в качестве интегративного личностного образования, характеризуется наличием определенной совокупности

свойств, объединенных функциональной целостностью.

Анализ научной литературы позволяет отнести появление термина «антикоррупционная позиция» к началу XXI в., в то время как отдельные антикоррупционные качества личности всегда независимо от формы государственного правления являлись предметом общественного и научного интереса. Их многоплановость обусловила актуальность исследования для ряда наук, в том числе философии, юриспруденции, социологии, психологии, педагогики и др.

Слово «коррупция» образовано от латинского термина *corrumpere*, изначально имевшего ряд значений, среди которых такие, как расточать состояние, расстраивать дела, искажать смысл, фальсифицировать результаты, искажать действительность,

подкупать кого-либо [20, с. 23–24]. Начальные идеи об антикоррупционных качествах человека возникли в период античности и на протяжении длительного времени отождествлялись с понятиями «справедливость», «бескорыстность», «добродетельность». Гесиод, подчеркивая приоритет праведности и беспристрастности в деятельности чиновников, призывал государственных деятелей: «Приникни ухом к Справедливости и начисто забудешь о злоупотреблениях» [7, с. 34].

В античной Греции коррупция воспринималась как опасное явление, поражающее общественные ценности и традиции, угрожающее демократии и существованию государства. Общественное сознание древних греков было ориентировано на устранение этого порока. Платон, создавая модель идеального государства, настаивал на отчуждении должностных лиц от предметов роскоши: «Только в таком государстве будут править те, кто на самом деле богат не золотом, а тем, чем должен быть богат счастливый: добродетельной и разумной жизнью» [16, с. 273–274]. Уже в то время определились такие направления воспитания, как антикоррупционное просвещение, достижение законопослушания, овладение управленческими умениями, соответствующими границам демократических форм правления античного государства. В сочинениях древнегреческих мыслителей VII–VI вв. до н. э. отражены попытки использования рационалистического подхода к объяснению встающих перед людьми вопросов в сфере коррупционно значимых общественных отношений.

Платоном и Аристотелем была обоснована идея о неразрывности гражданской добродетели и законопослушания. Платон поднял обсуждение правовой проблематики на высоту дискурсивных толкований и понятий, заложив тем самым начало собственно теоретического исследования в антикоррупционной сфере отношений. Он отмечал: «Ведь из всех наук более всего совершенствует человека, ими занимающегося, наука о законах» [16, с. 245]. В этой связи он настойчиво рекомендовал изучать труды по правовой тематике. Своеобразным критерием идеального человека Платон считал наличие правовой грамотности, придавая ведущую роль при ее достижении просвещению. Согласно его представлениям законопослушание может формироваться с помощью безоговорочных утверждений, не требующих особого логического осмысления и механически выступающих в качестве

руководства в повседневной жизни, например: «справедливость требует, чтобы никто не захватывал чужого и не лишался своего» [16, с. 433].

Взгляды античных философов на рассматриваемую проблему получили дальнейшее развитие в эпоху Возрождения. Н. Макиавелли, конкретизируя характер злоупотреблений чиновников, соотносил их с использованием публичных возможностей в частных интересах. К свойствам, полярным стремлению к коррупции, он относил такие достоинства, как жертвенность, доброта, милосердие, гуманность и репутация [12, с. 286]. Т. Гоббс считал органическими качествами чиновников следование принципам справедливости, объективность, презрение к роскоши, умеренность. Злоупотребления государственных служащих он оценивал как преступное поведение и порицал тех, кто «смело совершает преступления в надежде, что удастся избежать наказания путем подкупа государственного правосудия» [6, с. 119]. Перечисляя причины коррупционных преступлений, Т. Гоббс подчеркивал, что «тщеславие порождает у людей предположение, что наказания, установленные законами и распространяющиеся обыкновенно на всех подданных, не должны быть применены к ним с той же строгостью, с какой они применяются к бедным, темным и простым людям» [6, с. 119].

Педагогический аспект в решении проблемы искоренения коррупционных качеств личности внес Г. Гегель, связавший преодоление этого зла с «добрыми предзнаменованиями возрождения моральных основ» [5, с. 376]. Он дал обоснование важности применения средств нравственного воздействия – убеждения, увещания, создания объединений, члены которых отказываются от системы коррупции и борются с ней.

И. А. Ильин внес вклад в раскрытие природы коррупционного поведения, сопоставил его причины с «корыстной волей» и «убогим правосознанием». Объясняя свое презрительное отношение к коррумпированным чиновникам, называемым им чернью, он подчеркивал: «Чернь отличается тем, что государственная власть есть для нее лишь удобное средство, служащее для достижения личных или классовых целей» [9, с. 298–299].

Юридический взгляд на коррупционные нарушения традиционно отражается в законодательстве и правоприменительной практике. Правоведение делает акцент на регулятивной функции права в ходе пре-

одоления коррупционных качеств личности, рассматриваемых в аспекте злоупотребления властными полномочиями для получения выгод в личных целях. Юристы систематизируют виды и формы коррупционных правонарушений по различным основаниям. В классификации М. Джонстона, базирующейся на представлении о широкой распространенности и глубине проявлений, в ряду коррупционных преступлений особо выделяются взятки чиновников и патронаж в форме покровительства [24, с. 267]. Особая опасность подкупа в структуре коррупционных преступлений актуализируется в трудах В. В. Астанина, считающего, что коррупция – это «социально-правовое явление такого разложения отношений в разных сферах управления, которое выражается в подкупе – продажности лиц, использующих служебное положение и связанные с ним возможности» [1, с. 35]. Эту точку зрения поддерживает и Н. А. Лопашенко, подчеркивая, что «подкуп является стержнем коррупции» [11, с. 47].

А. Хайденхаймер выделил типы коррупции по признаку ее приемлемости в общественном менталитете и, основываясь на таблице цветов, образно подразделил коррупцию на белую, серую и черную. Белая коррупция предполагает дозволенность определенных злоупотреблений, она фактически интегрирована в культуру; черная отражает ситуации, когда «преобладает согласие элиты и общественного мнения в осуждении и желании наказать ее на основе закона»; к серой коррупции отнесены события, по поводу которых в общественном сознании нет единого мнения [23].

Социология исследует коррупционные качества личности в аспекте социальных явлений и механизмов, обуславливающих их возникновение и развитие. Так, предметом социологических исследований выступает рефлексия общества на ситуации социальной и экономической неопределенности в стране. По мнению М. В. Шедий, в ходе социальной адаптации к кризисам и социальным проблемам у значительной части населения ценности потребительского общества и прагматические установки жизнеобеспечения приобретают доминирующее значение в ценностной структуре сознания, а это в свою очередь влияет на степень готовности к коррупционным отношениям [22, с. 15].

Существенный вклад в развитие исследуемой проблемы вносит психологическая наука. М. М. Решетников в своей книге «Психология коррупции: утопия и антиутопия» утверждает, что проблема искоренения

коррупции может быть решена преимущественно через потенциал психологической науки, поскольку природа данного явления носит сугубо психологический и общечеловеческий характер [17]. В психологии коррупционно значимые качества рассматриваются через призму целостной личности, соотносимой с определенной типологией. О. В. Ванновская для определения социального типа личности коррупционера предложила понятие коррупциогенной личности, понимая под этим определенный социальный тип, обладающий высокой склонностью к коррупции [3, с. 323–328]. В психологическом портрете коррупционной личности ею выделены следующие структурные элементы: жизненные цели, стремления, смыслы, ценностные ориентации; нравственное самосознание, установки нравственного поведения, правосознание, ответственность и долг; удовлетворенность жизнью, профессией, личным статусом, самоотношением; экстернальный локус контроля, механизмы принятия решения; импульсивный тип реагирования.

А. Н. Пастушеня оперирует понятием «антикоррупционная устойчивость», под которой он понимает субъективное неприятие совершения коррупционных деяний и готовность противостоять социальным условиям и влиянию других лиц, побуждающим к их совершению. В качестве противоположного явления им рассматривается личностная предрасположенность к совершению преступления, ядром которого выступает приемлемость коррупционного преступления как способа достижения материальных интересов и притязаний [15, с. 25–28].

С позиций педагогики проблема преодоления коррупции связывается с формированием личности в условиях воспитательного пространства, соотносится с развитием способности или готовности субъекта осуществлять профессиональную деятельность государственного служащего. Е. А. Шарапова делает акцент на антикоррупционной направленности личности и при описании модели ее формирования выделяет регулятивный, психологический, когнитивный и социально-профессиональный компоненты [21, с. 55–57]. А. Р. Хамдеев использует понятие «антикоррупционная культура», понимая под ним интегративное качество личности, включающее устойчивые ценностные установки на проявление активной гражданской позиции относительно коррупции, а также компетенции, необходимые для правового поведения [19, с. 18.]

Д. А. Рыбалкин вводит в научный оборот терминологический конструкт «антикоррупционная позиция личности» и характеризует ее как интеграцию ценностных отношений, основанную на таких качествах, как дисциплинированность, вежливость, доброжелательность, честность, совесть, самоотверженность и гуманность [18]. Уточнение данного определения с позиций экзистенциальной педагогики позволяет рассматривать антикоррупционную позицию в качестве личностного образования, интегрирующего доминирующие избирательные опосредованные отношения человека в виде психологической связи с различными сторонами коррупции, выражающегося в его антикоррупционных действиях, реакциях и переживаниях [14, с. 38–39].

Отношение к антикоррупционной позиции как личностному образованию указывает на актуальность применения образовательных ресурсов в процессе ее формирования. Изучение данной проблемы применительно к учреждениям профессионального образования позволяет выделить наличие предметного, интегративного и институционального подходов, в рамках которых реализуется задача формирования качеств антикоррупционной личности будущих специалистов.

Сторонники предметного подхода (Н. В. Мамитова, А. Р. Хамдеев и др.) считают, что антикоррупционное воспитание должно основываться на выделении дисциплин с антикоррупционным содержанием в самостоятельные курсы, каждый из которых учитывает особенности возраста обучаемых и специфику определенной образовательной программы. Примерами соответствующих самостоятельных учебных курсов выступают учебные дисциплины «Антикоррупционное образование и воспитание» (А. Р. Хамдеев) [19], «Антикоррупционная политика государства» (Н. В. Мамитова) [13, с. 88–92] и др. С целью конкретизации содержания учебной дисциплины рассмотрим структуру учебного курса «Антикоррупционное образование и воспитание». Тематический план предусматривает изучение следующих аспектов: коррупция и основные элементы стратегии противодействия ей, сущность и содержание антикоррупционного образования и воспитания, методы и принципы антикоррупционного образования и воспитания, место антикоррупционной проблематики в государственных образовательных стандартах, антикоррупционное образование в рамках неформального подхода, типичные

коррупционные правонарушения, юридическая ответственность за коррупционные правонарушения, стратегия антикоррупционного противодействия в Российской Федерации на современном этапе и др.

Интегративный подход в образовании описан как «целостное представление совокупности объектов, явлений, процессов, объединяемых общностью как минимум одной из характеристик, в результате чего создается его новое качество» (И. А. Зимняя и Е. В. Земцова) [8, с. 17]. В. М. Лопаткин считает, что интегративный подход является средством, позволяющим обеспечить «целостность картины мира; способствует развитию способностей человека к системному мышлению при решении теоретических и практических задач» [10].

Представители интегративного подхода исходят из того, что интегративный учебный курс, например «Правоведение», рассматривающий отдельные вопросы антикоррупционного воспитания в рамках других тем, обладает достаточным воспитательным потенциалом; задача преподавателя состоит в том, чтобы оптимально использовать его. Г. К. Балабушевич полагает, что интегративные образовательные программы, включающие антикоррупционные аспекты, должны опираться не только на правовую базу, но и обращаться к душе человека, способствуя формированию антикоррупционного сознания как интеграции социальных навыков, умений, моральных норм и гуманистических ценностей [2, с. 35–41].

Реализация институционального подхода связана с формированием качеств антикоррупционной личности в условиях организации жизни в виде правового пространства, где на первый план выходят вопросы выстраивания правовых, демократических отношений, не допускающих коррупционных проявлений, между всеми участниками. По мнению С. С. Гайдуковой, данную педагогическую систему надо включить в реализацию антикоррупционной политики государства как неотъемлемую часть воспитательной работы, направленной на формирование убежденности в необходимости и успешности антикоррупционного воспитания, полного отсутствия коррупционных случаев и коррупционной мотивации, признания педагогической деятельности как особой миссии по воспитанию будущего страны [4, с. 129–133]. Институциональный подход реализуется через взаимодействие и координацию усилий различных партнеров образовательных учреждений, подрост-

ковых клубов, молодежных общественных организаций, творческих союзов, союзов предпринимателей, органов юстиции и охраны правопорядка и т. п. для решения задач антикоррупционного воспитания.

Таким образом, в науке существуют разные форматы выявления и определения антикоррупционных качеств человека. Среди них выделены два вида, один из которых обозначает и описывает отдельные свойства, другой – их совокупность, определяющую наличие интегративного личностного образования. Каждый элемент из комплекса личностных качеств в отдельности означает разные возможности раскрытия сущности антикоррупционной личности, но не дает возможности всесторонне охарактеризовать целостный образ. Мы разделяем те взгляды, в которых антикоррупционные проявления представлены в едином личностном образовании. В роли такого полифункционального личностного образования нами рассматривается антикоррупционная

позиция как наиболее оптимальная система личностных отношений к существующей реальности, объединяющая мировоззренческий и поведенческий аспекты существования в жизненных обстоятельствах с коррупционным контекстом.

В отечественной практике формируется школа антикоррупционного воспитания в русле предметного, интегративного и институционального подходов. Представляется, что наиболее перспективным для становления антикоррупционной позиции личности будущего профессионала является институциональный подход, актуальность которого обусловлена тем, что он обеспечивает овладение социально-правовым опытом. Освоение молодыми людьми правового поля институционального уровня служит основанием для прогнозирования выбора антикоррупционного варианта поведения в ситуациях коррупционных рисков других уровней – территориального, государственного и т. п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астанин В. В. Коррупция и борьба с ней в России второй половины XVI–XX вв. (криминологическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 209 с.
2. Балабушевич Г. К. К вопросу о формировании антикоррупционного сознания учащихся образовательной школы // Право и соврем. гос-во. 2016. № 4. С. 35–41.
3. Ванновская О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Изв. рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 102. С. 323–328.
4. Гайдукова С. С. Антикоррупционное воспитание в системе педагогического вуза // Факторы и условия искоренения коррупции и других негативных явлений в образовании: психолого-педагогический аспект : материалы всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Славянск-на-Кубани, 28–29 мая 2016 г.). Славянск-на-Кубани, 2016. С. 129–133.
5. Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. М., 1978. 439 с.
6. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001. 240 с.
7. Доватур А. И. Феогнид и его время. Л., 1989. 208 с.
8. Зимняя И. А., Земцова Е. В. Интегративный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности выпускников вузов // Высш. образование сегодня. 2008. № 5. С. 14–19.
9. Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М., 1994. Т. 4. 624 с.
10. Лопаткин В. М. Интеграционные процессы в региональной системе педагогического образования. Барнаул, 2000. 162 с.
11. Лопашенко Н. А. Коррупция: методология исследования как научная основа антикоррупционной политики // Антикоррупц. политика в соврем. России. Саратов, 2006. С. 40–75.
12. Макиавелли Н. Государь. М., 2001. 656 с.
13. Мамитова Н. В. Основные направления государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции // Право и соврем. гос-во. 2015. № 2. С. 88–92.
14. Панова О. Б. Ситуации правового выбора в аспекте антикоррупционного воспитания сотрудников уголовно-исполнительной системы в образовательном процессе. Вологда, 2018. 112 с.
15. Пастушеня А. Н. Антикоррупционная устойчивость личности: психологическая характеристика // Вестн. Мос. гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 6 (56). С. 25–28.
16. Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998. 798 с.
17. Решетников М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб., 2008. 128 с.
18. Рыбалкин Д. А. Формирование антикоррупционной позиции курсантов вузов МВД России средствами социально-культурной деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2014. 194 с.
19. Хамдеев А. Р. Педагогическое обеспечение формирования антикоррупционной культуры студентов вуза : дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2015. 336 с.
20. Цветлюк Л. С. История возникновения коррупции // Наука и технологии: актуальные вопросы, достижения, инновации : материалы науч.-практ. конф. (Москва, 28–29 октября 2017 г.). М., 2017. С. 22–26.
21. Шарапова Е. А. Модель формирования антикоррупционной направленности личности в профессиональном воспитании студента вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 9. С. 55–57.
22. Шедий М. В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ : дис. ... д-ра социолог. наук. М., 2014. 393 с.
23. Heidenheimer A. Campaign Finance and Political Corruption: Tracing Long-Term Comparative Dynamics // Paper presented at the XVIII World Congress of the IPSA (August 1–5). Quebec, 2000.
24. Johnston M. Syndromes of Corruption: Wealth, Power and Democracy. N. Y., 2015. 267 p.

REFERENCES

1. Astanin V. V. Korrupciya i bor'ba s nej v Rossii vtoroj poloviny XVI–XX vv. (kriminologicheskoe issledovanie) : dis. ... d-ra jurid. nauk [Corruption and fight against it in Russia of the second half of XVI-XX centuries (criminological research) : the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 2001. 209 p. (In Russ.).
2. Balabushevich G. K. K voprosu o formirovanii antikorrupcionnogo soznaniya uchashchihsya obrazovatel'noj shkoly [The question of the formation of anti-corruption consciousness of the students of the school of education]. Pravo i sovrem. Gos-va – Law and modern States. 2016. Iss. 4. P. 35–41. (In Russ.).
3. Vannovskaya O. V. Lichnostnye determinanty korrupcionnogo povedeniya [Personal determinants of corruption behavior]. Izv. ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gercena – News of the Russian state pedagogical A. I. Herzen University. 2009. Iss. 102. P. 323–328. (In Russ.).
4. Gajdukova S. S. Antikorrupcionnoe vospitanie v sisteme pedagogicheskogo vuza [Anti-Corruption education in the system of pedagogical University]. Faktory i usloviya iskoreneniya korrupcii i drugih negativnyh yavlenij v obrazovanii: psihologo-pedagogicheskij aspekt : materialy vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf. (g. Slavyansk-na-Kubani, 28–29 maya 2016 g.) – Factors and conditions for the eradication of corruption and other negative phenomena in education: psychological and pedagogical aspect : materials of the All-Russian (with international participation) scientific-practical conference (Slavyansk-on-Kuban, May 28–29, 2016). Slavyansk-on-Kuban, 2016. P. 129–133. (In Russ.).
5. Gegeľ G. V. F. Politicheskie proizvedeniya [Political works]. Moscow, 1978. 439 p. (In Russ.).
6. Gobbs T. Leviatan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil]. Moscow, 2001. 240 p. (In Russ.).
7. Dovatur A. I. Feognid i ego vremya [Feognid and his time]. Leningrad, 1989. 208 p. (In Russ.).
8. Zimnyaya I. A., Zemcova E. V. Integrativnyj podhod k ocenke edinoj social'no-professional'noj kompetentnosti vypusknikov vuzov [Integrative approach to assessment of unified social and professional competence of University graduates]. Vyssh. obrazovanie segodnya – Higher education today. 2008. Iss. 5. P. 14–19. (In Russ.).
9. Il'in I. A. Sobr. soch. : v 10 t. [Collected works : in 10 vol.]. Moscow, 1994. Vol. 4. 624 p. (In Russ.).
10. Lopatkina V. M. Integracionnye processy v regional'noj sisteme pedagogicheskogo obrazovaniya [Integration processes in the regional system of pedagogical education]. Barnaul, 2000. 162 p. (In Russ.).
11. Lopashenko N. A. Korrupciya: metodologiya issledovaniya kak nauchnaya osnova antikorrupcionnoj politiki [Corruption: research methodology as a scientific basis of anti-corruption policy]. Antikorrupc. politika v sovrem. Rossii – Anti-corruption policy in modern Russia. Saratov, 2006. P. 40–75. (In Russ.).
12. Makiavelli N. Gosudar' [The Prince]. Moscow, 2001. 656 p. (In Russ.).
13. Mamitova N. V. Osnovnye napravleniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti protivodejstvija korrupcii [The main directions of the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption]. Pravo i sovrem. gos-vo – Law and modern state. 2015. Iss. 2. P. 88–92. (In Russ.).
14. Panova O. B. Situacii pravovogo vybora v aspekte antikorrupcionnogo vospitaniya sotrudnikov ugolovno-isspolnitel'noj sistemy v obrazovatel'nom processe [The situation of legal choice in the aspect of anti-corruption education of employees of the penal system in the educational process]. Vologda, 2018. 112 p. (In Russ.).
15. Pastushenya A. N. Antikorrupcionnaya ustojchivost' lichnosti: psihologicheskaya harakteristika [Anti-corruption stability of personality: psychological characteristics]. Vestn. Mos. gos. un-ta kul'tury i iskusstv – Bulletin of the Moscow state University of culture and arts. 2013. Iss. 6 (56). P. 25–28. (In Russ.).
16. Platon. Gosudarstvo. Zakony. Politik [State. Laws. Politician]. Moscow, 1998. 798 p. (In Russ.).
17. Reshetnikov M. Psihologiya korrupcii: utopiya i antiutopiya [Psychology of corruption: utopia and dystopia]. St. Petersburg, 2008. 128 p. (In Russ.).
18. Rybalkin D. A. Formirovanie antikorrupcionnoj pozicii kursantov vuzov MVD Rossii sredstvami social'no-kul'turnoj deyatel'nosti : dis. ... kand. ped. nauk [Formation of anti-corruption position of students of higher education institutions of the Ministry of internal Affairs of Russia by means of social and cultural activity : the diss. ... PhD. in Pedagogy]. Kazan, 2014. 194 p. (In Russ.).
19. Hamdeev A. R. Pedagogicheskoe obespechenie formirovaniya antivkorrupcionnoj kul'tury studentov vuza : dis. ... kand. ped. nauk [Pedagogical support for the formation of anti-corruption culture of university students : the diss. ... PhD. in Pedagogy]. Kazan, 2015. 336 p. (In Russ.).
20. Cvetlyuk L. S. Istoriya vznikeniya korrupcii [The history of corruption]. Nauka i tekhnologii: aktual'nye voprosy, dostizheniya, innovacii : materialy nauchn.-prakt. konf. (Moskva, 28–29 oktyabrya 2017 g.) – Science and technology : topical issues, achievements, innovations : materials of the scientific-practical conference (Moscow, October 28–29, 2017). Moscow, 2017. P. 22–26. (In Russ.).
21. SHarapova E. A. Model' formirovaniya antikorrupcionnoj napravlenosti lichnosti v professional'nom vospitanii studenta vuza [Model of formation of anti-corruption orientation of the individual in the professional education of a University student]. Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika – Society: sociology, psychology, pedagogy. 2016. Iss. 9. P. 55–57. (In Russ.).
22. SHedij M. V. Korrupciya kak social'noe yavlenie: sociologicheskij analiz : dis. ... d-ra sociolog. nauk [Corruption as a social phenomenon: a sociological analysis : the diss. ... Dsc. in Sociology]. Moscow, 2014. 393 p. (In Russ.).
23. Heidenheimer A. Campaign Finance and Political Corruption: Tracing Long-Term Comparative Dynamics // Paper presented at the XVIII World Congress of the IPSA (August 1–5). Quebec, 2000. (In Eng.).
24. Johnston M. Syndromes of Corruption: Wealth, Power and Democracy. N. Y., 2015. 267 p. (In Eng.).

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ**

Аверкин С. Д., заместитель начальника юридического факультета Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: averkin09@mail.ru

Алимпиев А. А., адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России. E-mail: lehaimovich@mail.ru

Анфиногенов В. А., старший научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: 01vaang@mail.ru

Бабаян С. Л., профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, старший научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: bsl09@mail.ru

Баламут А. Н., заместитель начальника психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: balamut01@yandex.ru

Боровиков С. А., доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: borovikov2005@yandex.ru

Дечкин О. М., преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России. E-mail: olegD4105@mail.ru

Дзидзария Б. Ю., заведующий кафедрой государства и права Абхазского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: dzary@rambler.ru

Малышев К. Б., профессор кафедры социологии Вологодского государственного университета, доктор психологических наук, доцент. E-mail: konbormal@mail.ru

Малышева О. А., доцент кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук. E-mail: konbormal@mail.ru

Муркштис М. И., доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук. E-mail: ugr-asp@yandex.ru

Нагорных Р. В., профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: Nagornikh-vipe@mail.ru

Оботурова Н. С., профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор

философских наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. E-mail: oboturova@inbox.ru

Охапкин С. В., начальник учебно-строевого подразделения психологического факультета ВИПЭ ФСИН России. E-mail: sv_okharkin@mail.ru

Павлушков А. Р., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: apavlushkov@yandex.ru

Панова О. Б., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. E-mail: xenia-vipe@mail.ru

Пенской П. К., начальник отделения организации научно-исследовательских работ организационно-научного и редакционного отдела Воронежского института ФСИН России, кандидат химических наук. E-mail: vifsin@mail.ru

Поздняков В. М., профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор. E-mail: pozdnaykov@flc.ru

Ракитская О. Н., начальник кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: rakitskayaoxana@yandex.ru

Савинова Е. А., преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России. E-mail: lenasavinov@mail.ru

Середин А. А., врио заместителя начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: seredin-a@mail.ru

Смолева Е. О., научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук. E-mail: riolenas@rambler.ru

Храброва Е. В., доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: khrabrova-elena@yandex.ru

Хрулева В. В., доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: vimvdtgp@mail.ru

Чирков А. М., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Шишигина С. Н., научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России. E-mail: sshishigina@inbox.ru

Штефан Е. Ф., старший преподаватель кафедры организации психологической службы в

уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: evg-shtefan@yandex.ru

Шукаева Е. С., начальник кафедры гражданского и трудового права Воронежского института ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: Elena2520@yandex.ru

Ядрихинский С. А., доцент кафедры административного и финансового права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: Syadr@yandex.ru

Янчук И. А., начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: igor35.82@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alimpiev A. A., Adjunct of the Department of Criminal Law and Criminology of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: lehaimovich@mail.ru

Anfinogenov V. A., Senior Researcher of the Research Center-2 of the Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: 01vaang@mail.ru

Averkin S. D., Deputy Head of the Law Faculty of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: averkin09@mail.ru

Babayan S. L., Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Senior Researcher of the Research Center-2 of the Scientific Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: bsl09@mail.ru

Balamut A. N., Deputy Head of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor. E-mail: balamut01@yandex.ru

Borovikov S. A., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: borovikov2005@yandex.ru

Chirkov A. M., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the the Vologda Institute of Law and Economics of the Fed-

eral Penal Service of Russia, Dsc. in Medicine, Full Member of the International Academy of Sciences of Ecology and Life Safety. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

Dechkin O. M., Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: olegD4105@mail.ru

Dzidzaria B. Yu., Head of the Department of State and Law of the Abkhaz State University, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: dzary@rambler.ru

Khrabrova E. V., Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogy, Associate Professor. E-mail: khrabrova-elena@yandex.ru

Khruleva V. V., Associate Professor of Theory and History of State and Law of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: vimvdtgp@mail.ru

Malyshev K. B., Professor of the Department of Sociology of the Vologda State University, Dsc. in Psychology, Associate Professor. E-mail: konbormal@mail.ru

Malysheva O. A., Associate Professor of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogy. E-mail: konbormal@mail.ru

Murkshtis M. I., Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Peoples' Friendship University of Russia, PhD. in Law. E-mail: ugp-asp@yandex.ru

Nagorniykh R. V., Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. E-mail: Nagornikh-vipe@mail.ru

Oboturova N. S., Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Philosophy, Associate Professor, Full member of the International Academy of Ecology and Life Safety. E-mail: oboturova@inbox.ru

Okhapkin S. V., Head of the Training Unit of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: sv_okhapkin@mail.ru

Panova O. B., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety. E-mail: xenia-vipe@mail.ru

Pavlushkov A. R., Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Associate Professor. E-mail: apavlushkov@yandex.ru

Penskoy P. K., Head of the Department of Scientific Research Work of the Organizational-Scientific and Editorial Department of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Chemistry. E-mail: vifsin@mail.ru

Pozdnyakov V. M., Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Faculty of Extreme Psychology of Moscow State Psychological and Pedagogical University, Dsc. in Psychology, Professor. E-mail: pozdnyakov@flc.ru

Rakitskaya O. N., Head of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor. E-mail: rakitskayaoxana@yandex.ru

Savinova E. A., Lecturer at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: lenasavinov@mail.ru

Seredin A. A., Acting Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: seredin-a@mail.ru

Shishigina S. N., Researcher of the Organizational Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: sshishigina@inbox.ru

Shukayeva E. S., Head of the Department of Civil and Labor Law of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Associate Professor. E-mail: Elena2520@yandex.ru

Smoleva E. O., Researcher of the Federal State Budgetary Institution of Sciences Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: riolenas@rambler.ru

Stefan E. F., Senior Lecturer at the Department of the Organization of Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: evg-shtefan@yandex.ru

Yadrikhinsky S. A., Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Northwestern Institute (branch) of the O. E. Kutafin University (MSLA), PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: syadr@yandex.ru

Yanchuk I. A., Head of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: igor35.82@mail.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

Е. Л. Харьковский

Ответственный секретарь:

С. П. Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-67019 от 30.08.2016 г.
ISSN 2076-4162

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:

160010, г. Вологда, ул. Кубинская, д. 16, кв. 74

Телефоны:

(8172) 51-82-50 (8172) 51-46-12

(8172) 51-98-70

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 01.12.2018.

Дата выхода в свет 19.12.2018.

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 17. Заказ № 7156.

Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал занимает достойное место среди ведомственных изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширяет ряды авторов и читателей.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки».

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и соблюдении требований к оформлению.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте vipe.fsin.su

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Розничная цена – 220 руб. за 1 экземпляр.